

Михаил Ахметов

Кремниевые чипы и люди из кремня

современный производственный
роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Ахметов

**Кремниевые чипы
и люди из кремня**

«Автор»

2013

Ахметов М.

Кремниевые чипы и люди из кремня / М. Ахметов — «Автор»,
2013

ISBN 978-5-532-95539-4

Современный производственный роман. Как строился бизнес в России в
двухтысячные. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-95539-4

© Ахметов М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1 (26) В доме у Герстекеров	5
Глава 2 (27) У Лаземанов	14
Глава 3 (28) Матильда	22
Глава 4 (29) Церковь.	31
Глава 5 (30) Учитель. Школа. Ханс.	40
Глава 6 (31) Постоялый двор «У моста». Разговор с хозяином	51
Глава 7 (32) Третий разговор с хозяйкой	59
Глава 8 (33) Шварцер	66
Глава 9 (34) В доме Варнавы	73
Глава 10 (35) Письмо	81
Глава 11 (36) Разговор с Амалией	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Михаил Ахметов

Кремниевые чипы и люди из кремня

Глава 1 (26) В доме у Герстекеров

Те читатели, которые хотят сначала прочитать или перечитать первую часть Замка написанную Францем Кафкой, надо пролистать вторую часть до конца – дальше будет текст Кафки. Согласен, что это выглядит странно, а впрочем... наверное, нет.

...

Они долго пробирались по снегу, освещаемые лишь скудным лунным светом, но Герстекер, видно, как местный житель, хорошо знал дорогу, и они совсем не плутали, хоть им и приходилось идти в полутьме по заметённым по колено узким улочкам Деревни. Но постепенно спутник К. всё же начал уставать и всё чаще останавливался, наклоняясь вперёд, и уперевшись руками в колени, заходил в жестоком кашле, на который окрестные дворовые псы тут же отвечали возбуждённым лаем. В эти моменты Герстекер почти повисал на К., превращаясь вместе с ним в зыбком лунном свете в какое-то жуткое четвероногое существо издающее пугающие звуки, которые со временем становились уже совсем похожими на собачий вой. Тогда К. казалось, что они никогда не смогут добраться до дома Герстекера, и что тот скончается у него на руках, а сам К. замёрзнет, не найдя в полутьме обратную дорогу в гостиницу; или может быть, даже если он, К., и выживет этой ночью, то его на другой день сразу же обвинят в гибели его спутника, и тогда ему уже не удастся отделаться одним-другим допросом. Тут Замок возьмётся за него всерьёз; и если уж здесь жёстко взыскивают с жителей за незначительные на первый взгляд провинности, как это, например, произошло с семейством Варнавы, то за его теперешнее преступление – убийство Герстекера – наказание, наверное, будет вовсе немислимым. К. уже начинало казаться, что это он, как будто бы сам ведёт Герстекера навстречу его гибели, и посему вина К. будет определённно налицо перед судебными исполнителями. Он настолько испугался этих воображаемых последствий, что невольно начал придерживать Герстекера за плечо, хотя тот и так двигался еле-еле. И может быть, К. отоспавшийся за сутки в гостинице и набравший сил, уже совсем бы не дал Герстекеру шагать дальше, если бы тот, вдруг закашлявшись в очередной раз, не объявил, что они прибыли в пункт назначения.

К. осмотрелся и смутно начал припоминать место, где он уже был в первый свой день прибытия в Деревню, и что, на самом деле, перед ним дом Лаземана, где он тогда встретил женщину из Замка, мать Ханса, и откуда его так недружелюбно вывели под руки сам Лаземан с Брунsvиком. И тут же К. вспомнил, что и сам Герстекер после вышел из этого же самого дома, чтобы отвезти его на постоялый двор, да только вот объявился он с другой его стороны. И даже крохотное оконце слева всё то же, только тогда оно было совсем иссиня-чёрным на дневном свете, а сейчас в ночи оно мерцало слабым еле уловимым светом, как будто за ним кто-то держал зажжённой свечу или лучину. Тут К. пришло в голову, что если Герстекер даст ему стол и квартиру в своём доме, как обещал, то находясь рядом с Лаземанами, к которым часто прибегает Ханс, можно будет успешнее поддерживать связь с мальчиком, а может быть, даже через него удастся позвать к Лаземанам и его мать, а там уж К. найдёт способ с ней поговорить с глазу на глаз, если их будет разделять всего лишь внутренняя стенка дома. А, может быть, подумал К., получится подкараулить её прямо во дворе, когда она выйдет из дома по своим надобностям или же, наоборот, будет возвращаться. Да, даже так, пожалуй, будет лучше, она тогда не станет так сильно торопиться на обратном пути. А свободного времени, чтобы её дожидаться у К. будет сколько угодно, если Герстекер его не обманывает. Тут К. вспомнил про Пепи, и что бедная глупая девочка ждёт его, наверное, как они договаривались, подле ворот

у маленькой двери и мёрзнет, а К. всё нет и нет. Как бы она из-за этого не стала, со своими подружками горничными, очередными его врагами, они здесь на удивление легко заводятся, а вот друзей у К. совсем мало, словно кот заплакал, да и неизвестно ещё, друзья это или так, временные союзники, которые, если им будет это надобно, продадут его за бесценок. Надо будет всё-таки примириться с Пепи, если она на него рассердится, свои люди в гостинице ему необходимы, а горничные знают там всё, да и против Иеремии будет сподручней бороться, и о Фриде сведения получать. При мысли о своей несостоявшейся свадьбе и уведённой у него невесте, у К. сжалось сердце, и он тяжело вздохнул.

– Да проходи же скорее в дом, – услышал он вдруг дребезжащий голос Герстекера и пришёл в себя от своих дум.

Тот давно уже справился с дверным запором, и стоя у приоткрытой двери, нетерпеливо махал К. рукой, как будто опасаясь, что тот улизнёт от него в самый последний момент и столько трудов сегодня будет потрачено впустую. Из дверного проёма лился слабый свет и веяло домашним теплом, так что намерзшийся в дороге К. торопливо шагнул за порог.

Горница в комнате была смутно освещена лишь одним огарком свечи, и при этом свете кто-то, низко согнувшись под выступающими над углом косыми потолочными балками, читал книгу. Это была мать Герстекера. Она подала К. дрожащую руку и усадила рядом с собой; говорила она не без труда, и понимать её было непросто. Но с другой стороны, сам Герстекер усевшийся рядом с ними за стол, понимал её очень хорошо, и всячески старался подсказывать К. её слова, когда ему не мешали приступы кашля. Но, по крайней мере, она хотя бы сама неплохо слышала, и К. не требовалось по десять раз громко повторять для неё одно и то же.

К. надеялся, что она расскажет ему что-то важное о Деревне, а может быть, даже и о Замке, во всяком случае, по её сгорбленной спине и избороздённому морщинами лицу, которые казались ещё чернее и глубже над дрожащим пламенем свечи, можно было ожидать, что мать Герстекера застала всех здешних взрослых жителей ещё в своих колыбельках и могла знать очень много из того, о чём К. даже не догадывался.

Но старуху почему-то больше интересовала жизнь самого К., а в особенности то, что он мог вспомнить о своих родителях и своём раннем детстве. К. уже изрядно проголодавшийся, изо всех сил старался убаготворить любопытство матери Герстекера, справедливо опасаясь, что если старуха рассердится на его неразговорчивость, то её послушный сын может запросто выставить К. из дома обратно на улицу, где ему придётся, либо замёрзнуть окончательно, либо искать в ночи дом Варнавы, ибо больше ему идти будет некуда; Пепи-то, уж точно, полночи его ждать у двери не станет. Поэтому он, сглатывая время от времени голодную слюну, старательно рассказывал ей о своей семье, братьях и сёстрах, отце и матери и так увлёкся воспоминаниями, что забыл про свой голод, и как будто снова перенёсся в те счастливые для него и наполненные теплом времена.

Мать Герстекера внимательно его слушала, время от времени, задавая своим дрожащим голосом уточняющие вопросы, которые уже по привычке тут же повторял для К. её сын; и даже несколько раз она брала в руку догорающую уже свечу, и капая на стол воском, подносила её ближе к лицу К. – да так, что ему даже приходилось немного откидываться назад, чтобы ненароком не занялись огнём волосы у него на голове – и как будто стараясь своими подслеповатыми глазами, получше разглядеть его черты в полутьме. Но чем дальше заходили вопросы, и чем подробнее вспоминал о своём детстве К., тем больше недоверия и усталости показывалось в её лице. Она словно переставала верить словам К., как будто он говорил что-то идущее совсем вразрез с её ожиданиями. А тут ещё и свеча окончательно догорела и погасла с лёгким шипением, и они оказались в полной темноте, где К. мог слышать лишь хриплое усталое дыхание старухи, да кашель её сына.

«Почему ты не говоришь мне всей правды, К.?» – услышал он вдруг из ночной тьмы голос матери Герстекера и даже вздрогнул от неожиданности, насколько этот внятный, но усталый

голос, хоть и исполненный разочарования, не походил на дрожащий и слабый голос старухи, что он еле разбирал минутой раньше с помощью её сына.

«Я хочу помочь тебе, – её голос становился всё более уставшим, но всё ещё оставался звучным, – но ты должен перестать рассказывать мне выдуманные истории. Расскажи мне правду К., зачем ты приехал сюда. Кто ты на самом деле?»

К. охватила паника, поскольку, как он ни старался, выходит, правдиво отвечать на все вопросы, он только снова разочаровывал людей, от которых зависело его ближайшее будущее. Поэтому он ошупью крепко уцепился за место, на котором сидел, рассчитывая на то, что тщедушный Герстекер и его престарелая мать, даже если захотят, то по причине своей слабости, всё равно не смогут вытолкать К. на улицу, тем более, если он покрепче ухватится за скамью. Другое дело, если они позовут себе на помощь соседа Лаземана, который, как помнил К., был крепкий мужчина, и вот тогда уж К. точно будет несдобровать.

«Я землемер», – неуверенно ответил он, уже начиная сам сомневаться в своих словах в этой окружающей его первозданной тьме; в самом деле, может быть и вправду, он кто-то другой, может, он спит, и ему только снится, что он когда-то был землемером, и что у него было то самое детство и те самые родители зацепившиеся за его память, а на деле он совсем другой человек с тайной внутри себя, и эту тайну требует раскрыть от него старуха? Кто же он, на самом деле, если он сам не знает своей тайны?

Ответом ему послужил разочарованный вздох, и К. услышал как мать Герстекера что-то неразборчиво шепчет своему сыну, а тот слушает, изо всех сил сдерживая очередной приступ кашля, отчего из его горла раздавалось какое-то странное жужжание, как будто где-то рядом в темноте летало кругами огромное крылатое насекомое. Наконец, Герстекер, видно, дослушавший слова своей матери, поднялся с заскрипевшего табурета, и по таким же скрипящим половицам, невидимо, но слышно для К., зашаркал из комнаты и пропал в глубине дома, откуда почти сразу же донёсся очередной взрыв кашля.

«Но у меня же есть документы, что я привёз с собой в Деревню, – растерянно вспомнил К., обращаясь в темноте по направлению, где должна была примерно находиться старуха, – в них указано кто я, моя профессия и там даже должен быть мой вызов из Замка от графской канцелярии».

Он машинально похлопал себя по карманам и вдруг похолодел. Эти бумаги и не должны были находиться у него в карманах, они лежали в специальном отделении рюкзака, с которым он явился на постоялый двор «У моста» четыре дня назад. Но с постоялого двора его вместе с Фридой прогнала хозяйка, вернее, тогда она выгнала только его, а Фрида ушла сама, так как в то время она ещё любила К. и была готова идти за ним куда угодно, хоть на край света или хоть в нетопленный школьный зал. Значит, получается, рюкзак с его пожитками должен находиться в школе, в гимнастическом зале, где они ночевали вчетвером вместе с тогда ещё не уволенными помощниками. Как же он мог про него позабыть? А теперь Фрида стакнулась с Иеремией, ухаживает за ним, пока он болеет, и может, даже рассказывает ему сейчас, где лежат вещи К., если тот сам про это позабыл! И когда Иеремия сообразит, что если он выкрадет документы К. когда выздоровеет, то тогда тот сразу же окажется в его власти целиком и полностью. Да, может, Иеремия уже сейчас крадётся по темноте к школе, невзирая на свою болезнь, чтобы отомстить К. за все неприятности, которые тот ему причинил. Да и не болеет он, наверняка, а просто притворялся тогда перед Фридой, чтобы её разжалобить, К. сразу это понял, когда увидел его вместе с Фридой, понял по её жалостливому взгляду. Болеет вон – Герстекер, тут уж возразить нечего, даже из другого конца дома его кашель слышен, а Иеремия, что же, напился горячего чаю с вареньем, пропотел, да и давай показывать свой пот и пошатываться на ногах перед теми, кто готов его пожалеть. Но К. то не проведешь, плохо только, конечно, что он поздно догадался о притворстве Иеремии, и надо теперь скорее бежать в школу в этой тьме, чтобы выручить свои вещи, а главное, документы. Ведь, если они пропадут, то у К. и останутся-то

только два измятых письма от Кламма, что он таскает в заднем кармане своих штанов, а больше ничего у него не останется. А на эти письма и так маловато надежды, даже со всеми остальными документами, что были у К., а уж без них и вовсе.

От этих мыслей К. провалился буквально в самую глубину ужаса. Ему следовало немедленно бросать все свои дела здесь и мчаться выручать свой рюкзак, но он понимал, что в этом доме он фактически в плену у Герстекеров, и если он, даже сейчас сбежит отсюда, то наверняка, замёрзнет этой же ночью на какой-нибудь глухой улочке в Деревне, так и не найдя в темноте дорогу к школе. Но, может быть, Герстекер проводит его туда за обещание щедро заплатить ему впоследствии? Сейчас у К. не было с собой ни монетки, и он понимал, что, скорее всего, он обманет Герстекара, суля ему за помощь награду, которой у него нет, но с другой стороны, сам Герстекер обещал ему деньги за подспорье в работе на конюшне, и таким образом К. всё-таки мог бы рассчитаться с ним заимообразно без обмана в будущем.

«Документы, циркуляры, протоколы, – вынырнув на мгновение из глубины охватившей его паники, вдруг услышал он снова из темноты голос старухи, – нынче все в Замке и в Деревне совсем на них помешались. От последнего батрака до старосты, и я уж не говорю о чиновниках из Замка, они запутали паутиной своих предписаний не только Замок, но и всю Деревню, а дай им волю, доберутся и до оставшихся полей и перелесков в округе».

Как не ни был испуган К. своими перспективами остаться без документов и превратиться по сути затем в бесправное животное – да, даже у животных здесь, наверняка, были ветеринарные свидетельства и прочее – но слова матери Герстекара неожиданно его поразили, и он даже на мгновение позабыл о своих горестях. Никогда прежде он не слышал здесь подобных слов. Администрацию здесь, как видно, боялись, любили, уважали, перед ней трепетали, но никто ещё при К. её не порицал, разве что сам К. изредка это делал, да и то с осторожностью, как он говорил себе – для пользы дела.

В эту минуту в комнату вернулся Герстекер с новой зажжённой свечой, которую он принёс из большой комнаты с топившейся там печью, и сдерживая кашель, сел рядом со своей матерью, выставив свечу на стол прямо перед ней.

«Во времена моей молодости Замок был настоящим дворянским гнездом, а я тогда была служанкой у матери нынешнего графа, – задумчиво произнесла старуха, чуть покачивая головой и глядя куда-то вдаль на то, что другим было узреть уже не дано – и какое это было прекрасное время К., какое прекрасное время! Я помню роскошные выезды старого графа Вествеста и его придворных на охоту и в церковь, а когда он во главе блистательной процессии проезжал через Деревню, то толпы крестьян с обнаженными головами толпились по краям дороги, с почтением и страхом взирая на него самого и его прелестную супругу. А кортеж сопровождавший графа был настолько длинный, что когда первая его карета запряжённая четверкой лошадей выезжала из Деревни, последние из карет ещё только приближались к ней! Граф был суров, но справедлив, К., очень справедлив, и это он выстроил нам в Деревне новую церковь и школу, и мы все просто молились на него и благодарили за него Бога».

К. слушая речь матери, на минуту даже забыл о своем рюкзаке и своих документах в нём. «И когда всё это происходило?» – спросил он, и на эту же минуту старый Замок предстал перед ним совсем в ином свете, чем раньше; надо же, значит, здесь когда-то всё было совсем по-другому!

«Больше сорока лет назад, – скорбно вздохнула мать Герстекара, – да, не меньше, но потом старый граф скончался, и из столицы вернулся его сын, новый граф Вествест, и завёл здесь свои порядки, к которым он, наверное, привык у себя в столичном городе. Теперь-то, конечно, они старые, пожалуй, сейчас только самые пожилые жители Деревни, такие как я, помнят какой жизнью здесь жили раньше, да и то уже, и они начали забывать прошлое. И происходило всё, как-то знаешь, постепенно и понемногу; сначала вводилось то одно, то другое новшество от графа и прибывшей с ним графской канцелярии, приезжали то одни, то другие

чиновники с обновлёнными предписаниями, всё время возникали и постоянно реорганизовывались новые административные службы в Деревне и Замке, отделы исполнения предписаний по Деревне, отделы контроля этих отделов и так далее. И так потихоньку, как в той сказке, где лягушек долго грели в котле на огне, мы и не заметили как сварились. Но я-то, К., ещё помню былые времена, и мне не нужен твой паспорт, чтобы понять, что ты не тот за кого себя выдаешь, и что ты обставил свой приезд, как будто ты землемер только для того, чтобы скрыть свои истинные цели, которые я впрочем готова поддержать; ведь не зря же, как только я услышала о тебе от своего сына, я начала подозревать кто ты есть на самом деле. Но Герстекеру пришлось за тобой долго побегать, чтобы залучить тебя сюда, а ведь он у меня совсем больной, как ты сам с лёгкостью можешь убедиться. Сначала я очень рассердилась на сына, что он сразу отвёз тебя на постоянный двор и только потом рассказал мне об этом. Но уж очень он у меня пугливый и осторожный, жизнь-то его прожевала и выплюнула, так что его действиям – избавиться от тебя как можно скорее – я не удивляюсь, хотя и сильно потом досадовала на него за это. Но дальше я поговорила с Анной и тогда уже начала сразу тебя искать, но ты тем временем был то в одном месте, то в другом, и действовал в соответствии со своими собственными планами, которые здесь никому не понятны и чужды, и поэтому совершил множество ненужных ошибок, которых можно было избежать, встретиться мы раньше».

К. только печально вздохнул в ответ, соглашаясь с тем, что старания его оказывались совершенно бесполезными, и даже если взять, к примеру, его честное намерение жениться на Фриде... Что и явилось одной из главных его ошибок, а может быть, даже самой главной, подтвердила мать Герстекера, а её сын только молча закивал головой в знак одобрения сказанных ею слов.

К. немного растерялся от такого безапелляционного утверждения; ошибкой можно было бы считать, что он совершенно неожиданно стал соперником, а может, даже противником Кламма в борьбе за Фриду, и положила руку на сердце, если бы было возможно повернуть время вспять, то, может быть, и не стоило ему так неистово соблазнять Фриду, точно зная при этом, что Кламм находится в соседней комнате. Но тут уж Фрида сама усугубила их положение, объявив на весь постоянный двор, что её новый избранник – землемер. Хотя К. и сейчас не склонен её сильно винить, так как молодые девушки в таких ситуациях могут вести себя легкомысленно, вернее, по велению своего сердца, что как раз и может выглядеть со стороны как легкомысленность. Но раз уж дело сделано, то его желание жениться на Фриде никак не может быть ошибкой, ибо это показывает его серьёзные намерения и состоятельность его действий. Опозорить и бросить одинокую деревенскую девушку у которой нет родных, стало бы позорным и бесчестным проступком перед всей общиной, после чего, даже речи бы идти не могло о приёме К. на графскую службу, да и ему самому бы очень повезло, если бы ему удалось после этого унести ноги из Деревни без последствий для себя.

Но старуха только махнула рукой; добродетель Фриды полностью её собственное дело, и никто бы не стал ни в чём винить К., если бы дело не касалось бы, разве что прямого насилия. А поскольку, по всей видимости, всё случилось по обоюдному желанию и согласию, да ещё и неизвестно, тем более, чьего желания или согласия там было больше К. или Фриды, то и претензий к нему никто предъявлять бы не стал, хотя, конечно, за всю свою жизнь она, мать Герстекера, не припомнит, чтобы буфетчицу соблазняли прямо под стойкой буфета через час после знакомства. Ну, да, теперь эти подробности всем известны, новости в Деревне расходятся быстро, особенно учитывая, что у К. такие болтливые помощники, которых он ещё зачем-то держит в подобных предприятиях при себе.

К. ощутил, что всю краснеет, и порадовался, что это хотя бы происходит в полутьме и никто не видит краску стыда на его щеках. Подлые помощники! Сколько неприятностей они ему принесли, а может быть, ещё и принесут в будущем. Пожалуй, вот это и было его главной ошибкой, взять товар не глядя, доверившись решению какого-то неизвестного чиновника

из Замка, подобравшего ему таких проходимцев вместо того, чтобы дожидаться своих старых проверенных работников, с которыми он проработал рука об руку уже не один год. Получается, К. расслабился, привык к хорошему, а тут-то его подло и обманули, хотя здесь и не скажешь точно, по чьей-то безалаберности это произошло или с какой-то тайной целью. Выходит, теперь его старые помощники радуют своей отличной работой какого-нибудь нового господина незнакомого К., раз они так и не прибыли в Деревню; как известно, хорошие работники без хозяина долго не скучают. А он сам вместо помощников получил двоих вредителей, и неизвестно ещё сколько вреда они успеют ему нанести в будущем.

Но, в любом случае, сказал К., женитьба на Фриде не становится из-за этого ошибкой, даже, если бы никто в Деревне и не обратил внимания на её соблазнение. Он, К., честный человек и тем более, он полюбил Фриду с первого взгляда, такое в жизни бывает, он не собирается в этом оправдываться. Другое дело, что она ему отказала в итоге, и свадьба похоже не состоится. Про Иеремию К. решил пока умолчать, пусть бывший помощник сам хвалится своей победой над К., лично он ему в этом помогать не будет.

Мать Герстекера, несмотря на свою немощность, прямо-таки закипела от негодования на его бестолковость.

«Да не в самой женитьбе дело, К.! – чуть ли не крикнула она, – а в том, что, если ты даже и приехал в Деревню после стольких лет отсутствия под личиной землемера – здесь я понимаю твою осторожность, то всё равно жениться этим же днем на бывшей скотнице, когда у тебя такие перспективы и права в Замке, это то же самое, что повесить себе на шею мельничный жернов и прыгнуть с ним не глядя в омут. Куда ты потом её денешь, с положением буфетчицы, очевидной вершиной её карьеры, когда тебе понадобится помощь могущественных дам из Замка? Как они отнесутся к твоей простушке жене, с которой ты должен будешь вековать до самой смерти, если ты таким образом напрочь закроешь себе доступ к намного более благородным женщинам, К.? И как ты этого не хочешь сообразить или делаешь вид, что не хочешь сообразить. Сейчас мне кажется, что ты просто играешь или смеешься надо мной. Мною, которая хочет помочь вернуть тебе всё твоё по праву!»

В этих словах мать Герстекера выплеснула последние свои упрёки, как воду из таза, и умолкла, прикрыв лицо узловатыми морщинистыми руками. Сам Герстекер сидел с приоткрытым в замешательстве ртом, в котором при свете свечи влажно поблескивали его редкие зубы, и поочередно переводил туповатый взгляд, то на свою мать, то на К., надо полагать, пытаюсь понять, как ему поступить: начать ли утешать мать или приняться выговаривать К. за его двойную, как выясняется, игру. Но и так было очевидно, что Герстекер мало что уяснил из слов своей матери для того, чтобы быть в силах попрекать К., если даже сам К. сидел напротив Герстекеров в полном недоумении, разве что не с открытым, а с закрытым ртом.

«Может, и вправду, я не землемер, а совсем другой человек? – вдруг промелькнуло у К. в голове, – и этим объясняются все мои здешние неудачи? Мне надо идти прямо, а я поворачиваю в сторону, хочу заключить союз с важной персоной, а делаю её своим врагом, спешу жениться на Фриде, а пропадаю ночью в доме у сестёр Варнавы».

Но, если он не землемер, а всего лишь воспроизводит собой облик землемера, личину, как сказала мать Герстекера, то это ведь то же самое, как если бы бродячая кошка прибилась к стае собак, возомнив себя псом, и ничего удивительного не было во всех неприятностях, что тут же обрушились бы на её глупую кошачью голову. А бедствия обрушившиеся на глупую голову К. ничуть не меньше, ведь ещё недавно, всего лишь три дня назад, он был хоть небольшим, но начальником, у него были подчинённые, невеста, своя комната на постоялом дворе «У моста», которую ему прямо-таки всучила тогда ещё подбострастная хозяйка. И всё это развеялось как дым из-за его ошибок, из-за того, что он хотел быть в Деревне именно землемером и больше никем другим, хотя окружавшие его люди постоянно указывали ему на то, что его самостоятельные действия приносят ему только вред и никакой пользы. Более того, не

только ему, но ещё и некоторым из тех, кто с ним рядом тоже немало из-за него достается. Так что, если мать Герстекера точно знает, что К. не землемер, то ему надо узнать у неё, или постараться вспомнить, кто же он на самом деле, и тогда все его неприятности, возможно, скоро закончатся, а жизнь его здесь пойдёт на лад.

Тут К. хлопнул ладонью по столу так, что затрепетал жалкий огонёк свечи, а по стенам запрыгали тени и громко рассмеялся, да так, что мать и сын вздрогнули и прижались покрепче друг к другу.

«Что за дикие мысли лезут мне в голову, – громко произнёс К., – сплю ли я наяву? Как я могу быть кем-то другим, если я К., землемер! Если я четыре дня назад приехал сюда по графскому приглашению на работу!»

Но К. тут же запнулся на этих словах, припомнив про личные документы и бумаги, пока что лежащие в школьном зале вне пределов его досягаемости. Как же он всё-таки бывает глуп и недалёковиден! Допустим, пускай мать Герстекера приняла его за кого-то другого, в её возрасте это не удивительно, старые люди часто ведут себя странно с годами, и пусть она упорно считает, что К. не тот за кого себя выдаёт. Но зачем ему, К., делать её своим новым врагом, начав в открытую сомневаться в её словах, зачем ему снова допускать такие нелепые промахи. Не лучше ли сделать вид, что он верит ей и готов открыться, рассказав, кто он на самом деле, а тем временем дипломатично выведавать, насколько важным господином она его считает, раз уж речь зашла про каких-то могущественных дам из Замка и некую Анну. Кстати, лучше бы К. выяснил, кто она такая эта Анна, имя-то он запомнил сразу! Может, тогда ему удастся извлечь из слов старухи какую-то практическую пользу для себя. Ведь сейчас он совершенно одинок, без документов, денег и жилья, у него нет ни крова, кроме как в доме матери Герстекера, ни провожатого ночью в школу, кроме как самого Герстекера, если К. все-таки решится отправиться туда до наступления утра. И ему надо поторапливаться с верными решениями, так как время идёт, и вот уже становится видно, как они оба, мать с сыном, начинают смотреть на К. с усталой враждебностью, пока он делает свои очередные глупости. И если К. не исправит ситуацию, то его положение снова ухудшится, хотя, кажется, что хуже и так уже невозможно.

Поэтому помолчав, К. сначала извинился перед матерью Герстекера за то, что так долго вводил её в заблуждение и не говорил правды; ему приходится соблюдать известную осторожность, сказал он, и землемером он назвался вынужденно, слишком многое поставлено на карту, и любая оплошность грозит расстроить все его планы в Деревне. Но, как он видит, мать Герстекера не только очень проникательный и мудрый человек, что позволило ей приблизиться к истине о действительном положении вещей, но и благородная женщина, которой К., получается, может доверять, поэтому он просил бы пока не разглашать его тайну, чтобы никто не смог повредить его замыслам. Но, поскольку, для всех в Деревне и Замке он по-прежнему землемер, то он хотел бы сохранить в безопасности свои нынешние документы, с которыми он приехал в Деревню, и просит Герстекера, чтобы он как можно скорее сопроводил К. до школы, где эти бумаги у него хранятся. И раз уж зашла речь об Анне, то ей надо поскорее увидеться с К., так как и у него есть для неё важные сведения, которые он должен ей сообщить.

Произнеся эту наскоро слепленную речь, К. вытер со лба выступивший от своей лжи пот и скромно добавил, что не возражал бы против того, чтобы немного перекусить, так как ел он в последний раз уже давно, а этим вечером в гостинице пил только кофе, который, по доброте душевной, ему сварил Пеппи.

Выражение на лице старухи немного смягчилось.

«Ну, вот видишь, и надо было тебе ходить вокруг, да около, – ворчливо сказала она, – да водить меня за нос. Мне-то никаких удостоверений личности не нужно, чтобы понять, что никакой ты не землемер. У тебя даже личико с нежной кожей без единой морщинки, а у работников, что трудятся в открытом поле, лица всегда обветренные и шероховатые, словно

их из дерева вырезали. А руки! На руки свои погляди, они же как у господ из Замка, холёные и ухоженные».

К. в ответ только невольно потрогал своё лицо и потёр себе тыльные стороны у ладоней, видать, мать Герстекера или совсем из ума выжила или в полутьме при одной жалкой свечке сослепу ничего не видит. Вряд ли будет у него кожа как у аристократа, когда он, не далее как позавчера, весь день отбрасывал снег на школьном дворе при трескучем морозе в одних только дырявых перчатках на руках. Хотя лицо у него и вправду привлекательное, не поспоришь, не зря же Фрида сразу его полюбила, да и Пепи не стала отрицать в беседе, что К. ей был симпатичен с самого начала. Правда, в итоге это ему принесло мало пользы, Фрида-то его бросила, не посмотрев даже, красив он или безобразен, а Пепи, так, просто глупая девчонка без царя в голове с одними лишь досужими девичьими помыслами. Но глупо будет, если он снова начнёт противоречить старухе, так что, если ей этого хочется, пусть она считает его приезжим господином, авось тогда и жизнь господская к нему поближе станет.

«К Анне сейчас подступа нет, – сказала мать Герстекера, – она два дня как в постель слегла, а Брунsvику, словно и дела нет, ни в больницу её не везёт, ни доктора позвать не хочет. Будто не муж он, а непонятно кто. Только, разве что сегодня к соседям зашел, к Лаземанам, просил хозяйку отвар из трав для жены сделать, сам-то он не умеет, говорит. Лучше бы в Замок за доктором послал. Ладно, ты посиди пока здесь немного, мы тебе с сыном поесть сейчас принесём».

Она с трудом встала, но ей ещё пришлось заодно растолкать Герстекера, который как ни удивительно, но ухитрился заснуть прямо за столом под их разговор; или устал бедняга за день, или просто перестал понимать о чём речь. Впрочем, и К. сам многого не мог пока уяснить, прежде всего, за кого его принимает старуха, а спросить напрямую он пока опасался. Хорошо хоть, что с Анной прояснилось, К. почему-то и сам подспудно догадывался, что это та самая служанка из Замка, мать Ханса, хотя он даже не знал, откуда у него такая уверенность. Но плохо, конечно, что она снова заболела, разговора с ней теперь точно не получится. И даже не потому, что её муж Брунsvик этому воспротивится, ему-то, как видно, наоборот сейчас безразлично, что творится с его женой, может, его и дома-то нет рядом. Но вот через Ханса К. никак не мог переступить, несмотря на всё желание поговорить с его матерью; он не хотел ещё больше расстраивать мальчика. Чем-то ему Ханс был симпатичен, и К. совсем не хотелось, чтобы он становился очередным его врагом. А если кто сейчас и охраняет покой Анны, так это её сын, и он точно не обрадуется, если К. начнёт утомлять его мать разговорами. С другой стороны, если у них в Деревне врача нет, а Брунsvик даже не чешется, то может быть, тогда К. стоит предложить свои лекарские услуги, о которых он упоминал в последнем своём разговоре с мальчиком. Правда, Ханс не выглядел тогда уж слишком убеждённым словами К., но, как говорится, на безрыбье и К. – «горькое зелье». А там глядишь, ему удастся с матерью Ханса перекинуться парой важных для него словечек, хоть и не имеющих непосредственного отношения к лечению. К тому же, если Анне станет вдруг лучше после его прихода, то тогда и Ханс будет больше доверять К., а может и сам Брунsvик сменит гнев на милость, и в таком случае К. сможет заполучить его в союзники, как он ранее и рассчитывал.

Пока он предавался этим размышлениям, замороженно глядя на дрожащий огонёк свечи, которую оставили для него стоять на столе, старуха с сыном гремели посудой в другой комнате почти в полной темноте, разбавляемой, насколько он мог догадываться, лишь только тусклым светом дотлевающих углей в печке. Наверное, сегодня ради К. они извели весь запас свечей в доме, судя по всему, и так мизерный, и им теперь приходилось действовать почти на ощупь, чтобы обеспечить его ужином.

Но, тем не менее, через несколько минут перед ним оказалась большая глиняная миска полная густого картофельного супа с торчащей в нём ложкой, а рядом нарезанные хлеб и сало и даже стаканчик с водкой. Герстекер, вернувшись с едой для К., теперь снова уселся за стол

напротив, молча смотрел, как К. ест свой суп, из которого картофелины выглядывали как большие шары, и лишь только иногда облизывал себе пальцы – в миску он что-ли их окунул по своей невнимательности, пока нёс её сюда? Конечно, лучше было, если бы еду принесла мать Герстекера, она, наверное, сделала бы всё намного аккуратнее и не стала бы мочить рукава в посуде, но, судя по всему, после такого длинного разговора с К. у неё просто кончились силы, и она так и осталась сидеть в темноте на кухне. Сам К. тоже чувствовал странную усталость от беседы, к тому же, он разомлел от сытной еды и выпитой водки. Впрочем, он попробовал пару раз заговорить с отоспавшимся Герстекером, но тот только кашлял в ответ и отворачивал голову в сторону, хотя, как только К. принимался за еду, снова начинал следить за ним своим больным липким взглядом. В конце концов, К. это надоело, и он перестал обращать на него внимание и даже позабыл, разморенный водкой, попросить Герстекера, проводить его как можно скорее в школу за рюкзаком со своими документами. Вместо этого, поев, К. опустил голову на руки и потихоньку задремал. В полусне ему стало казаться, что деревенская школа совсем рядом, калитка в школьный сад распахнута, а двери в школе незаперты, и все как будто ожидают, когда же К. зайдёт. Но он всё стоял перед дверьми, и даже зная, что это только сон, не решался войти, так как понимал, что когда он возьмёт документы в руки и откроет их, то он снова станет тогда известным здесь К. – землемером, которого всего лишь позвали на работу в Деревне, но при этом он потеряет тайну, которую только что обрёл, странную тайну влекущую к нему могущественных и загадочных женщин из Замка.

И неожиданно он снова увидел рядом с собой мать Герстекера и почувствовал исходящий от неё странный замшелый запах; «Кто же я? – спросил он у неё беспомощно и вдруг услышал тихий, еле слышный ответ, – ты вовсе не К., ты, Карл, непризнанный сын графа Вествеста».

Глава 2 (27) У Лаземанов

К. разбудил шум за стеной и даже не то, что бы разбудил, а показался продолжением неких странных сновидений, которые преследовали его всю ночь. В этих снах, он был очень важным человеком, может быть, даже сыном самого графа Вествеста, и мог плевать свысока на все решения чиновников по Деревне и уж тем более на какого-то несчастного старосту, во всяком случае, стать К. по личной его прихоти землемером, никто из них помешать ему не мог.

Он улыбнулся, открыл глаза и обнаружил, что лежит в одежде прямо на полу под столом, куда съехал во сне со скамьи, на которой, он видно и заснул поздно ночью после сытного ужина. Под головой у него оказалось какое-то несвежее и дурно пахнущее тряпье, и как он не пытался, он так и не смог припомнить кто из Герстекеров, мать или сын, обеспечили его на ночь таким неприятным подголовьем. За стенкой снова завозились и как будто уронили и протащили несколько раз взад и вперёд нечто тяжелое. К. с трудом поднялся, чувствуя, что у него затекло всё тело от спанья на жёстком полу и уселся на скамью, озираясь по сторонам. В комнате было пусто и холодно, в крохотное оконце, неохотно просачивался дневной свет, добравшийся до него, как будто из последних сил. «Наверное, уже позднее утро, – подумалось, К, когда он прищурившись, взглянул на оконце, – сколько же времени я проспал, и куда, интересно, подевались Герстекры?»

Он постарался припомнить события вчерашнего вечера; получается, Герстекер чуть ли не силой приволок его к себе домой, пообещав стол и квартиру, а его мать до глубокой ночи выпрашивала у К., кто же он такой на самом деле и под конец объявила, что он вовсе не землемер; жаль только не сказала, кто он именно по её мнению. Но с одной стороны, Герстекер не соврал: К. удалось поужинать и даже переночевать у него в доме; правда, удобной эту ночёвку никак не назовешь, он-то привык спать хотя бы на соломенном тюфяке. Голый деревянный пол – это, конечно, слишком, но, может быть, у хозяев просто не хватило сил дотащить К. до постели, а будить его они не решились. С другой стороны, мать Герстекера явно выжила на старости лет из ума, убеждая его, что он некто очень важный для могущественных лиц из Замка, а не какой-то ничтожный землемер, ибо последние дни все кто имел с ним дело, убеждали его в совершенно обратном. И неизвестно, правильно ли он ещё поступил, решив поддакивать старухе, и к каким последствиям для К. это поддакивание может привести в дальнейшем; административная деятельность должна держаться в основе своей на нефальсифицированных документах, а если в Замке заподозрят, на основании показаний матери Герстекера, что паспорт и прочие бумаги К. фальшивые, то это ему может потом очень дорого обойтись. Тем более, что на допросе Герстекер безусловно подтвердит, что слышал своими ушами, как К. соглашался с его матерью, что он действительно не землемер. Здесь ему придётся серьёзно поразмыслить, какой тогда линии держаться, чтобы и не поссориться с матерью Герстекера, и не попасть под обвинения из Замка, и что для него будет важнее всего в итоге. В конце концов, решил он, можно всё отрицать, упирая на воздействие водки и отчаянное положение К. тем вечером. Тем более, что не так уж ему и необходимо гостеприимство Герстекеров, он до сих пор школьный сторож, никто его пока не увольнял официально и из школьного зала не выгонял, и он всегда может вернуться обратно. Административные решения здесь вынашиваются, как видно, очень долго, и может быть, место школьного сторожа ему, вообще, обеспечено на годы вперёд, так что зря он вчера вечером так волновался и был готов жить у Пепи и её подруг горничных в комнате под кроватью.

Поразмыслив таким образом, К. поднялся от стола и прошёлся, потягиваясь, по комнате, морщась от ломоты во всём теле, что явно было следствием его ночёвки на деревянном полу. Ему очень хотелось привести себя в порядок, умыться и позавтракать, но рукомыльник был пуст, а на столе лежали лишь крошки от вчерашнего ужина. В сенях, куда одной дверью

выходила комната, было холодно, темно и кружились поблёскивая снежинки. Второй выход привёл его в другую комнату, похожую на кухню, треть которой занимала исполинская погасшая печь, часть коей служила, видимо, ещё и спальным местом для семьи Герстекеров. От стенок кирпичной печи всё ещё веяло теплом, и К., подойдя ближе, положил на её тепловатый бок уже начавшие понемногу зябнуть руки. Похоже, Герстекеры удалились куда-то по своим делам, не став его будить, поэтому ему остаётся либо хозяйничать в их нетопленных комнатах или неумытому и голодному отправляться в школу – днём-то он найдёт туда дорогу без особых затруднений – и снова браться за работу школьного сторожа, предварительно позавтракав на постоялом дворе «У моста». Если память ему не изменяет, его должны были кормить там за счёт общины, как его уведомил школьный учитель, когда под нажимом старосты Деревни, принимал его на службу. Заодно, хорошо бы ему проверить, в порядке ли его документы, за которые он так беспокоился вчера вечером. Утром ночные страхи казались К. пустяковыми, вряд ли Иеремия, действительно, ни с того, ни сего отважится на прямую кражу его рюкзака, все-таки он житель Деревни, а не разбойник с большой дороги; здесь куда более вероятно, что это школьники на перемене, начав играть с его вещами – а они лежат, почитай что на открытом месте – из шалости разбросают их по всей школе. Поэтому, пожалуй, сильно задерживаться в доме Герстекеров ему тоже не стоит, да и к тому же, неизвестно, насколько он уже опаздывает на службу, так что, чем раньше он выйдет отсюда на улицу, тем будет лучше.

Внимание его снова привлёк шум за стеной, теперь там, как будто лили из ведра воду, но звук стал гораздо более явственным, и казалось, исходил прямо из печки. Если К. вчера не ошибся в своих рассуждениях, то шуметь должны были со стороны Лаземанов, раз уж две семьи живут, получается, по его наблюдению в одном большом доме. К. с любопытством обогнул печной угол и неожиданно увидел за ним в стене небольшую дверку высотой не более, чем ему по пояс, наполовину занавешенную дырявым покрывалом. Это вполне мог быть вход в кладовку Герстекеров со съестными припасами, и К. в животе у которого с утра уже явственно урчало, почти без колебаний отвлёл занавеску и приоткрыл дверь. Внутри была сушая темень, но едой не пахло совсем. К. согнувшись в три погибели, кое-как забрался внутрь, жалея, что у него нет с собой хотя бы зажжённой свечи и выпрямился в полумраке, тут же стукнувшись головой о какую-то поперечину. Он зашипел и негромко выругался от боли, потирая рукой ушибленное место, но не успел К. как следует осмотреться, как дверь через которую он проник, по непонятной причине – может быть из-за сквозняка – захлопнулась, и он оказался в полной темноте. Он сделал шаг вперёд и вдруг неожиданно провалился прямо в открытый подпол. Лестница смягчила его падение, но зато он пересчитал спиной все её перекладины и даже прокатился в конце на пару шагов вперёд. Несколько секунд он неподвижно лежал в полной темноте, удивляясь своему везению, что он не убится и даже, кажется, ничего себе не сломал. Затем с криком поднявшись, он как слепой котенок начал тыкаться в разные стороны, поскольку уже не мог сообразить после падения, где находится лестница. Неожиданно, где-то вверху над собой К. услышал человеческие голоса, и осторожно сделав несколько шагов на ощупь – руки он расставил в стороны, чтобы не врезаться в какие-то сразу окружившие его выступы, как будто тут же выросшие в темноте – вдруг снова нащупал лестницу. Наверное, это вернулись Герстекеры, подумал он, и живо заперебирал руками и ногами по перекладинам, поднимаясь вверх. Но место, где он в итоге оказался, вовсе не походило на кладовку Герстекеров – по ощущениям это был какой-то тесный деревянный на ощупь ящик, от стенок которого пахло кожей и нафталином. Он осторожно постучал по деревянной стенке и прислушался.

«Кто здесь? – услышал он вдруг в темноте слегка испуганный молодой женский голос, показавшийся ему странно знакомым, – что вы здесь делаете?»

От удивления и испуга К. чуть было снова не провалился обратно на лестницу, голос явно не принадлежал матери Герстекера. Его вдруг охватила паника.

«Выпустите меня пожалуйста, – выкрикнул он, – я нечаянно здесь оказался!»

«Он нечаянно здесь оказался, – с усмешкой произнёс другой голос, более низкий, но непонятно кому принадлежавший, мужчине или женщине, – и всё-то у них происходит нечаянно. Никогда они не хотят брать ответственность за свои действия на себя. Но, если уж, он всё устроил сам, то неплохо бы ему и посидеть там немного в темноте, хотя бы в воспитательных целях, может быть, тогда будет поменьше нечаянностей в его скудной жизни. Да, кто вы вообще такой?»

К. показалось, что он начинает задыхаться в этой тесной тьме. Он попробовал пошарить руками в поисках дверной задвижки, но только больно уколол палец о торчащий гвоздь.

«Меня зовут К., я землемер», – в отчаянии произнёс он. «Опять этот землемер», – со скукой обронил тот же голос и замолчал. «Господин землемер, вам нельзя здесь находиться, – с беспокойством произнёс голос женщины, – вы должны немедленно уйти». «Как же он уйдёт, если он там заперт, – с усмешкой снова изрёк низкий голос, – и как вы там, вообще оказались, черт вас возьми?» «Меня позвал к себе Герстекер, – упавшим голосом сообщил К.

Он никак не мог понять, почему у него вдруг начала кружиться голова, темнота, казалось, высосала из каморки весь воздух и К. начал ощущать себя как заживо погребённый под землёй в тесном гробу.

«Выпустите меня отсюда, прошу вас», – слабым голосом пролепетал он, почти теряя сознание, и цепляясь из последних сил за окружающие его со всех сторон углы.

«Вам сюда никак нельзя», – строго сказал женский голос.

К. замер на несколько секунд, панически размышляя – где же он всё-таки ухитрился оказаться – поднявшись по той же самой, казалось бы, лестнице и куда, вообще, подевался дом Герстекеров?

«Он там ещё не задохнулся? – поинтересовался мужской голос, – и вообще, сколько он там уже сидит? Или он там, может быть, спал и теперь вдруг проснулся?» «Надо открыть посмотреть», – встревоженно сказала женщина, затем раздался щелчок и над К. вдруг появилась небольшая щель, и свет хлынувший из неё, хоть и был неярким, но заставил К. закрыть глаза уже привыкшие к темноте. Он не глядя, потянулся к щели рукою и вдруг ухватил чью-то маленькую кисть. С той стороны раздался лёгкий встревоженный вскрик, но К. поспешно начал поглаживать тоненькие пальцы одной рукой, демонстрируя, что у него мирные намерения, но другой рукой всё равно несильно ухватил запястье, чтобы его хозяйка так легко от него не вырвалась. Он чуть приоткрыл глаза и увидел, что он держит женскую руку, а сам наполовину – второй своей половиной он всё ещё стоял на перекладинах лестницы – находится в чем-то похожем на деревянный ящик, у которого сверху приоткрыли крышку.

«Погодите, – сказал, смягчившись женский голос и пальчики слегка ответили на ласку К., но так, чтобы он не забирал себе слишком много в голову, – так вы всё-таки хотите вылезти отсюда?»

К. послушно ответил «Да» и начал поглаживать невидимую кисть второй рукой, перестав беспокоиться, что она вдруг исчезнет, кожа её на ощупь была нежной и влажной. Как ни странно, в этот момент он почувствовал себя лучше, как будто какая-то оживляющая энергия начала перетекать через его руки, разгоняя тьму и возвращая воздух для дыхания.

«Тогда закройте глаза и ни в коем случае, слышите, ни в коем случае их не открывайте, – услышал он снова голос женщины, – подайтесь вперёд, да, туда, куда я вас тяну, я открою здесь створку».

Сверху рядом с К. послышался скрип и на него повеяло влажным теплом. Он послушно почти ползком последовал за тянущей его рукой, стучаясь по дороге лбом и плечами, пока сзади него с глухим звуком не опустилась тяжёлая по звуку крышка, отчего К. запаниковав, чуть было не открыл глаза.

«Глаза не открывать! – шикнула женщина, очевидно, предугадав панику К., – потерпите немного».

Она успокаивающе погладила К. по волосам и аккуратно придерживая за затылок, усадила так, что он мог опираться спиной на деревянную на ощупь стенку. Затем К. почувствовал, что на глаза ему накладывают матерчатую повязку и достаточно плотно – но не со всей силы – затягивают её сзади.

«Ни в коем случае не пытайтесь её снять, – шепнула женщина на ухо К., и он вдруг ощутил в себе странный сладкий трепет, – иначе я ни за что не отвечаю».

Воздух вокруг был тёплым и влажным, и рядом кто-то с шумом возился в воде, да так, что до К. постоянно долетали тёплые брызги.

«А разит от господина землемера, как от козла, – насмешливо обронил уже знакомый голос, с той стороны, где слышались всплески, – где вы как чушка так измарались? Вы вообще, землемер или землекоп?»

«Ему надо помыться, – строго сказала женщина, и её изящная маленькая ручка мягко потянула К. за собой, – стойте, не шевелитесь, я вас раздену, а потом живо садитесь в лохань с горячей водой, места в ней хватит».

К. до того разомлел и ослабел во влажном тёплом воздухе обвевавшим его тело, что даже не ничего спрашивая, лишь послушно поднимал руки, позволяя снять себя верхнюю одежду, а затем, когда его усадили на ящик, оказавшийся на ощупь сундуком, вытягивал ноги, чтобы с него было легче снять штаны и исподнее.

«Что-то, господин землемер сегодня шёлковый, – прокомментировал низкий голос, – не артачится, не сбегает никуда, ну, просто какое-то благоволение в человецех».

Но у К. не было сил не то, что артачиться, а вообще, даже просто отвечать голосу. Странно расслабленный женскими прикосновениями, он покорно дал отвести себя до невидимой ему лохани, шлёпая босыми ступнями по дощатому полу. Направляемый мягкой, но твёрдо ведущей его рукой, он добрался до лохани, и осторожно переступив через невысокий край, с наслаждением и даже с каким-то блаженным стоном, по самую шею погрузился и, правда, в горячую и мыльную воду.

Женщина осторожно, но крепко придерживала его за затылок обеими руками, чтобы он не съехал в воду с головой, а её тонкие пальчики пробежали по щёкам и подбородку К., оглаживая его отросшую за два дня щетину. Давно К. не чувствовал себя так хорошо, как сейчас, лёжа и расслабившись, и каждой клеточкой тела сладострастно впитывая охватывающее его мокрое тепло.

Все волнения и мысли терзавшие до этого момента разум К., улетучились неизвестно куда, и забывшись в сладостном для него упоении, он даже не заметил, что нежась и потягиваясь в горячей воде, он натолкнулся ступнями – и довольно крепко – в кого-то ещё, кто, по видимому, только что насмеялся над К. и разделял с ним купание в лохани. Но, несмотря на то, что К. довольно чувствительно упёрся в неожиданного соседа своими ногами, тот не отодвинулся и не стал жаловаться на неудобство, хотя, может быть, из-за ограниченных размеров лохани ему пришлось бы в этом случае выскакать из неё на прохладный воздух, что, вероятно, не входило в его планы. Впрочем, К. поспешил извиниться и сообщил, что из-за своей повязки на глазах он не может никого увидеть, так что, если он кого-то задел, то сделал это совершенно непредумышленно. Женщина в ответ успокаивающе погладила его по голове.

«Я думаю, господин Бранденфельд сильно на это не обидится, – шуточно сказала она, и убрав правую руку от К., похуже, плеснула в направлении этого господина водой, – ему давно уже пора вылезать из ванны».

«Вовсе необязательно было называть мою фамилию, – слегка обидчиво уже знакомым К. низким голосом, ответил господин Бранденфельд, – зачем вы, спрашивается, тогда повязывали ему на глаза эту тесёмку?»

«Повязка у него потому, что он не должен видеть, где находится, – невозмутимо ответила женщина, – а как вас зовут, ему вообще дела нет, правда, господин землемер?»

К. подтверждающе кивнул, ему, действительно, было сейчас всё равно, как зовут его обидчивого соседа; затылок его уткнулся в тёплые и мягкие женские ладони, а по телу плескалась горячая скользкая вода, и К., понимая подспудно, что новое подобное наслаждение достанется ему ещё нескоро, если достанется вообще, был пока совершенно равнодушен ко всем Бранденфельдам на свете. Впрочем, имя женщины К. был бы совсем не прочь узнать, но он опасался неверным словом разрушить идиллию, в которой он, пока волей случая, находился. Хотя, как ему показалось, вода начала уже понемногу остывать, так что через какое-то время, наверное, можно было бы попробовать рискнуть обратиться к женщине или даже неожиданно сорвать повязку и увидеть своих собеседников наяву; не будет же она до вечера купать К. в лохани, как бы сильно этого ему ни хотелось. К тому же, судя по речи, его сосед имеет большее отношение к Замку, нежели к Деревне, а К. следовало продолжать здесь борьбу за свои права, и союзники были по-прежнему ему необходимы. И может быть, господин Бранденфельд мог бы оказаться ценным приобретением, как бы обидчиво он не шевелился сейчас, сидя рядом с К. в лохани. Хотя, вдруг подумалось, К. весь его оптимизм касательно будущего основан сейчас на приятных ощущениях от потихоньку остывающей, но всё ещё согревающей его воды, а по сути, К. по-прежнему, неизбежно поджидают за стенами дома Лаземанов холода наступившей здешней зимы.

«Я сделал это замечание не потому, что имею какие-то опасения в отношении господина землемера, – ответил Бранденфельд, – в конце концов, его показания никто не будет брать во внимание, поскольку, как вы правильно сказали фрау, он не может и не должен здесь находиться. А, если его здесь не должно быть, то тогда совершенно всё равно, что господин землемер здесь услышит или даже увидит. Но заметьте, тем не менее, что в отличие от вас, я не спешу сейчас называть здесь ничьих имён».

«Да бросьте, Фридрих», – с усмешкой сказала женщина, – это ничем вам не грозит».

Услышав её слова, К. слабо усмехнулся, чувствительность чиновников из Замка – а Бранденфельд, судя по всему, был именно чиновником, была ему уже хорошо известна. Может быть, подумалось ему, использование этой чувствительности могло бы стать его оружием в борьбе за свои права? Конечно, если бы он воспользовался этим оружием без должной осмотрительности, то тогда чувствительность могла бы живо перескочить в обидчивость, а оттуда уже в прямую враждебность, что только бы ухудшило его положение, вместо того, чтобы его поправить. Но, если действовать осторожно, и например, не так сильно упираться ногами в Бранденфельда, а наоборот, немного присогнуть ноги, пусть и выставив колени на прохладный воздух – ведь К. не привыкать к лишениям – да ещё раз извиниться за то, что тому приходится делить с К. лохань на двоих, то не исключено, что можно будет добиться более человеческого отношения к себе со стороны Бранденфельда прямо здесь, а не где-то в Замке, куда ещё надо каким-то образом проникнуть.

Первую часть своего плана – сгибание ног, К. выполнил без каких-либо затруднений, но ко второй он приступить не успел, женщина начала намывать ему голову, и если бы он попытался сейчас открыть рот, то вместо внятной речи его собеседник услышал бы, разве что бульканье. Поэтому К. на время смирился и даже прикрыл веки, чтобы мыльная вода, которая начала просачиваться сквозь повязку, не стала разъедать ему глаза. Он понадеялся, что Бранденфельд, видя его положение, не станет сильно обижаться на молчание К.

«Я думаю, что господин землемер просто не ожидал здесь кого-либо встретить сидящим в лохани, – сказала женщина, натирая мылом грязные уши К., так что он мог едва слышать её слова, – сегодня ведь среда, а не суббота, когда в Деревне банный день».

«А что же или кого он мог тогда здесь ожидать? – подозрительно спросил Бранденфельд, – или может быть, кто-то снабдил его не подлежащими разглашению сведениями, на основании которых он только что буквально выпрыгнул из сундука как чёртик из коробочки? – подождав немного, Бранденфельд продолжил, – и к тому же, молчание господина землемера наводит

на мысль, что ему есть, что скрывать о своих сведениях полученных явно неофициальными путями, и это безусловно его не красит».

К. в страхе открыл рот, чтобы опровергнуть эти подозрения, но лишь закашлялся мыльной водой тут же попавшей ему в рот.

Женщина успокаивающе похлопала его по плечу.

«Не беспокойтесь господин землемер, просто господин Бранденфельд осуществляя тщательный административный надзор по Деревне, всегда исходит из самых худших предположений, как и полагается любому чиновнику, который ответственно подходит к своей работе, – сказала она, – но, если вы можете предоставить ему сведения о своей невиновности, а они безусловно у вас есть, я в этом нисколько не сомневаюсь, то вам совершенно ничего не грозит, – говоря так, будто ожидая от К. немедленного ответа, она тем, не менее, в это же время закрывала ему рот своей нагретой влажной ладонью, не давая произнести К. ни слова, – я ведь верно говорю Фридрих?»

Это, второй раз произнесённое имя, заставило К. теперь вздрогнуть. Именно так называл своего начальника секретарь связи Бюргель, к которому К. недавно ввалился прямо в постель. Везет же К. на странные совпадения; теперь он, получается, попал к его начальнику напрямик в ванну!

«Наверное, господин землемер, считает, что его молчание – это золото, и что его невиновность, таким образом, говорит сама за себя, – слегка укоризненно сообщил Бранденфельд, очевидно, не замечая, что К. просто не дают возможности что-либо сказать. – Но, я хотел бы, напротив, указать на то, что уклонение от вопроса, в чём господин землемер уже, кстати, был замечен, может сразу изначально поставить его в невыгодное положение. Даже, если вопросы задаются не в строгой форме и не под протокольную запись».

«И даже в лохани у них допросы», – с досадой подумал К., пытаясь, оценить своё положение. Встать и уйти, как он это сделал в прошлый раз в гостинице, когда отказался отвечать на вопросы секретаря Мома – казалось ему теперь чем-то слишком неловким и зазорным, учитывая ещё то, что сейчас на нём совершенно не было одежды. Что-то сказать в своё оправдание К. тоже не мог, так как ему буквально зажали рот ладонью, но, если бы он даже и отвёл руки женщины своими руками – это не составило бы труда, он явно был сильнее её – то какие бы он мог тогда привести оправдательные аргументы в свою пользу, не говоря уже о предъявлении реабилитирующих его документов? Разнежившись в тёплой воде, К. уже сам удивлялся, как же он оказался у Лаземанов, если ночевал у Герстекеров. А события прошлой ночи, вообще, казались ему сейчас странным тягостным сном, который каким-то непостижимым способом спутался с явью.

«Но согласитесь, что несколько странно допрашивать господина землемера именно здесь и сейчас, – примирительно сказала женщина, выливая К. на голову ковш свежей воды, – для этого существуют специально отведённые места, где, к тому же, можно, хотя бы письменно зафиксировать вопросы и ответы. Или вы предлагаете ответы К. записывать пальцем по мыльной воде?»

По наступившей паузе К. понял, что Бранденфельд в данном случае оказался не на высоте со своими к нему притязаниями, в чём тот неохотно и признался.

«Но вы могли, фрау, хотя бы в лохани не ронять авторитет местной администрации, – полушутливо закончил он, – к тому же вопросы заданные в такой неофициальной обстановке, – он зачем-то потрогал К. пальцем за ногу, – могут рассматриваться как неофициальный допрос, который будет, скажем так, первой ступенью к следующим более формальным и служебным».

«А как вы оказались здесь, господин Брандефельд? – К. воспользовался было тем, что женщина отвлеклась на секунду от него, чтобы набрать в ковш ещё воды, но даже сам удивился своему неожиданному вопросу, потому что, на самом деле, он всего лишь хотел пояснить, что его вчера позвал к себе Герстекер, что он ночевал у них в доме и не совершал никаких

злодеяний, по крайней мере, пока был в здравом уме и трезвой памяти. Видно, дерзость к администрации у него в крови и является неотъемлемой его частью, грустно подумалось К., любопытство которого опять пересилило благоразумие.

Даже с закрытыми глазами К. почувствовал, как женщина и Бранденфельд обеспокоенно переглянулись. А женщина при этом, даже как-то сочувственно похлопала его по плечу, как бы сожалея о проявленной им оплошности.

«У чиновников есть определённые обязанности связанные с определёнными привилегиями, которыми они могут воспользоваться, – наконец, не торопясь, сказала она, в то время как Бранденфельд даже не удостоил К. своим ответом и только возмущённо выдохнул, а женщина, хихикнув, продолжила, – но это не потому, что в Замке не хватает горячей воды. Но господин Бранденфельд, как мне кажется, сам хотел задать вам этот вопрос, не так ли?»

«Я переночевал у Герстекеров, а утром попал сюда совершенно случайно, – его слова, которые он хотел выговорить твёрдо и решительно – показывая, что он ничуть не боится ни Бранденфельда, ни его даже неофициального, как тот выразился, допроса – прозвучали сейчас слабо и неуверенно, как будто он и сам в них сомневался.

«И Герстекеры могут подтвердить ваши слова? – Бранденфельд, как опытный чиновник, сразу поймал слабинку в голосе К., – неужели, они вдвоём провели с вами эту ночь, не спуская с вас глаз?»

«При чем здесь это? – удивился К., повязка начинала ему мешать; он не то чтобы мечтал наяву узреть Бранденфельда (женщина интересовала его гораздо больше), но всё-таки непросто с кем-то разговаривать, находясь в полной темноте, – мать Герстекара расспрашивала меня весь вечер, сын молчал, потом я заснул, – голос К. снова стал неуверенным, но здесь уже потому, что он сам не помнил толком этого момента, – а утром в доме никого уже не было, они куда-то, наверное, уехали, и не стали меня будить». Хотя, кто его знает, подумалось ему, может они не спускали с него глаз, пока К. спал, это уж точно останется тайной, пока Герстекер не привезёт мать обратно, да и то, они вряд ли ему об этом расскажут, если не захотят.

«Что ж, значит, вам придётся в любом случае дожидаться их возвращения, – Бранденфельд шумно заплескался и зашевелился, судя по всему, неуклюже вылезая из лохани, – если вы были вечером все вместе, как вы настаиваете, то задавать вопросы вам без очной ставки сейчас смысла нет, ваши утверждения могут быть легко подвергнуты сомнению другой или третьей стороной. Но ждать этого у меня времени нет, все часы, которые я провожу здесь тщательно расписаны по минутам безо всякого отдыха, как бы вам, господин землемер, не казалось это сейчас неправдоподобным, поэтому в нужное время вы получите соответствующее предписание об явке к моему секретарю».

Он так же шумно начал вытираться и с бряцаньем надевать на себя одежду, как будто собираясь облачиться в мундир кавалериста, а не в форму чиновника. Впрочем, это были только предположения К. – как именно мог одеваться Бранденфельд – так как у него самого глаза были по-прежнему закрыты повязкой, которая, откровенно сказать, ему уже изрядно поднадоела и к тому же промокла насквозь.

«Прощайте, фрау... М-м-м, – голос Бранденфельда доносился до К. уже издалека, – а вас, господин землемер, прошу быть осмотрительнее в своих речах и поступках, особенно таких, какие я имел несчастье слышать и наблюдать сегодня. Впрочем, моё личное отношение к этому не имеет никакого значения, я только имел в виду, что каждый должен находится на своём месте, и не появляться там, где его совершенно не ожидают, и ежели такое нарушение будет продолжать иметь место, то это лицо, без сомнения, понесёт серьёзную ответственность».

Конец его тирады завершил стук каблуков и скрипнувшая, а затем громко стукнувшая дверь. К. ощутил лицом и голыми плечами порыв холодного воздуха и произвольно поёжился от сквозняка.

«Начали мерзнуть, господин землемер? – участливо спросила женщина и поводила рукой в воде, – да, вам надо немного согреться».

Он не успел толком ничего ответить, как услышал лёгкий шелест, за ним негромкий плеск, а затем две уже знакомые К. руки вдруг притянули его к горячему женскому телу, от которого чувствовался такой жар, будто в воду рядом с К. вылили ведро горячей донельзя воды.

«Не могла дожидаться, пока уберётся этот Фридрих, – прошептали К. на ухо обжигающие теплом губы, – а ты, мой милый дерзкий землемер, который осмеливается ерепениться перед чиновниками, надеюсь, тоже этого ждал?»

Огорошенный К. несколько мгновений даже и не знал, что ему говорить или делать, так неожиданно всё произошло, но тело его приникшее к другому телу, как пуансон к матрице, ответило само очень быстро, и ему уже не пришлось вслух озвучивать свой ответ. Охваченный пришедшим телесным желанием, он потянул было надоевшую повязку с глаз, жаждая увидеть, кого он только что заполучил в свои объятия, но женщина прервала его попытку решительным жестом.

«А вот это я тебе делать запрещаю, мой милый землемер, – смеясь, но твёрдо сказала она, – это совершенно лишнее, – она снова засмеялась, – вернее, совершенно необходимое»

Он нехотя подчинился её капризу и они вдвоём с шумом заворочались в остывающей воде, но К. не чувствовал прохлады, он ощущал жар женщины, и в нём рос ответный жар. Всё было так же как с Фридой, но одновременно и не так, женщина всё равно была другой, но у К. на глазах была повязка, и теперь он сам не спешил её срывать. Пока он не видел, а только ощущал своим телом, он мог представлять, что в его руках дрожит в любовной страсти его невеста, которая не бросила его и не оставила ради чужого человека, ибо К., всё равно, тосковал по Фриде, даже обладая в эту секунду совсем другой женщиной. Но та, кого он сейчас сжимал в своих отчаянных объятиях обретения, всё же была не той, по кому он бесплодно томился: с иным телом, иными губами, иным запахом шеи и волос. И К. всё сильнее стискивая в своих объятиях эту отдающуюся ему женщину, всё сильнее сжимал и свои веки, чтобы вернуть, хоть ненамного свои прошедшие, но не потерянные переживания и чувства.

Но, когда К. уже почти вернувший себе Фриду, готов был уже взорваться и раствориться в ней окончательно, женщина одним хищным движением сорвала с него промокшую насквозь повязку так, что он даже вскрикнул от боли у корней волос.

«Ты изменил своей невесте, землемер, – хохоча, закричала она, и её белые зубы блестели от влаги и смеха, а чёрные волосы плавали вокруг её лица как комки речных водорослей, – и теперь ты мой, окончательно мой», – она мощно стиснула К. своими бедрами и он излился в неё с тоской и чувством только что совершённой непоправимой ошибки.

Глава 3 (28) Матильда

К. долго, с изумлением, словно боясь поверить своим глазам смотрел на лицо молодой женщины; закрыв глаза, она совершенно обнажённая, умиротворенно покоилась перед ним в воде покрытой мыльными разводами; лишь кисти рук её плавно шевелились, будто она безмятежно плыла на спине по глубокому спокойному озеру, а не лежала в остывающей лохани в доме у Лаземана. Но К. никак не мог поверить в то, что видел перед собой.

«Это ты, Анна?» – наконец, спросил он её неожиданно охрипшим голосом. Мысли у него спутались в один лохматый заверченный клубок, из которого он не мог вытянуть ни одной нужной ему нити. Женщина утомлённо лежавшая перед ним, никак не могла быть матерью Ханса и женой Брунсвика, это просто совершенно не совпадало с окружающей К. реальностью или должно было быть сном. Но он не спал, и это была она, ибо К., хоть и сомневаясь, но узнавал эту женщину, вспоминая её голос и черты лица, что незаметно всплывали в его памяти, как мыльные пузырьки в воде. Он знал и чувствовал, что его влечет к ней с первой же их встречи, когда он увидел её впервые, сидящей в этой же комнате, в кресле с отрешённым видом; его притянула её загадочность и недоступность, то, что она была в Замке, хоть бы и служанкой, но ведь это был недостижимый для него Замок, куда он так стремился попасть. Может быть, он бы даже предпочёл её Фриде, тем более, что К. познакомился с ней раньше, но здесь уже вступили в силу непреодолимые тогда для него обстоятельства, а именно Лаземан с Брунсвиком, буквально вынесшие К. на своих плечах из дома, так что он успел перекинуться с ней всего лишь парой слов. А потом Фрида затмила, конечно, всё, и К. провалился в любовный омут почти до самого дна, и до сих пор не может из него, как выясняется, толком вынырнуть. Но тогда К., конечно же, не знал, что она жена Брунсвика, да ещё и мать Ханса; при мысли о них обоих, у К. сейчас же зашевелились на голове волосы; узнав о том, что здесь произошло, Брунсвик, даже без помощи Лаземана, вынесет К. из дома, причём не до улицы, а прямо до деревенского кладбища, поэтому К. даже не сможет узнать, насколько его возненавидит Ханс, что, хоть в какой-то мере, явится для К. утешением. Ему подумалось, что стало быть, не зря Брунсвик так яростно охраняет свою жену; видно, в Замке нравы у женщин намного свободнее, чем в Деревне, а здесь его жена, выходит, не может удержать себя в рамках приличий, так что ему приходится всюю проявлять свою предусмотрительность и находчивость, чтобы не оказаться в нелепом положении обманутого мужа.

В этот момент у женщины дрогнули и поднялись веки, и она взглянула на К. холодными голубыми глазами.

«Я Матильда, – спокойно сказала она тихим голосом, – сестра Анны, – и поскольку К. всё ещё смотрел на неё остолбеневшим взглядом, добавила, – мы близнецы».

Уже почти простившийся с жизнью от рук Брунсвика К. испустил глубокий облегчённый вздох, и не в силах даже сидеть от упавшего на него счастья, повалился спиной на противоположный край лохани; только сейчас он заметил, что лежит уже в остывшей воде весь покрытый гусиной кожей.

«Ты думал, что был с Анной, – усмехнулась женщина, подтягивая к себе свои красивые длинные ноги, – не ты первый впадаешь в эту ошибку, хотя надо сказать, что в подобных обстоятельствах, наверно всё же первый, – она потрогала кончик языка зубами и внимательно посмотрела на К., – и ты мог бы осенить себя лаврами первопроходца, если бы ты не принял меня за другую после того как всё это, – она слегка раздвинула ноги, – закончилось. И мне даже интересно, за кого ты меня принимал или представлял на моём месте, К., – может быть, свою несостоящую невесту или кого-то ещё из Деревни или Замка? Всё же надеюсь, не хозяйку гостиницы «У моста»?»

Но К. был настолько счастлив, что не обращал внимания на достававшиеся ему колкости. Для него главным было то, что всё вернулось на свои места. Да и как он мог даже подумать такое про мать Ханса, мать двоих детей! Не говоря уже о том, что она лежит больная в своём доме уже несколько дней, как ему сообщила вчера мать Герстекера; совершенно невыносимо было бы представить её – больную – здесь, да ещё с этим Фридрихом, а потом ещё и плещущейся в лохани с К. Хотя, если такое с лёгкостью вытворяет её сестра близнец, то здесь стоит судить обо всём с осторожностью; как известно, от яблоньки яблоки, да ещё одинаковые, падают недалеко и катятся рядом.

«Я не видел тебя раньше в Деревне», – с облегчением сказал К., с интересом вглядываясь в её лицо, и находя в нём всё больше сходства с лицом женщины, которую он встретил здесь в первый день. Даже странно, что он успел так хорошо запомнить внешность Анны, хотя видел её совсем недолго, значит, непросто его так властно потянуло к ней, что Лаземану с Брунsvиком пришлось срочно вмешиваться. Ведь с первого взгляда запоминаешь лучше всего либо что-то прекрасное, либо наоборот отвратительное, когда оно само забирается в твою душу и надолго, если не навсегда, поселяется в ней.

«Ты здесь, вообще, ничего не видишь, – пренебрежительно проронила Матильда, накручивая на палец прядь своих мокрых чёрных волос, – смотришь, да, не спорю, во все глаза, как маленький глупый щенок – но не видишь. Слепу упасть на буфетчицу, да к тому же, любовницу Кламма, это, К., надо сильно постараться, чтобы так себе навредить с самого начала».

К. рассердился, буквально каждая встречаемая женщина упрекает его за то, что он выбрал Фриду и держался её, можно сказать, испуганно, пока она сама его не бросила. Конечно, наверняка он совершил глупость, поступив так поспешно и необдуманно – и итог был закономерен – но разве он не спрашивал себя сам много раз: любит ли он Фриду или нет, и разве не отвечал сам себе уверенно – да, люблю, люблю даже после расставания. Оставался ли он ей верен, когда она потеряла всё – потеряла из-за него, конечно, – но тем не менее? Да, оставался и даже мысли у него не было променять свою невесту на что-то более выгодное, которое ему, правда, и не предлагали, но он бы и так не взял. Неужели, здесь в Деревне всё производится по чёрствому взаиморасчёту, когда обе стороны подвергают долговому и тщательному рассмотрению положительные и отрицательные последствия своих будущих отношений? Пожалуй, выходит, что так, если взять, например, историю хозяйки постоялого двора о том, как она без любви вышла замуж за соседского конюха только для того, чтобы вести совместное хозяйство. Конечно, К. здесь будет смотреться белой вороной, он ведь ставит чувства наперёд расчёта; неудивительно, что здешние женщины испытывают любовь, разве что только к чиновникам из Замка, да и то скорее всего, за их недоступность и иллюзии предполагаемой роскошной жизни, которыми они забивают свои недалёкие головы.

«Мои отношения с Фридой никого не касаются, – сухо сказал К. и зябко передёрнул плечами, – вода в которой они оба сидели, совсем остыла, и над ней перестал клубиться даже лёгкий парок; судя по всему, всё что можно, они в этой лохани вдвоём уже сделали, и надо было понемногу оттуда выбираться, к тому же, это был дом Лаземана, а у К. не было не малейшего понятия о том, когда вернутся его хозяева, и уж тем более, ему не хотелось встречать их в таком виде».

Женщина, казалось, поняла обеспокоенность К. и усмехнувшись, одним ловким движением с всплеском выскочила из лохани, пока он сам осторожно, стараясь не поскользнуться, ещё только перекидывал ногу через край. Подойдя к комоду стоявшему в углу комнаты, Матильда вытащила оттуда две льняные простыни, одной из которых заботливо укрыла плечи К., а вторую набросила на себя. Её забота тронула К., и он перестал сердиться на неё за неприятные слова о Фриде. Его удивило, насколько она уверенно проделывала все эти действия, как будто была у себя дома, а не в чужом жилище. К тому же, она совсем не стеснялась К., вытирая своё красивое молодое тело, и даже не отворачивалась от него в сторону.

«Ты живешь здесь, в Деревне?» – снова поинтересовался К., переиначив таким образом свой первый вопрос. Он уже успел обсушить себя с помощью простыни и теперь искал свои вещи, чтобы одеться. Все они аккуратно сложенные, лежали на сундуке. К. начал торопливо одеваться, но не так открыто как Матильда, а стараясь держаться к ней стороной.

«Нет, – певуче ответила женщина, – когда мне нужно, я приезжаю сюда». «Из Замка?» – живо переспросил К., пытаясь попасть в рукава своей рубахи. «Ты просто одержим Замком, мой милый землемер, – расхохоталась Матильда – и если я скажу – да, то, что для тебя изменится?»

«В сущности, ничего», – признал К., и ему стало казаться, что женщина как-то понемногу начинает отдаляться от него, хотя ещё несколько минут назад они были близки настолько, насколько могут быть близки два слившихся в одно существа.

«Или ты хочешь, чтобы я взяла тебя с собой туда как своего любовника? – подтрунила над ним Матильда, – но ведь, говоря по правде, ты же сначала подумал, что я Анна, не так ли? А о ком ты думал, пока у тебя на глазах была повязка, сказать вообще затруднительно, хотя по этому поводу я могу строить обоснованные догадки».

Слушая её, К. сам был готов теперь провалиться под землю от неловкости, но пол в доме Лаземана был слишком прочный. Женщина умело вскрывала сущность К. своими словами как ножом устрицу, открывая всему миру его распутство и ничтожность. Он, как будто был для неё книгой раскрытой на самых тайных страницах, которые он и сам-то боялся прочесть. Выходит, что К. неосторожно дал волю своему любострастию, а Матильда, воспользовавшись своим телом как оружием, одержала над ним лёгкую и безоговорочную победу. Теперь он был полностью в её власти.

«Я сам не могу понять, что на меня нашло, – он сделал слабую попытку защититься, – всё случилось слишком быстро». «Ну, я бы так не сказала, – задумчиво произнесла Матильда, дотрагиваясь пальцами до своего подбородка, – мне показалось, ты был вполне целеустремлён в своих действиях. Впрочем, я не виню тебя, вы мужчины по природе своей, довольно слабые создания в этом смысле, и ты лишь подтверждаешь правило, ничем не отличаясь от местных, хотя и прибыл, как ты говоришь, издалека. Есть ли у вас невеста или нет, нравится ли вам другая девушка, но если вдруг выпадает удачный случай, вы бросаетесь на свежую добычу, как голодный пёс на кусок мяса, и не можете удовлетвориться, пока не сожрёте его целиком. Но благодаря этому вы становитесь уязвимыми и вами легко управлять. Только я вот не пойму сама, зачем мне управлять тобой, К.?»

Мысленно К. тут же поймал её на противоречии; если он был ей совсем не нужен, то зачем она потащила его в лохань? Тут ещё можно было поспорить, кто здесь был только что голодным псом, а кто отмытым и чистеньким куском мяса. Правда, говорить это вслух было бы слишком неосмотрительно, поэтому К. сказал, что управлять им вовсе необязательно, но в ответ на хорошее отношение, он сам готов оказать любые нужные ей услуги в рамках, конечно, разумного.

«Так, значит, услуги в рамках разумного? – усмехнулась Матильда и подойдя ближе, мягко погладила его по щеке; К. показалось, что её расположение к нему стало меняться в лучшую сторону, – пожалуй, я это приму, но имей в виду, что эти рамки, как ты говоришь, разумного, я буду определять сама».

К. приняв вид неизбежной покорности судьбе, лишь молча кивнул в ответ, что, дескать, он на всё согласен, радуясь внутри себя, что его хотя бы перестали терзать упоминаниями о Фриде, и тем более, о матери Ханса. «Значит, ты всё-таки хочешь, чтобы я взяла тебя с собой?» – благожелательно, как показала К., переспросила женщина.

Возможность, хоть и почти невероятная, попасть в Замок таким образом сначала даже позабавила К.; сколько, оказывается, обходных тропинок к его цели может отыскаться невзначай. Прямая дорога с разрешения Центральной Канцелярии или через содействие Кламма, для

него, как видно, пока совсем закрыта, хотя, может быть, в будущем ему и удастся выбраться на неё при счастливом стечении обстоятельств. Но когда он представил свое прибытие в Замок в качестве лица пусть даже просто сопровождающего Матильду, то ему стало не до смеха. Такая перспектива выглядела для него сейчас ещё более жалким и нелепым предприятием, чем его прошлая попытка попасть туда вместе с Варнавой. Что он скажет у барьера сидящим за ним чиновникам, как обоснует свои притязания? Поведает им о том, что у него сегодня приключилось с этой женщиной? Или скажет, что он её слуга? Тогда, что ему нужно от чиновников? Нет, конечно, если он хочет стать посмешищем на весь Замок, а затем и на всю Деревню, а новости – как до него толково донесла мать Герстекера – распространяются здесь с быстротой лесного пожара, то да, он может пойти и таким путём. К тому же, он ничего толком не знает об этой женщине, кроме того что у неё красивое молодое тело, а этого, пожалуй, недостаточно, чтобы взять и положиться на неё и в других предприятиях, а не так буквально, как это только что произошло.

Тем более, если она простая служанка, как и Анна, то не так уж много выгоды может принести её содействие, хотя К. тут же пришло в голову, что он, наверное, немного зазнался, ибо ещё недавно, насколько ему помнится, он изо всех сил рвался к матери Ханса, хотя она и была простой служанкой в Замке. Правда, он никак не мог вспомнить, почему встреча с ней была для него такой значимой; вполне вероятно, что он сейчас позабыл какие-то важные обстоятельства, которые делали Анну настолько значимой для него; последние дни и ночи вспоминались ему сейчас в каком-то тумане, очевидно, из-за непрекращающейся усталости он постоянно упускал из виду важные детали. С другой стороны, пренебрегать помощью Матильды тоже не следует, не так много сейчас у К. союзников, к тому же, и он сам теперь всего лишь школьный сторож и даже недавно униженно благодарил за помощь горничных из гостиницы, по сравнению с которыми, даже обычная служанка из Замка, выглядит как могущественное лицо.

«Я приму любую помощь, – осторожно сказал К., – но ехать сейчас в Замок для меня бессмысленно». «Ты отказываешься ехать со мной?» – нахмурилась женщина, надевая меховую шляпку. «Я хочу появиться там по праву, – тихо, но решительно, произнёс К., – как работник, который заслужил внимание и уважение за свой труд. А я сейчас никто. Хотя я прибыл сюда как землемер, у меня есть письма от Кламма, где говорится, что меня приняли на службу землемером». Он сунул руку в карман, чтобы вытащить эти письма и потрясти ими в воздухе перед лицом Матильды для пушей убедительности, но вспомнил, что они лежат во внутреннем кармане его пальто, которое осталось висеть на гвозде в доме Герстекеров, и поэтому он просто поднял руку и рассеянно поводит ею перед собой. «Но я не могу заняться работой, ибо она никому не нужна, хотя и проводилась успешно, как заверяло меня другое письмо от Кламма, а мои помощники, назначенные Замком, только вредили мне». «Ты мне и другое письмо не покажешь? – спросила женщина заинтересованно следя за его руками, – любопытно было бы подержать его в руках».

«Они остались лежать в моём пальто у Герстекеров, – устало сказал К., видя, что смысл его слов, не интересует Матильду, а интересуют её, как всех женщин, просто вещички, которые можно осязать и потрогать. Вряд ли она даже будет их читать, решил он, или хотя бы даже бегло просмотрит; ей, главное, прикоснуться к бумаге, которой касался Кламм, ощутить запах чернил пера Кламма или остаток аромата его сигары, которую он курил над письмом. Что ей содержание этого письма?»

«Я всего лишь хочу, чтобы моё дело в Замке тщательно рассмотрели и приняли решение в мою пользу, – всё больше разочаровываясь, произнёс он, даже уже не надеясь, что до Матильды дойдёт смысл его слов, – ведь просьба моя обоснована и подкреплена решением из Замка, что я был вызван для работы землемером».

«Но, К., если ты думаешь, что я поеду в центральную канцелярию, куда тебе не попасть даже со мной, или даже в самые низшие её отделы, где, может быть, тебя примут, поскольку

там толкуются просители с ничтожнейшими делами, наподобие твоего, – пренебрежительным тоном сказала женщина, – то ты сильно ошибаешься. Во-первых, я не имею отношения ни к каким административным службам Замка, и не влияю непосредственно на их распоряжения. Во-вторых, я камеристка важной дамы, а не простая служанка, как ты мог бы подумать, и занимаюсь только её делами, и как раз сейчас я спешу в её покои. Так что ты можешь выбросить все свои возражения против поездки в Замок из головы». «Тогда, что мне там делать?» – недоумевающе спросил К., заканчивая одеваться.

Она притопнула ногами, одной за другой, чтобы проверить, насколько хорошо сидят они в сапожках.

«Пока ты будешь там моей игрушкой, – сказала Матильда, посмотрев на него оценивающим взглядом, – вдруг ты здесь где-нибудь потеряешься, так что лучше я буду держать тебя при себе, пока ты не заинтересуешь кого-то ещё, кому можно будет тебя отдать с весомой выгодой».

Он посмотрел на неё ошарашенно.

«Ну, же, К., не воспринимай всё так серьёзно, – рассмеялась женщина, – тебе ведь уже говорили, что ты всё воспринимаешь слишком близко к сердцу и тебя трудно развеселить. А на самом деле, это может совсем не иметь подобного значения, как бы ты не думал обратного».

При этих словах К. неожиданно вспомнил, что совсем недавно, точь-в-точь такие же слова говорил ему Иеремия, после того как К. его уволил. Неужели, и сюда прокрались постоянно вредящие ему помощники? Куда ни сунься, везде видны их грязные следы. К тому же, Иеремия в тот раз проговорился, что второй помощник Артур сейчас в Замке и строчит там на К. жалобы. Не от него ли распространяется сейчас вредоносное воздействие, что постоянно ставит К. палки в колёса? Но? может быть, если К. сейчас поедет вместе с Матильдой, то тогда ему возможно удастся отыскать Артура в неофициальной обстановке, зажать его в укромном углу и угрозами или посулами вынудить его отказаться от своих злодейских замыслов.

«Я только заберу пальто и шапку у Герстекеров», – быстро сказал К., делая шаг мимо женщины к двери.

Но Матильда остановила его жестом и настороженно прислушалась. К. напряг слух вслед за ней, и ему показалось, что он слышит шум подъезжающих саней, неразборчивое восклицание кучера и даже всхрап утомившейся лошади. Лицо женщины приняло озабоченное выражение.

«Нельзя, чтобы тебя видели выходящим из дома Лаземана, – быстро сказала она, – если он узнает, это придётся ему не по нраву. Возвращайся обратно, так же как ты пришел сюда. После выходи с другой стороны дома, я буду тебя ждать в санях».

К. растерянно огляделся, почему-то беспокойство женщины передалось и ему. Действительно, он совсем не подумал, как к его пребыванию здесь, явно незаконному, отнесётся хозяин, ведь Лаземан в отличие от Герстекера даже и не собирался приглашать К. к себе в дом ещё раз и ясно дал это понять ему ещё во время их первой встречи.

Но К. было трудно отыскать обратную дорогу, которой он явился, ибо он проделывал это всё с завязанными глазами. Кстати, и на кой черт от него потребовали надеть повязку, раз потом её одним махом сорвали безо всякого предупреждения? Пусть, он не увидел этого Фридриха, на что тот, вероятно, и рассчитывал, но голос ведь его К. запомнил прекрасно.

Матильда увидев, что К. лишь беспомощно оглядывается по сторонам, закатила глаза, как будто не в силах лицезреть его тупость. С каким-то горловым шипением, она резко схватила его за руку и буквально толкнула на сундук, тот самый, на котором К. сидел и заснул в свой первый визит к Лаземану. Он было испугался, что Матильда хочет просто втиснуть его в ларь, чтобы избавиться от К. и уехать, но когда повинувшись её резким движениям и шипящему шёпоту, на который она почему-то перешла, он открыл сундук, то сразу же сообразил, что это и есть вход, в подпол со стороны Лаземана, откуда он выбрался пару часов назад. Сундук был без дна и там К. увидел уходящую вниз уже знакомую ему лесенку. Он споро перебрался внутрь

и начал торопливо спускаться, даже не успев попросить свечу, чтобы как-то найти в темноте подпола дорогу обратно. Он только едва успел поднять голову, как увидел, что Матильда с безжалостным выражением на лице захлопывает крышку, как будто хороня его заживо в гробу. Растерянный К. едва успел пригнуться чтобы не получить твердым деревом по голове. Сундук захлопнулся над ним со страшным грохотом и К. буквально полетел в полной темноте вниз по лестнице.

«Жизнь тут у меня не из лёгких, – саркастически подумал он про себя, снова оказавшись в кромешной тьме без единой путеводной звезды, – надо снова выбираться на свет, а сделать это без, хотя бы свечного огарка, будет непросто. Кто бы мог подумать, что я за одно утро два раза окажусь в заточении под землёй».

Он осторожно встал, цепляясь за окружавшие его невидимые предметы и пытаясь вспомнить, какой дорогой он пробирался здесь в прошлый раз. Но это ему удавалось с трудом; понять куда двигаться без освещения было почти невозможно, и К. регулярно натыкался на какие-то твердокаменные преграды с завидным постоянством возникавшие у него на пути. Сверху до него донеслись неразборчивые голоса, похоже, Матильда не успела выйти из комнаты до того, как в неё вторгся новый визитёр. Судя по грубому голосу и тому, как натужно в вышине над К. закрипели половицы, он вполне мог оказаться самим Лаземаном, хотя К. и не был безоговорочно в этом уверен, тучных людей в Деревне хватало (взять хотя бы старосту), а голос он мог и спутать, так как тот доносился через препятствия и звучал приглушённо, да и говорил К. с Лаземаном в прошлый раз совсем мало, чтобы вот так решительно признать, что это был именно он. Но, по крайней мере, какую-то пользу от доносившихся сверху звуков извлечь было можно, К. надо было лишь только двигаться от них в противоположную сторону, что он после нескольких неудачных попыток и сделал. Голоса стали приглушеннее, и в конце-концов, пропали совсем, удостоверяя верность его действий, но, с другой стороны, подумалось К., это могло произойти не от того, что он двигался в правильном направлении, а потому что их обладатели, либо замолчали, либо Матильда наконец-то вышла на улицу, как она, впрочем, и собиралась сделать.

Эта мысль заставила К. самого поторопиться, и он вскоре нащупал наконец дверцу, ту самую, как ему показалось, которая разделяла подzemелья Лаземанов и Герстекеров. Дальше путь должен был оказаться полегче, главное было только не возвращаться к этой двери обратно; вряд ли из подпола Герстекеров существовал ещё и третий путь к кому-нибудь ещё из соседей, хотя, как усмехнулся про себя К., здесь ничего исключать было нельзя; понадобился же кому-то проход от Герстекеров к Лаземану, куда К. случайно и забрёл в поисках еды.

Странно, что К. раньше не задумался об этом, расслабленный лежанием в лохани с горячей водой и прочими связанными с этим событиями, ибо, если этот проход был сделан намеренно, может быть, даже ещё при строительстве дома, значит, в нём была какая-то необходимость. Но, с другой стороны, пришло в голову К., изначально дом мог принадлежать и одному хозяину, возможно именно Герстекерам, поскольку, раз уж старуха помнит чуть ли не основание Деревни, то вполне вероятно, что она и жила здесь со своим мужем с самого начала. А затем, по каким-то причинам, может быть, из-за болезни или смерти этого самого мужа, семейство в дальнейшем впало в бедность, да к тому же, ей надо было одной растить сына, большие хоромы им уже не требовались, поэтому половину дома выкупили Лаземаны – такое объяснение смотрелось со стороны довольно логично и правдоподобно.

Опять же, если староста не вводил в заблуждение К., рассказывая, что его политический оппонент Брунвик являлся зятем старшего Лаземана, то это совершенно точно означало, что Анна, как и её сестра Матильда были родственницами самого Лаземана. Вряд ли дочерьми, если учитывать не слишком большую их разницу в возрасте на вид, и вряд ли даже младшими сёстрами, слишком уж непохожими они были на скуластого медлительного и широкоплечего

хозяина дома, но они могли быть его племянницами, которые вполне имели возможность знать секреты жилища, где они, может быть, жили в детстве и где постоянно теперь бывали.

Выбираясь в чулан на половине Герстекеров, К. даже похвалил себя за связность и согласованность своих мыслей, ибо в последние дни, как ему, казалось он жил в каком-то непрерывном полусне, когда его вроде бы правильные и обоснованные действия, приводили его к совершенно неожиданным и непредсказуемым результатам, что путало его и ввергало в хаос, из которого он никак не мог выбраться. Поэтому обретенная им способность трезво рассуждать, показалась ему глотком чистого воздуха после затхлого подzemелья, которое он только что покинул.

На половине Герстекеров было по прежнему пусто и тихо, хозяева будто испарились бесследно. К. осторожно закрыл за собой проход в подпол и дверь кладовой, так, чтобы потом никто из Герстекеров не заметил, что он здесь побывал.

В комнате, где он провёл ночь, К. сразу же отыскал висящие на гвозде в углу свои пальто и шапку. Но как ни спешил он выйти из дома, он не смог отказать себе в том, чтобы хоть и торопливо, но проверить, на месте ли во внутреннем кармане его пальто письма Кламма. Как ни странно, они, аккуратно сложенные, оказались там же, где он их приберёт со вчерашнего дня; ни Герстекер, ни его мать на них, как видно, не покусились. К. даже быстро, на секундочку, развернул оба письма, дабы убедиться в отсутствии подмены, но и там всё оказалось в порядке, хотя чернила уже, конечно – как он с огорчением заметил – немного выцвели.

Снова спрятав сложенные письма в карман, К. уже хотел было выйти в сени и дальше во двор, где его уже давно должна была ждать, как обещала, Матильда в своих санях, как вдруг его внимание привлекли непонятные звуки, донёсшиеся с кухни, откуда сам К. только что вышел минуту назад. Он остановился озадаченный, ибо в то время, когда он там находился, он ничего необычного не заметил. Звуки повторились, они явно походили на какую-то скрытую возню, и К. охватило беспокойство, к которому почему-то примешался страх. В другой комнате явно кто-то был; неужели, К. был настолько невнимателен и отвлечён своими делами, что будучи там, не заметил, рядом нечто живое – а без сомнения эти звуки издавал кто-то живой – существо. И если, даже сам К. был настолько рассеян и погружён в свои мысли, что не смотрел по сторонам, то как это что-то или кто-то не заметил его, К.? – который с шумом вылез из подвала, хотя, может быть, именно это и разбудило незнакомца, если он, к примеру, мирно дремал где-нибудь там в уголке на печи.

К. осторожно, почти на цыпочках, вернулся к полуоткрытой двери, хотя, несмотря на всю свою осмотрительность, он наделал изрядного топота своими башмаками. Но от волнения его сердце так громко колотилось, что из-за этого он и не слышал им самим производимого шума, полагая, что крадётся почти так же тихо как кошка. У самого дверного проёма К. остановился, и сдерживая волнение, прислушался, и вдруг явственно услышал чужое прерывистое дыхание, доносившееся с верха печи. Он со страхом поднял взгляд и увидел там, где, как он полагал, в тепле сегодня спали Герстекеры, глубоко в углу печи, что-то живое. Сверкающие желтоватым светом глаза уставились на него, под незнакомым лицом на карнизе печи лежали две большие круглые женские груди, всё существо, казалось, состояло из груд мягкого белого мяса, толстый длинный желтоватый хвост свисал вниз и конец его всё время скользил по щелям между кафельными плитками.

Остолбневший от такого зрелища К., мелкими шагами, не сводя с существа взгляда, двинулся спиной назад, повторяя тихо, как молитву: «Наваждение! Это наваждение!». Добравшись до сеней, он развернулся и пулей, задыхаясь, выскочил, кое-как откинув засов, через дверь во двор на свежий морозный воздух.

На улице было пасмурно, с неба сыпал лёгкий мелкий снежок, а морозный шевелящийся воздух слабым ветерком остужал разгорячённое тело К. Он надел шапку, которую всё это время машинально сжимал в руках и огляделся. Двор был пуст, ни Матильды, ни её саней не было

нигде видно, но через секунду где-то заскрипела дверь, послышались тяжёлые шаги по хрустящему снегу, и из-за угла выдвинулась массивная мощная фигура в шубе. К. сразу же признал Лаземана и замер, глядя прямо в его хмурое широкое лицо обрамлённое негустой бородой.

Лаземан с полуоткрытым ртом, как будто собираясь что-то сказать, остановился на месте и подозрительно вперился взглядом в К., явно не ожидая видеть его здесь снова. К., со своей стороны, был не так сильно удивлён, так как знал, что кто-то заходил в дом, где была Матильда, пока сам К. странствовал под землей, но он сам ещё был настолько под неизгладимым впечатлением того, что он только что узрел в доме у Герстекеров, что он тоже, остановившись и растерянно раскрыв рот, молча уставился на Лаземана.

«Стало быть, господин землемер снова пожаловал сюда в гости?» – холодно отметил Лаземан, медленно приближаясь к К. Его маленькие глазки недобро осмотрели К. с ног до головы, и он даже, кажется, принялся к К., подойдя к нему совсем близко. К. в панике подумал, что бородач сейчас унюхает запах мыла, которым не так давно мылили К. и привлечёт его к ответственности за купание в принадлежащей ему лохани. В страхе К. даже забыл на время о странном существе лежавшим на печи в доме Герстекеров, да и вообще, было ли оно, не показалось ли оно ему просто наваждением, как он непрерывно и бормотал, выбираясь на улицу после затхлого воздуха подпола. Да, и мыслимо было ли существование такой твари в действительном мире окружавшем здесь К.? Даже Матильда казалась ему сейчас менее реальной, чем это странное существо, а ведь он был с ней куда более близок; но теперь К. озирался и не мог понять, где сейчас эта женщина, где подъехавшие, как он слышал, сани и возница; двор был пуст, ворота заперты, а на заснеженной земле не было никаких следов.

Лаземан по прежнему сверлил К. своим подозрительным взглядом, и поэтому он спешно ответил: «Я ночевал сегодня у Герстекеров, но сегодня они кажется уехали». Дубильщик был слегка озадачен его ответом; наверное, до этого он хотел обвинить К. в покушении на своё жилище вместе с лоханью, ибо чьи-то следы там, получается, явно были, но слова К. сбили его с толку, ему теперь придётся искать новых подозреваемых, если К. сможет обосновать свою непричастность. Но он же не мог разминуться с Матильдой, подумалось К., значит, ему и вовсе незачем подозревать меня в том, что я был у него в доме.

«А вы здесь сами только что никого не видели?» – осторожно спросил он, снова оглядываясь по сторонам, не могли же сани с людьми просто растаять в воздухе как фата-моргана. «Какое вам дело? – угрюмо пробурчал Лаземан, – мы в чужие дела не суемся, и не желаем, чтобы и в наши совались».

К. понял, что он не добьётся от дубильщика никакого осмысленного для него ответа. Жители Деревни, по-прежнему, не хотели иметь с ним дела, кроме, разве что, Герстекеров, но и те куда-то таинственно подевались.

«Я и не хотел никуда соваться и никому мешать, – примирительно произнёс он, решив даже не упоминать о Матильде и тем более о том, при каких обстоятельствах произошла их встреча, – но я и в правду, был у Герстекеров ночью, они позвали меня для... – он, запнулся, но сумел закончить, – для важного разговора». Лаземан презрительно усмехнулся: «Какие у этой бедноты могут быть важные разговоры, да тем более, с вами, разве что старуха совсем выжила из ума». Это мысль показалась ему вполне возможной и даже дельной. «Хотя вы можете ей верить, мне дела нет». «Да беда в том, что они утром уехали, когда я спал, – продолжал допекать Лаземана К., хотя уже видел, что дубильщик стремительно теряет к нему интерес, – может вы их видели по дороге?»

Лаземан равнодушно махнул рукой и повернулся в сторону.

«Ну, видел их на постоялом дворе с час назад, да только они уехали уже оттуда». «Куда?» – быстро спросил К., но Лаземан лишь коротко буркнул, «Не знаю», и окончательно развернувшись от К., тяжело и широко ставя ноги, двинулся к своему дому.

Слегка растерянный К. смотрел как тот исчезает за углом, ни разу не обернувшись даже бросить прощальный взгляд, как будто К. вовсе и не существовало в его мире. К. понял, что больше ничего от Лаземана он не добьётся, даже если догонит его и начнёт лупить кулаками по его широкой спине, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание. С другой стороны, Лаземан и так сообщил К. ценные сведения о том, что Герстекеры побывали утром на постоялом дворе. Возможно, имело смысл отправиться туда, а затем по обстоятельствам в школу, где были его вещи и где, как выразился секретарь Мом не так давно, его ждал долг школьного служителя. Возвращаться же в дом к Герстекерам, чтобы проверить, как там чувствует себя на печи странное существо с хвостом и женской грудью, К. точно один не собирался, пусть этим занимаются хозяева, а ему лучше предположить, что всё это ему померещилось. Не хватало, чтобы тут его ещё и вырядили в сумасшедшие. Поэтому он вышел за ворота и быстрым шагом отправился к постоялому двору «У моста», напрасно размышляя, куда могли таким странным образом исчезнуть приехавшие к дому сани и сама Матильда.

Глава 4 (29) Церковь.

К. уже немного ориентировался в Деревне, благо, что давно наступил день, и не надо было выискивать дорогу под обманчивым светом луны, как в прошлый раз. Солнца, правда, тоже видно не было, но заволочшиеся небеса отбрасывали на заснеженные крыши домов белый молочный свет, в котором кружились такие же белые и поэтому почти невидимые снежинки. Дорога к постоялому двору вела мимо школы, куда К. решил заглянуть попозже, справедливо полагая, что раз уж он опоздал на свою службу ещё с утра, и тем более, отсутствовал там весь предыдущий день, то ещё один лишний час погоды ему уже не сделает. Тем не менее, мимо школьной ограды он прошёл осторожно и озираясь по сторонам, в ожидании не появится ли внезапно из ниоткуда учитель с детьми, и тогда уж К. точно придётся вместо постоялого двора, как миленькому, заворачивать обратно в школу; не будет же школьный сторож бегать как заяц от своего начальника, раз уж тот его заприметил. Тогда ему придётся подзадержаться в школе, ибо долг школьного служителя он не исполнял целый день, не считая сегодняшнего, и наверняка там накопилась гора дел требующих его участия, и которые раньше должен был переделывать сам школьный учитель с Гизой, пусть, может быть, даже с помощью Шварцера. Но, коль скоро, теперь у них появилась возможность свалить всё это на К., да ещё придумать ему множество новых обязанностей, которые раньше никто не выполнял, (не зря же по справедливому замечанию старосты, школа давно тонула в страшной грязи), то тогда ему наверняка придётся трудиться, не покладая рук до самого заката, ровно к тому времени, когда от Герстекеров на постоялом дворе простынет и след.

После школьного здания, которое он благополучно миновал, К. увидел сельскую церковь – её-то он хорошо запомнил ещё с первой своей прогулки по Деревне. Это было довольно унылое каменное серое здание с острым шпилем кирпичного цвета, за который всю зиму тщетно пытался зацепиться падавший снег. Ворота были полураскрыты и очень хорошо сочетались с цветом неба. Около входа в церковь, придерживая тяжёлую дверь, стоял церковный служка – маленький старичок с морщинистой физиономией, испещрённой пятнами самых разных оттенков и островками невыбритой щетины – и пристально смотрел на К., будто ожидая именно его.

К. невольно замедлил шаг от такого навязчивого внимания и даже совсем остановился, когда увидел, что служка призывно машет рукой именно в его направлении. К. даже огляделся по сторонам, предположив, что, может быть, кто-то ещё из местных прихожан знакомых старичку вдруг оказался рядом, но нет, он по-прежнему был один на пустой дороге. Заинтересованный К. сделал несколько шагов и прошёл за ворота внутрь. Но как только служка заметил, что К. обратил на него внимание, он перестал приманивать его рукой и вместо этого опустил взгляд и начал тщательно разглядывать свои пальцы, как будто оценивая их длину. К. в недоумении остановился; если его не звали или он ошибся в своём предположении, что его зовут, то заходить в церковь большого смысла для него не имело, его ждали другие дела. Но стоило К. отвернуться и сделать шаг в обратном направлении, как он краем глаза уловил, что старичок снова замахал ему руками. Раздосадованный и непонимающий К. развернулся и твёрдым шагом снова направился к служке, но тот не дожидаясь развязки, молча нырнул в полуоткрытую дверь с проворством явно нехарактерным для его возраста и исчез внутри притвора, а когда К. досадливо вздохнув, уже было хотел уйти, из дверного проёма снова высунулась рука, поманила его, и затем уже исчезла окончательно.

Делать было нечего, не так уж часто здесь в Деревне обращали внимание на К., вернее, обращали, но либо как на чужеродную диковинку, от которой не знаешь чего ждать, либо это внимание было презрительным, как и подобало смотреть на чужака, не знающего местных порядков. Но здесь его явно звали внутрь, хотя и довольно странным манером, поэтому К.

после недолго размышления тяжело вздохнул и прошёл через двери в притвор. Вполне вероятно, что старичок по своему внешнему чудному виду мог оказаться местным дурачком и на его знаки можно было вообще не обращать внимания, тогда К. мог просто походя осмотреть церковь, раз уж выдался такой случай, а потом все-таки поспешить на постоялый двор, до которого он всё никак не мог добраться.

Войдя в центральный неф, где рядами поперёк стояли одна за другой скамьи, вплоть до самого алтаря и кафедры проповедника, он остановился, осматриваясь по сторонам. Служка, видно, успел за это время юркнуть куда-то в боковой проход, к которому у К. доступа не было. Церковь была пустой, лишь перед алтарём виднелась одинокая коленопреклонённая фигура. На самом алтаре горело, потрескивая, несколько толстых свечей. Воздух в церкви, несмотря на отсутствие людей, был несвежим и спёртым; может быть, здесь недавно проходила служба, подумалось К., и тяжёлое дыхание жителей Деревни не успело вырваться на волю из этих стен.

К. сосредоточенным взглядом посмотрел поверх длинных пустых скамей на человека перед алтарём. Время от времени тот приподнимал голову и тяжело вздохнув, изо всей силы бился ею о свои ладони, лежащие на каменном полу. К. захваченный любопытством медленно подходил всё ближе и ближе, пока человек, наконец, не почувствовал его приближение и не обернулся с лёгким испуганным вскриком. Это был молодой человек, узкоплечий невысокий, небрежно одетый, с глазами охваченными беспокойством.

«Это ты?» – поразился он и провёл рукою по глазам, словно желая отогнать какой-то сон. К. остановился; ему подумалось, что молодой человек принял его за кого-то другого. «Не думаю, что мы знакомы, – осторожно сказал он, – я землемер К., простите, что я вас невольно отвлек, я в первый раз в этой церкви».

Молодой человек беспокойно заморгал глазами.

«Должно быть, я обознался, – рассеянно сказал он, – я Франкель, помощник святого отца. Я так усердно молился, что, – он снова провёл рукой по глазам, – мне показалось, что я уже не в этом мире».

Он поднялся с колен и подал свою распухшую покрасневшую руку К., тесно сплетя свои горячие длинные пальцы с замёрзшими влажными пальцами К., и потом тот, уже отняв руку, увидел на ней красные мазки.

«Простите, – всполошился Франкель, заметив это, – обычно я так увлекаюсь молитвой, что нередко повреждаю руки в кровь, когда бью по ним головой, – он осторожно вытянул из кармана синий измятый платок, – возьмите, прошу вас». «Ну, лучше бить головой по ладони, чем по каменному полу», – шутливо сказал К., благодарностью принимая платок и вытирая им руку. Молодой человек засмеялся в ответ странным высоким смехом, потирая свой лоб. «Да уж, – признался он, – это я сам вывел из собственного опыта. Святой отец часто был недоволен, что я пою на хорах с разбитым лбом. Он говорит, что набожность это, конечно, хорошо, но вряд ли Богу будет угодно, если прихожане начнут так же калечить себя, следуя моему примеру. А руки я всегда могу спрятать за спиной или надеть на них перчатки».

«Рад, что ваш священник благоразумный человек», – вежливо ответил К. и перевёл взгляд на алтарь, где рядом с ним висело изображение рыцаря в средневековых латах, поражающего копьём какую-то тварь. К. вздрогнул, так как сразу узнал в ней существо, что сегодня днём он увидел на печи в доме Герстекеров – те же мяса, женские груди и длинный хвост, которым тварь, защищаясь, била по сверкающей броне рыцаря.

«А что это за картина? – запнувшись, произнёс К., подняв руку, как будто это была многопудовая гиря, – кто на ней изображён?»

Молодой человек проследил взглядом за рукой К. и слегка нахмурился.

«Это Конрад, первый граф Вествест, поражает дьявола в образе ведьмы, хозяйки этого Леса, – изрёк он несколько отчуждённым голосом, как будто открывая некую тайну, которую К. не имеет права знать, и открывает он её лишь потому, что должен свидетельствовать о славе и

мощи своих повелителей всякому, кто об этом спросит, – а затем на холме в середине Леса был возведён Замок». «А Деревня уже существовала в это время?» – невинным голосом спросил К. Франкель сверкнул на него глазами, как будто К. внезапно разразился каким-то богохульством в святых стенах. «Деревня была во власти колдуньи, – наконец, неохотно проронил он, – но благодаря подвигу графа, жители спасли свои души, прежде погрязшие в невежестве, варварстве и страхе, но об этом всем приезжим знать необязательно, тем более, что это всё – лишь легенды стародавних времён». «Стародавних, – переспросил К., а мне показалось, что я где-то уже видел это существо». «Конечно, видели, если хотя бы день здесь прожили, – снисходительно обронил молодой человек, – оно изображено на всех графских гербах, здесь и в Замке».

К. потерял свой лоб; может, и вправду, ему всё привиделось сегодня, из бессознательно наложившейся картинки с герба на какое-нибудь невинное животное, вроде кошки греющейся на печи у Герстекеров; правда, размер был великоват, но может в этой деревне разводят особо крупных кошек. А он всю неделю спал какими-то урывками, изнемогая от навалившихся на него усталости и чувства безнадёжности. Ведь и спим мы для того, чтобы набраться сил, а если долго не спишь, то нередко с нами случаются совершенно бессмысленные вещи.

«А вы, я так понимаю, человек здесь новый? – в свою очередь спросил Франкель, – вы, как мне помнится, назвались землемером, но я знаю, что у нас в Деревне человека с такой должностью нет, хотя, надо сказать, я сам здесь не очень давно».

«Да, меня приняли на графскую службу, – скромно сказал К., правда, не уточняя деталей, но в любом случае, он не лгал, слова «Как вам известно, вы приняты на графскую службу» были написаны в послании Кламма и имели в конце собственноручную подпись Кламма, – а вы сами откуда сюда приехали? Наверное, тоже издалека?»

При этих словах молодой человек задрожал как лист, он бросил тоскливый взгляд на К., причём не постеснялся слёз набежавших ему на глаза, губы его затряслись, и чтобы унять дрожь, он прижал ко рту костяшки согнутых пальцев.

«Меня выслали из Замка», – еле слышал К. ответ, а Франкель, отвернувшись от него, снова опустился на колени.

Выслали из Замка! Такого К. здесь ещё не слышал, и он даже забыл на время о своих собственных бедах, глядя на раздавленного горем Франкеля. Какие же преступления совершил этот слабый на вид молодой человек, раз он заслужил такое наказание. Хотя, вполне, может быть, его преступление не столь велико, как могло бы показаться на первый взгляд, если взять для примера вину Амалии, которая по мнению К. была совершенно бездоказательной. Но кто он такой, чтобы судить местные порядки; похоже здесь малейшие промахи вызывают самые тяжкие обвинения.

«И вы молитесь, чтобы вам позволили, вернуться обратно?» – догадался вдруг К. «Да!» – выкрикнул молодой человек прямо в пол, не поворачивая лица, и внезапно затрясся в рыданиях.

Какую же невыносимую силу имеет Замок над своими обитателями, поразился К.; в его воображении предстала мертвящая безликая холодная сила прижимающая людей к земле и от которой нет нигде исхода. Даже здесь в Божьей обители их цепко держит эта всесильная рука и сам Бог не может дать избавления, как ни стучи головой по ладоням, а хоть бы и прямо по каменному полу, разбивая себе лоб в кровь.

Не в первый раз К. встречал уже человека таинственными узами связанного с Замком, но впервые он был с ним наедине; никто сейчас не отгаскивал К. от него за руки и ноги, никто не мешал ему хоть чуть-чуть прикоснуться к здешним тайнам, ему надо лишь немного подождать, пока Франкель не придёт в себя и не успокоится. К. надо только себя пересилить и прикинуться внешне понимающим и внимательным, может быть, тогда молодой человек доверится ему; если он сейчас изливает душу Богу, то почему бы ему не излить её и участливому собеседнику.

Надо только не допустить ошибки и не спугнуть Франкеля неверным словом, а сначала перво-наперво нужно подождать в сторонке.

Поэтому К. решил отойти вглубь зала на время, чтобы не мешать молодому человеку переживать своё горе; там как раз стояли ряды пустых скамей, тем более, у него самого вдруг в ногах появилась щемящая усталость; странно, ведь он отдохнул у Герстекеров, да и прошёл до церкви совсем небольшое расстояние, его и не сравнить с просторами, что он легко покрывал раньше пешком с одной лишь палкой там, где всё нужное рассеянно на огромном пространстве. Но теперь эти расстояния стягиваются в маленькую точку, а с ними собирается и вся усталость накопленная К. во время этих странствий.

Но К. не успел сделать даже одного шага назад, ибо позади себя он услышал торопливый вскрик: «Он здесь!» К. в испуге резко перевернулся, потерял на миг равновесие, и чтобы не упасть, ему пришлось уцепиться рукой за спину всё ещё сотрясающегося в рыданиях Франкеля.

Он увидел, что теперь перед ним стоят ещё два человека: один из них уже знакомый ему церковный служака, тот самый, что заманил К. внутрь, а второй высокий господин средних лет в чёрном одеянии священника и с лицом, на котором выпирало вперёд всё – щеки, нос, губы, а когда он раскрыл рот, то и зубы его тоже выдвинулись вперёд прямо на К.

«Как вы ведёте себя в доме Божьем? – возмущенно выдохнул он, сверля К. взглядом, – вы отвлекаете моего помощника от молитвы, кто вы такой?». Он с горечью раскрыл рот и резко, словно навсегда, закрыл его.

Смущённый К. отнял ладонь от жёсткой негнушейся спины Франкеля и выпрямился, не находя от растерянности подходящих слов. Он только показал рукой на старичка, желая объяснить, что именно тот зазвал К. в церковь, а сам он никаких преступных намерений не имел, да и вообще, как любой прихожанин, он мог заявиться сюда без всяких запретов. Конечно, он не местный житель, но церковь должна принимать в свое лоно всех грешников, даже намного более закоренелых, чем мог быть бы К.

«Я пытался отвадить этого господина, – вдруг сморкающимся голосом высказался служака, потирая свою клочковатую грязную бородёнку, – я махал на него руками, чтобы он проходил мимо, но он бросился ко мне, и я еле успел скрыться от него в притворе. Я не видел его здесь раньше, мне он сразу показался опасным человеком».

Опасным? К. только устало вздохнул, его беда постоянно в том, что он даже не успевает произвести благоприятное впечатление, как его сразу начинают подозревать в каких-нибудь злодейских замыслах. Какая всё же странная эта Деревня и какие чудные здесь жители, неужели это тоже влияние Замка? А он ещё хотел стать здесь своим, укорениться, влиться в общину, показать своим примером как он может хорошо трудиться, и приобрести этим заслуженное уважение, ведь он никогда не был тунеядцем и всегда зарабатывал на хлеб в поте лица.

Ничего не объясняя, К. вынул из кармана первое письмо Кламма, развернул, тщательно разгладил его на рукаве и протянул бумагу к священнику; пусть не он убеждает здешнюю власть, а сам Кламм.

Священнослужитель принял письмо с недоверчивым взглядом, но, тем не менее, начал читать. Старичок с полуоткрытым ртом смотрел, то на К., то на своего начальника, не осмеливаясь мешать чтению, но все равно сохраняя при этом подозревающий вид в те моменты, когда он кидал взгляды на К. Только Франкель продолжал всхлипывать и что-то тихо бормотать, так и стоя на коленях, уперевшись лбом в пол, и не обращая внимания на пришедших, как будто важнейшей и единственной его целью было замолить свои грехи перед Замком.

Священник внимательно дочитал бумагу и даже просмотрел её на просвет там, где была подпись Кламма. Морщины изрезавшие его высокий лоб чуть разгладились, но лицо оставалось по-прежнему суровым. Он протянул письмо обратно К.

«Вам надлежало давно уже появиться здесь, – холодно изрёк он, – а вы за неделю вашего пребывания в Деревне, судя по дате вашего письма, не посетили ни одной службы. Неудивительно, что мой помощник, а он, надо сказать, человек с большим опытом, сразу распознал в вас чужака».

«Мне показалось, наоборот, что он звал меня, когда увидел, – смущённо сказал К., складывая письмо, и пряча его обратно в карман, – поэтому я и зашёл сюда».

«Вы всё у нас видите неправильно, – проронил в ответ святой отец, – но, тем не менее, я вынужден вам поставить на вид ваше небрежение церковными делами. У нас здесь такое не принято. Прежде всего каждый должен думать о Боге и о спасении души своей от рук Сатаны, а не помогать тому своим неблагочестием. – Он чуть задумался, – да, я припоминаю, кажется, староста или школьный учитель, во всяком случае, кто-то из них двоих, говорили при мне о приезде землемера, стало быть, о вас. Но должен вам сказать, что мнение о вас тогда скорее было неблагоприятное, хотя для меня это не так важно, мирские дела это дела мирян».

К. облегчённо вздохнул, хоть здесь его приняли, пусть как и закоренелого грешника, но всё равно допустили в лоно Церкви, и это показалось ему, хоть суровой, но лаской матери, по-прежнему любящей своего блудного сына. И ему вовсе не доставит сложности посещение церковных служб, коли это покажет его в выгодном свете для деревенской общины, а там глядишь и священник изменит своё мнение о К. в лучшую сторону.

«Я человек новый здесь, – вежливо сказал он, – конечно, я могу совершать по незнанию ошибки, но они непреднамеренные, поверьте, господин», – и он вопросительно посмотрел на священника.

«Моя фамилия Ледерер, – кивнул тот, – ошибки совершают все, но всё же я советую вам, господин землемер, стараться их совершать поменьше, даже непреднамеренных. Больше слушайте голос Бога в вашей душе, и тогда вы сможете их избежать, ибо дьявол, – и он обратил руку к картине с рыцарем, – дьявол рядом всегда».

К. вздрогнул, вспомнив существо увиденное им на печи в доме; воображаемый или настоящий дух тьмы подстерегал его недавно на обратной дороге от Лаземанов? И либо К. двигался по пути греха и дьявол ждал его там, чтобы составить ему компанию и увлечь его дальше вниз, либо путь его был правилен, и нечистый дух, напротив, хотел заставить К. свернуть с него? При тщательном рассмотрении более вероятен был всё же первый вариант, вряд ли его искушение Матильдой было чем-то праведным, особенно по отношению, хоть к бывшей его, но невесте. Священник заметил настроение К., и видимо решив, что он достаточно изобличил его в грехах требующих раскаяния, немного смягчился.

«Итак, я думаю, вы можете стать достаточно прилежным сыном Церкви, – превозгласил он, осеняя задумавшегося К. крестом, – ибо я узреваю в вас искру веры, которую можно раздуть во спасение вашей души. Но полагаю, что вам, господин землемер, придётся приложить для этого и самому немало усилий».

К. снова облегчённо вздохнул, за всю последнюю неделю, это, пожалуй, был самый благоприятный разговор с властью предержащими здесь, а то, что священник Ледерер это человек от мнения которого много что зависело в Деревне, а может быть, даже и в Замке, сомневаться не приходилось. И если К. удастся заполучить святого отца в союзники, он сможет тогда значительно укрепить свои позиции здесь; даже странно, как это ему не приходило в голову обратиться ко всепрощающей матери Церкви раньше, ведь она принимает своих грешных детей такими какие они есть, требуя взамен лишь веры или хотя бы её видимости.

Он поблагодарил святого отца за его участие и попросил разрешения ненадолго остаться в церковном зале, чтобы поразмыслить, как он сказал, немного о своей жизни и помолиться; он безусловно сильно раскаивается в своём неблагочестии, хотя ежедневный звон колоколов доносящийся от замковой церкви – а стало быть, их здесь даже две – давно уже должен был напомнить ему, куда ему следовало бы явиться в первую очередь.

Выслушав его слова, господин Ледерер благосклонно кивнул и простившись, неторопливо удалился вместе со своим донельзя ретивым, несмотря на старость, помощником. К., взяв для отвода глаз Библию с ближайшей скамьи, утвердился на ней же, а сам начал снова следить за Франкелем, который так и продолжал бормотать молитвы, стоя по-прежнему на коленях, откнувшись лбом в пол, и не обращая ни на что другое внимания.

В церковном зале было зябко, ждать пришлось довольно долго, и К. начал понемногу коченеть. Ему даже вспомнилось детство, как он мёрз в церкви на службах зимой, будучи там со своими родителями, и как местный пастор Гульд приговаривал, глядя на мёрзнущих прихожан, – «Кому в храме холодно, тому в аду жарко будет». Наконец, он с радостью заметил, что Франкель зашевелился, и закончив свои молитвы, поднялся с колен. К. пришло в голову, что молодой человек тоже не выдержал холода, который кстати, становился всё ощутимей. Но, может быть, и ощутив холод, Франкель углублённый в свои думы, не обратил никакого внимания на то, что в зале он не один, и не замечая К., опустив голову, прошёл мимо него к выходу. К. с запозданием вспомнил, что просидев с одеревенелой от холода спиной битый час в ожидании молодого человека, он даже не придумал подходящего повода, чтобы обратиться к Франкелю, когда тот закончит здесь свои дела. Поэтому он так отчаянно бросился вслед молодому человеку, что уронил раскрытую посередине Библию со спинки скамьи на пол. Услышав звук падения, Франкель обернулся с тревожным выражением на лице, и К. увидел его покрасневшие от пролитых слёз глаза и не до конца высохшие от них дорожки, по которым слёзы ещё недавно сбегали вниз.

«А, господин землемер», – сказал он медленно, словно постепенно пробуждая старое воспоминание, будто с момента их знакомства истекло много лет. К. не успел ответить, как выражение лица Франкеля снова изменилось, когда он посмотрел вниз. Как оказалось, К. не только нечаянно уронил священную книгу, но и второпях ещё и наступил на неё ногой.

«Нечестивец! – выкрикнул молодой человек таким громовым голосом, какой трудно было ожидать от столь тщедушного на вид существа, переведя гневный взгляд снова на К., – и ты посмел сделать это здесь!? В этом святом месте!?» – и он вдруг бросился на К., согнувшись почти пополам, будто собираясь ударом точно в середину, снести того с лица земли.

К. сам изрядно перепугался, но, к счастью, быстро сообразил в чём причина вспышки гнева молодого человека, и подскочив над лежащей на полу книгой, резко наклонился вперёд чтобы её поднять. Столкновения было не избежать, и они оба с глухим треском стукнулись головами, одновременно, как близнецы, закричали от боли и повалились на пол; только Франкель при этом снова рухнул на колени, а К. упал на спину.

Какое-то время К. просто лежал на спине, держась за голову, ощущая, как растёт горячая опухоль у него на лбу и только слышал, как рядом глухо подвывает Франкель, который, похоже, имел дело с теми же проблемами. Наконец, у К. перестало так сильно шуметь в ушах и он с трудом, стараясь не отрывать рук от головы, перекатился в сидячее положение. Молодой человек стоял перед ним на коленях, держался руками за лицо, и сквозь пальцы у него просачивалась кровь; вид у Франкеля был при этом довольно ошарашенный, казалось, он не даже понимал, где находится.

«Прошу прощения, – К. с трудом пошевелил своим языком, – это чистое недоразумение, – он протянул руку и взял лежавшую в стороне книгу, чуть не ставшую причиной нечаянного смертоубийства – они же могли ненамеренно проломить друг другу лбы – и то, пока было неизвестно, всё ли в порядке с Франкелем, ведь просто так кровь из головы у людей не течёт, – я всего лишь хотел вас позвать, но случайно уронил Библию, да ещё и наступил на неё. Но я не нарочно, – он отнял от своего полыхающего лба руку и добавил, – поэтому совершенно незачем было на меня так бросаться».

Взгляд молодого человека принял чуть более осмысленное выражение. «Я не бросался на вас, – неразборчивым, глухим и шепелявым голосом пробормотал он, – я кинулся поднять книгу, которую вы попрали ногами».

К. устало качнул подбородком и чуть снова не вскрикнул от боли, так сильно ему снова ударило в голову.

«Говорю же вам, это чистое недоразумение, я такой же христианин, как и вы, а не какой-нибудь язычник. Господин Ледерер вам может подтвердить, – он ещё раз осторожно ощупал набухшую, уже изрядных размеров шишку торчащую как сучок у него высоко над правой бровью. Но хоть голова и болела довольно сильно, кость явно была целой, так что можно было надеяться обойтись только шишкой и лёгким сотрясением. Но как это было всё некстати! Разве можно теперь показываться с таким дьявольским рогом перед впечатлительными и чувствительными чиновниками из Замка? Да их сразу стошнит при виде К., и то, если ему удастся прорваться к ним через хозяйку и хозяина гостиницы, которые и в нормальном-то виде дадут К. от ворот поворот.

«Вы мне, кажется, выбили нос и разбили зуб, – жалостливо пролепетал Франкель, отнимая руки от лица, и в ужасе озирая свои окровавленные ладони, – то есть, я хотел сказать наоборот».

«Вам надо бы умыться», – сочувственно сказал К., ему стало жалко молодого человека, так как было видно, что тот пострадал похлеще К., хотя больше и по своей вине; всё-таки сейчас были не времена первых христиан, когда верующие люди с готовностью становились мучениками. Лишиться здоровья из-за случайно упавшей, пусть и святой книги, по мнению К., было всё же перебором.

Франкель согласно кивнул в ответ, и у него тут же снова закапала из носа кровь. С тихим вскриком он прижал её носовым платком, и пошатываясь, поднялся на ноги. К. смотрел на него снизу вверх и пытался вспомнить нечто существенное, а именно – зачем он так отчаянно бросился за молодым человеком минуту назад. Ему же было крайне важно что-то от него узнать, но он никак не мог вспомнить что конкретно; как только он пытался напрячь свой мозг, у него начинала гудеть и болеть голова.

«Я смогу найти Вас после?» – наконец, отчаявшись от своих бесплодных попыток вспомнить, спросил К.; может быть, это удастся позже, подумалось ему, пока главное – не упустить в дальнейшем из вида Франкеля. «Зачем?» – в ужасе спросил тот, делая шаг назад, и представляя, видно, последствия новой встречи. «Я хотел бы компенсировать, причинённые вам неудобства, – пошёл на хитрость К., раз он уж никак не мог припомнить своих истинных намерений, – по мере моих возможностей и сил».

Молодой человек ответил недоверчивым взглядом, но всё же после согласно кивнул.

«Я живу на Рунденгассе, снимаю комнату у пекаря на втором этаже, – сказал он, – это большой каменный дом, вы его сразу узнаете, там деревенская пекарня».

«Запомнить бы это с первого раза», – устало подумал К., оперевшись спиной на скамью – вставать ему всё ещё не хотелось – и он лишь молча глядел, как Франкель кивнув ему на прощанье, пошатываясь побрёл к выходу из зала. Глаза его сами собой закрылись и он впал в недолгое болезненное забытие – всё-таки Франкель приложился от души к его голове своей.

В себя его привёл далёкий звон колоколов. Первую секунду К. никак не мог сообразить, где он находится, и отчего у него так сильно саднит в голове, которую, казалось, засунули в какую-то несуществующую дыру. Кряхтя и пошатываясь, он поднялся и с трудом утвердился на ногах, держась на всякий случай за край ближайшей к нему скамьи. Отдалённый колокольный перезвон понемногу затих – значит, и здесь церковь Замка была главнее, если все большие колокола перетасили туда, оставив тут словно в насмешку всего один колокол, в который, наверное, и не звонили-то толком никогда; и постепенно в памяти К. всплыли все недавние события. Правда, ему ещё немного пришлось отдохнуть, сидя на скамье, чтобы к нему вер-

нулись все силы и все воспоминания, которые едва не выбил из него этот Франкель одним нечаянным, но мощным ударом. В церкви по-прежнему никого не было, и никто не мешал К., как следует прийти в себя. Всё-таки он был сильно раздосадован, что вместо истории молодого человека, получил от него лишь оглушающий удар по голове, как будто предупреждение свыше, что не стоит ему слишком глубоко совать свой нос в дела Замка. Он с трудом припомнил адрес, который ему сказал Франкель, но название улицы вышибло у него из памяти окончательно, хотя там, вроде как, должна была быть пекарня в двухэтажном каменном доме, как говорил ему молодой человек, а таких домов вряд ли много выстроено в Деревне.

Отдохнув и собравшись с силами, К. вышел в притвор и сразу обнаружил там уже знакомого ему старичка, церковного служку, который сидел за небольшим столиком, и высунув от напряжения бледный язык, что-то заносил пером в бумаги лежавшие перед ним. При виде К. он, как будто споткнулся, и открыв в растерянности рот с редкими зубами, испуганно заморгал на него своими маленькими глазками, должно быть, оробев от внешнего устрашающего вида К.

Но К. хватило одного только взгляда брошенного на столик с бумагами. Протоколы! Значит, даже здесь, даже в церкви, ведётся тщательное документирование всех произошедших событий, подчиняясь регламенту установленному Замком. Правда, вместо секретаря Мома за столом сидел невзрачный старичок в одежде с заплатками, но суть дела от этого, похоже, не менялась; наверное и сам Мом позавидовал бы сейчас прыти старикашки, уже исписавшим своим ужасным мелким почерком несколько листов. И даже, может быть, решил бы, что этого упорного старичка, вообще, не удастся выпроводить отсюда, пока тот полностью не исполнит свой долг и не заполнит все регистрационные формы до мельчайших деталей и подробностей. И когда это он всё ухитрился написать, пришло в голову К., неужели, ему уже столько успел сообщить Франкель, за то время, пока сам К. приходил в себя после всего, что случилось? Или им дело не ограничилось, и руку здесь приложил ещё и священник, изложив свои подозрения против уклоняющегося от посещения церковных служб приезжего землемера? Интересно, сколько лжи они ещё понаписали о К., выгораживая самих себя и свои поступки. А теперь, значит, настало время для допроса самого К.?

Он буквально закипел внутри от таких мыслей и одним прыжком оказался рядом со столиком так, что старичка чуть не сдуло с места от одного его мощного движения.

«Не желаете ли провести допрос?» – саркастически осведомился он и с такой энергией ударил кулаком по столу, что подпрыгнула чернильница, а листы бумаги исписанные и ещё чистые взвились в воздух, как снег во дворе школы подброшенный его лопатой. На лице церковного служки проступило выражение крайнего ужаса, он выронил перо, которое держал в руке и оцепенел; видно было, что он хотел что-то сказать – может быть, даже попросить у К. пощады – но язык его не слушался, и вместо нужных ему слов старичок издал лишь жалкое бульканье, видно, решив, что настал его последний час. Впрочем, его можно было понять, вполне могло статься, что он видел такое устрашающее зрелище первый раз в своей жизни.

«Ну, так что же? – продолжал допекать его К., раздражение которого не утихало, – я здесь, можно приступать к разбирательству, графская канцелярия наверное, уже заждалась протоколов, не так ли?»

Старичок немного пришёл в себя и осторожно поднялся с совершенно мокрого табурета, на котором он принял первый натиск К.

«Виноват, господин, виноват, – пролепетал он, жалостливо моргая своими глазками, – я только схожу за господином священником, и мы всё сделаем, как вы требуете».

К. недоуменно нахмурился, кажется, эти низшие чиновники, весьма жалкие личности, стоит хоть немного на них надавить, как они сразу идут на попятную и даже сами готовы выполнять все твои требования; интересно, если бы он также накричал тогда на Мома, был бы тот же эффект? К. представил себе секретаря по Деревне, убегающего от него в мокрых штанах и злобно усмехнулся; наверное, такого надругательства над администрацией ему бы не простили,

и Замок обрушил бы на него свой гнев всерьёз. Но насколько не похожим на самодовольного Мома выглядит сейчас этот старикашка: в поношенной и заплатах одежде, с жалким и испуганным видом, с трясущимися от страха губами – вот он осторожно, не смея отвернуться, задом отступает от К., даже позабыв забрать с собой свои протоколы – какое упущение! – и лишь только затем, отойдя на несколько шагов, поворачивается, и несмотря на свои хромоту и старость, мгновенно исчезает из поля зрения К., как будто его здесь никогда и не было – совершенно жалкое и недостойное поведение для человека связанного с Замком, пусть даже и из самых низших чинов.

Итак, он снова избежал допроса, хотя и таким необычным способом; К. нагнулся и поднял с пола несколько разлетевшихся исписанных листков. По крайней мере, он сейчас хотя бы узнает, что о нём понарасказывали святой отец и Франкель, а может быть, найдёт в протоколе какие-то важные для него сведения, которые помогут ему более умело противодействовать одолевающим его противникам.

Он быстро пробежал взглядом корявые строчки; ну и почерк, поразился К., как можно принимать на службу в Замок таких неквалифицированных работников, да и ошибок здесь полным полно; хотя, если уж в Замке взяли на службу таких специалистов как Артур и Иеремия, а потом ещё и навязали их К., хлебнувшим с ними горя полной мерой – то и такие кандидаты, как этот старичок, удивления вызывать уже не должны. Неизвестно, как там на более высоких уровнях обстоят дела, хотя судя по разговорам местных жителей, чиновники работают там уже намного более профессионально, иначе бы громоздкая организация Замка давно бы уже рухнула и погребла бы под своими обломками всех причастных и не причастных; но, конечно, работа низших звеньев этой системы построена отвратительно, что видно К. даже невооруженным глазом – а этот старикашка, просто ещё один наглядный тому пример.

К. ещё раз, но уже с поднимающейся внутри него тревогой просмотрел поднятые им бумаги. Он ожидал увидеть в них показания священника и молодого человека изгнанного из Замка, а видел лишь какие-то унылые списки съестных продуктов, хозяйственной и церковной утвари. Ну, как могут относиться к его допросу сотня свечей, воск и кадка с мёдом? Выходит, старичок, вовсе никакой не представитель администрации, за которого принял его К. Что же теперь подумает о нём священник, когда служка, заикаясь от страха, расскажет ему о нападении К.? Лучше теперь К., наверное, несмотря на все его обещания господину Ледереру, в ближайшее время в церкви не появляться.

К. печально вздохнул и аккуратно сложил листочки стопкой на столе. Через маленькое оконце в притворе, он увидел, что день уже на исходе и на Деревню опускаются сумерки. Ему надо было спешить на постоянный двор «У моста», где сегодня видели Герстекеров, и куда К. весь день двигался, но всё никак не мог добраться.

Глава 5 (30) Учитель. Школа. Ханс.

Ветер на улице совсем утих, лёгкий снегопад и тот прекратился, и разгорячённый К., шагая в расстёгнутом пальто, и держа в руках свою шапку, жадно вдыхал свежий морозный воздух, который казалось можно было пить, как прохладное молоко, после спёртой церковной атмосферы. По мере того, как охлаждался сам К., охлаждались и приходили в порядок и его собственные мысли. Теперь он уже сам удивлялся своей горячности охватившей его в притворе церкви; должно быть, он действительно всерьёз напугал старичка, который, вероятно, всего лишь занимался там хозяйственными делами. Но, с другой стороны, служка вполне справедливо поплатился за то, что изначально обманом завлёл К. в церковь, а потом вдруг от всего отрёкся и переиначил свои действия перед господином Ледерером, обвинив в этом самого К. Может, в следующий раз это будет для него уроком, тем более, что К. не нанёс ему фактически никакого ущерба – свои мокрые штаны старичок может просушить, это не проблема, к тому же, сами его записи остались в целостности и сохранности, К. их аккуратно собрал и положил обратно на стол, так что вреда местному делопроизводству было не нанесено никакого. Но всё это неважно, не забыть бы адрес Франкеля, чтобы как-нибудь зайти к нему в гости; К. слегка нахмурился – из адреса он запомнил лишь то, что там был дом деревенского пекаря. Он напрягся, чтобы припомнить детали – ведь это было совсем недавно! – но его кровь лишь прилиwała к голове и без пользы текла дальше, пульсируя в такт его шагам.

«А, господин школьный сторож! – вдруг услышал К. откуда-то со стороны, – какая неожиданная встреча». Он остановился, будто налетев на какое-то препятствие, голос был полон нескрываемой иронии, и К. вдруг увидел, что перед ним стоят школьный учитель, с которым он как раз пытался избежать встречи сегодня, и учительница Гиза в длинной до пят меховой шубе, в ней она казалась дородной и величественной по сравнению с маленьким тщедушным учителем. К. недоумевающе огляделся вокруг, и до него понемногу дошло, что в задумчивости он всё это время шёл неверной дорогой и вместо того чтобы приближаться к постоялому двору, напротив, удалялся от него, и в итоге снова оказался перед школьной оградой.

«Вы, я так понимаю, наконец-то, явились на службу, – с ехидцей произнёс школьный учитель, но довольно спокойным голосом, видно, свой громовой учительский рык он припас на потом, – а мы уже и не чаяли вас увидеть. Вы не подскажите фройляйн Гиза, сколько мы уже ждём здесь на службу господина школьного сторожа?»

Гиза в ответ презрительно улыбнулась, и даже не удостоив К. взглядом, проронила: «Это вопиющее безобразие длится уже второй день. Я и не припомню на своей памяти более наглого пренебрежения своими обязанностями. – и она всё-таки посмотрела на К. – Но, что можно было ещё ожидать от подобной личности? Вы господин учитель, как я прекрасно помню, были изначально против этой глупой затеи с наймом школьного сторожа».

«Увы, нам не всегда получается действовать, как считается полезным и нужным, – ответил учитель, и К. почему-то показалось, что эти двое будто отрепетировали свой разговор заранее, настолько хорошо и складно они говорили, назубок выучив свои роли, – мои руки были связаны обещанием господину старосте. В отличие от этого господина, который ни в грош не ставит сельскую администрацию в лице уважаемого старосты или меня, и ведёт себя так, как ему заблагорассудится, забыв про все свои обязательства, которые он нам дал совсем недавно».

«Прошу меня извинить, – сказал К. вежливым тоном, ссориться ещё раз с ними обоими ему сейчас не хотелось, – я... Он на секунду задумался и решил ограничиться самой маленькой, по возможности, ложью, которую можно было бы употребить: «Я был болен весь прошлый день и сегодня только встал на ноги. Но я готов прямо с завтрашнего утра или даже сегодня с вечера, – добавил К., – снова приняться за работу».

«А, так, значит, вы всё это время болели? А лицо вы себе разбили, видимо, тоже во время болезни?»— деланно удивился учитель и повернулся к Гизе с такой гримасой, как будто К. в своих безусловно лживых словах достиг пределов своей наглости.

«Он совсем изолгался», – фыркнула надменно Гиза в ответ, поправляя меховой воротник своей шубы.

«Значит ты болел?» – уже громовым голосом повторил учитель, поворачиваясь обратно, и К. быстро сообразил, что его попытка обмануть сразу двух опытных школьных работников – тех, кто из года в год привык изобличать школьных учеников с их проделками, и кто только по тону и дрожанию голоса юного обманщика мог легко определить, насколько тот заврался – такая попытка неизбежно потерпит неудачу; хоть К. был совсем и не юн и не малоопытен, тягаться в этом сразу с двумя учителями ему явно было не под силу. Поэтому К. решил не усугублять свою вину дополнительной ложью, тем более, что он сразу подметил, как учитель снова обращается к нему на «ты». Это служило явным знаком того, что тот до сих пор считает его своим подчинённым – отбившимся, конечно, немного от рук – но всё равно ещё безусловно пребывающим в орбите его учительской власти. Поэтому К. решил пока не сопротивляться их натиску, тем более, что против двоих людей уверенных в своей правоте это было ещё и тяжело. Так что он снял шапку, молча упёр взгляд в землю, словом, принял вид мрачного раскаяния.

«Так, значит, ты решил не только прогуливать службу, – подступил ближе к нему учитель, заметив, что К. перестал ему сопротивляться, – но и ещё заведомо лжёшь сейчас нам с фройлян Гизой, пытаясь скрыть свою нерадивость?»

«Да, он похоже, пьян, – поддержала учителя Гиза, упоминая К. только в третьем лице, как будто обращаться к нему напрямую, было ниже её достоинства, – вы посмотрите только как он стоит весь расстёгнутый и без шапки».

К. растерянно посмотрел на свою шапку, которую он держал в руке, и безропотно нахлобучил её себе на голову. Но Гизе, похоже, этого было мало, и несмотря на своё презрение, она сделала шаг к К. – он с удивлением обнаружил, что Гиза на полголовы выше его – и с надменным видом, но склоняясь всё ниже и ниже, застегнула ему пуговицы на пальто сверху донизу, как наверное, по привычке делала это сотни раз со своими разбаловавшимися учениками. Странная теплота вдруг разлилась в ответ по его телу. И это впечатление было столь сильным, что К. и вправду, почувствовал себя вдруг заигравшимся школьником, которого только что поймала за очередной проказой строгая учительница. Ещё немного и она прикажет привести ему в школу своих родителей, подумалось К. Долго же ей придётся их ждать!

«Пьян он или нет, мне это неважно, – вмешался снова школьный учитель, возвращая К. к сегодняшней действительности, где вряд ли можно было сыскать пьяного ученика, так что К., волей-неволей, снова пришлось встать взрослым, – важно то, что он отлынивает от своих обязанностей, хотя наверняка, претендует на жильё, еду и жалованье!»

К. только молча вздохнул в ответ, на самом деле, припомнив, что в договоре, который, кстати, он так и не подписал – хотя учитель тогда прямо заверил его, что это произойдёт сразу же после переезда К. с Фридой и помощниками в школьное помещение – что там действительно упоминались все эти условия. Но получается, раз договор не подписан, то все эти соглашения держатся только на честном слове учителя, если он, конечно, не забыл, что договор так и не был оформлен. Но можно ли надеяться на его забывчивость, если он один ведёт половину всех предметов в школе и наверняка обладает отличной памятью? И если сейчас учитель неожиданно аннулирует свои обещания не подкрепленные ничьей подписью – ни его, ни К., то тогда он может оказаться в сложном положении; для начала, К. даже не сможет забрать своё добро из школы – чужаков туда не пускают, а у него там вещи, в том числе и его паспорт и метрика – разве что после унижительных просьб, на которые учитель ещё и неизвестно как откликнется. А без вещей и с несколькими монетками в кармане, кто накормит К. сегодня вечером, да и во все последующие дни? На Герстекеров полагаться было нельзя, они то появляются, то исче-

зают, а возвращаться к ним домой в их отсутствие К. совершенно не хотелось по известным причинам; Матильда тоже таинственно пропала, не сдержав своего обещания, взять его с собой в Замок; Пеппи, этот несмыслёныш с налитым кругленьким тельцем наверняка уже забыла про него и предалась новым девичьим мечтаниям с подружками горничными. Оставалась только семья Варнавы, которые, наверное, с радостью приютили бы его у себя, но объедать бедняков, самих живущих впроголодь, К. сам не желал. Так что ему, пока только оставалось смиренно стоять и покорно слушать ругань школьного учителя, надеясь, что тот не упомянет про неподписанный договор.

Наконец, судя по всему, учитель выдохся отчитывать К., а может просто решил, что это ниже его достоинства тратить столько времени на простого школьного сторожа, да к тому же, К. сейчас являл собой вид молчаливый и послушный и не пререкался, как обычно, со своим начальником, так что любой, даже весьма жестокосердный человек на месте учителя, уже давно должен был хоть немного, но смягчиться.

«Итак, надеюсь, я вбил в тебя хоть немного ума и ответственности, – таким образом он закончил свой выговор К., – так что, если не хочешь окончательно распрощаться со своей работой, живо беги в школу и приготовь там классы для завтрашних занятий. И приготовь сегодня, а не с утра, фройляйн Гиза больше не собирается вытаскивать тебя сонного из постели на посмешище ученикам, как это было позавчера! Кстати, – неожиданно вспомнил он, и К. внутренне жался, – кто посмел разбить окно в гимнастическом зале? Опять ты?»

«Нет, господин учитель, – обрадованно выпалил К., радуясь, что тот вспомнил не про договор, а про другое, – это сделал мой бывший помощник Иеремия, но я тут же уволил его, когда до меня дошли известия, о разбитом окне».

«Уволил, значит, – процедил учитель, хмурясь от непонятной ему радости К., которую было слишком легко заметить, – я бы вас всех там поувольнял, если бы не необъяснимая доброта господина старосты. Ладно! Сегодня же заделаешь окно досками, вместо тех картонок, которыми мы с фройляйн Гизой вынуждены были закрыть его сегодня, чтобы не окоченеть от холода вместе с учениками».

«Сегодня же будет всё сделано, – послушно подтвердил К., – я займусь этим прямо сейчас».

«Сию же секунду!» – изрёк учитель, по-прежнему хмурясь; он снова ещё раз оглядел его с ног до головы, но видно, не найдя ничего к чему бы он мог ещё придраться, подарил К. последний суровый взгляд, и не простившись прошёл мимо вместе с Гизой. К. в ответ стоял у школьной ограды на вытяжку, как солдат в застёгнутом на все пуговицы пальто и в шапке, ожидая пока его начальство не исчезнет за домами; до этого момента, он остерегался двигаться. К. расслышал удаляющийся голос учителя: «Вот так ставят на место нерадивых служителей». – «Но я всё равно не доверяю этому землемеру, господин Грильпарцер», – услышал К. ещё и Гизу, но учитель решительно отрубил её сомнения, энергично махнув рукой и сказав: «Не, беспокойтесь, фройляйн, я крепко держу поводья!»

К. в сомнении взглянул на темнеющее небо; если он хочет добросовестно выполнить задание учителя – так, значит, зовут его Грильпарцер? – то ему надо поторопиться, потому что забивать разбитое окно досками под слабым светом керосиновой лампы – занятие не из простых. Хорошо бы, конечно, сходить до гостиницы «Господский двор», отыскать там Иеремию и за шиворот притащить того к школе, ведь это именно его бывший помощник разбил там окно и сбежал, оставив отдуваться за свои грехи своего начальника – К., и заставить, если не его самого исправить дело, то хотя бы помочь К., и например, постоять со стороны улицы на морозе, держа доски, пока К. будет работать внутри в тепле. Да, и Фрида может быть, тогда, увидев его требовательность и непреклонность, снова ощутит в себе любовные чувства к К. и вернётся к нему, ведь женщины любят решительных мужчин не склонных к сомнениям. Но, с другой стороны, заставить Иеремию сделать что-то полезное – задача практически невыполни-

мая, они-то и вдвоём с Артуром ни разу ничего путного не сделали, а только вредили К. своей помощью; так и здесь – не останется ли школа совсем без стёкол, если Иеремия примется за дело; учитель тогда точно уволит К. со страшными проклятиями и даже содействие старосты ему не поможет. Да, к тому же, этот притворщик, вспомнил К., симулирует сейчас простуду, лежа в уютной Фридиной постели – можно представить, как он заохает и раскричится, если К. потащит его оттуда на улицу. Так что это весьма сомнительное предприятие, подумалось К., и он печально усмехнулся – выходит, Фрида точно к нему не вернётся – совсем он не решительный, а наоборот, вечно сомневающийся в своих силах, слабый человек. Поэтому весь ремонт К. придётся делать сейчас самому и быстро, если он ещё хочет успеть вернуться на постоянный двор «У моста», порасспросить там про Герстекеров и поесть хотя бы остатков от ужина постоянльцев, раз уж община обязалась кормить его за свой счёт и хозяйке волей-неволей придётся терпеть и обеспечивать его пропитанием.

Учитель с Гизой уже скрылись из вида, и К., очнувшись от своих мыслей, торопливо двинулся к школьным воротам, запиравшим двор. Он уже подошёл почти вплотную к калитке, как вдруг та резко распахнулась, и его чуть было не сбил какой-то человек, оказавшийся, к удивлению К., запыхавшимся Шварцером. Тот тоже, видно, не ожидал встретить К. на своей дороге.

«Господин земле... школьный сторож? – выпалил Шварцер, резко притормозив, и выпучив на К. глаза, – вы здесь никого не видели? – и невпопад добавил, – вас же вроде уволили из школы».

«Вы, Шварцер, постоянно ошибаетесь на мой счёт, – спокойно сказал К., делая шаг в сторону, чтобы дать тому дорогу, – это я понял, ещё в первый день, как только прибыл в Деревню. Я бы посоветовал вам быть более внимательным. С чего бы меня увольнять? Я только что беседовал с господином Грильпарцером и сейчас как раз иду в гимнастический класс, чтобы привести в порядок разбитое окно. Кстати, вы бы не хотели мне помочь в этом, вы же тоже, как я слышал, помощник школьного учителя?»

«Он был один, когда вы его встретили?» – Шварцер пропустил мимо ушей последний вопрос К.; похоже, он был чем-то сильно взволнован и непрерывно озирался вокруг, заглядывая даже за плечо К., и при этом сводя свои густые брови так, как будто ожидая увидеть там кого-то ещё кроме него.

«Нет, не один – ответил К. – он сопровождал фройляйн Гизу».

Услышав его слова, Шварцер подскочил на месте и заскрипел зубами. «Так я и знал, так я и знал», – забормотал он, глядя куда-то внутрь себя, так, во всяком случае, показалось К. «А куда они дальше направились, вы не видели?» – глаза его безумно заблестели, и он вцепился зубами в свой же кулак.

К. забеспокоился, он ещё никогда не видел Шварцера в таком состоянии, обычно тот был весьма спокоен, ровен и презрителен по отношению к К.; похоже что-то серьёзно вывело его из равновесия. Неужели, он приревновал Гизу к школьному учителю? Хорошенькие дела творятся здесь в школе! А замечания насчет нежелательных подробностей семейной жизни все, значит, делают ему – К.!

Шварцер больше ничего не говорил, а только судорожно вдыхал и выдыхал холодный воздух, прикусив до крови кожу на пальцах, а взглядом, как будто умоляя К., спасти его добрыми известиями. Вообще, было весьма соблазнительно – дать Шварцеру правильное направление, и пусть, уж они там улаживают свои дела втроём без его присутствия, к тому же, вероятно, учителю тогда будет совсем не до К. в ближайшем будущем, если судить сейчас по воинственному настрою Шварцера. Но все же К. сумел пересилить себя, и не подавая вида, что он что-то подозревает или чем-то взволнован, он со спокойным лицом протянул руку и указал в направлении противоположном тому, куда на самом деле ушли школьный учитель с Гизой.

«Они прошли вон туда, – подкрепил он свой жест словами, – буквально пару минут назад, я думаю вы их вполне сможете нагнать».

Шварцер внезапно стиснул его в благодарных объятиях так, что у К. перехватило дыхание, и слетела с головы шапка. Но он даже не успел сказать ни слова, как тот уже отпустил К. и бегом бросился в указанную ему сторону.

Озадаченный этими странными событиями К. насилу вспомнил о своих делах, глядя вслед Шварцеру. Понадеявшись, что на этом его приключения на сегодня закончились, он прошёл за калитку, аккуратно притворил её и даже запер на замок, отыскав в кармане связку ключей, выданных ему учителем два дня назад. С ключами в руке К. даже почувствовал себя как-то увереннее, как настоящий школьный служитель идущий по своим животрепещущим делам. Да, быть может, он и отсутствовал здесь целый день и даже дольше, но ведь не просто так, он же не притворялся больным, как Иеремия, хотя что греха таить, и попытался разыграть перед учителем эту же карту; он отсутствовал по серьёзным причинам. В любом случае, если учитель утверждал правду, что здесь никогда не было школьного сторожа, то за один или даже два дня отсутствия К. на службе небеса на землю точно не упадут. Важно позвякивая ключами, К. подошёл к наспех закрытому старой картонкой школьному окну, из которого ещё недавно махала ему рукой Фрида, расставаясь, как ему казалось тогда, с К. ненадолго, и в которое змеёй проник его помощник, чтобы потом коварно заползти и в её сердце.

Хотя на улице уже изрядно стемнело, К. удалось разглядеть, как небрежно и недобросовестно приделана к оконной раме картонка; стоило ему лишь одним пальцем по ней постучать и слегка дернуть её на себя, как она тут же и отвалилась, а за ней совершенно неожиданно в сторону К. вылетела с жутким шипением та самая, уже знакомая ему, жирная кошка Гизы, от которой он сам едва успел отскочить. Вполне вероятно, что картонка была прикреплена крепче, чем полагал К., а девяносто процентов работы по её отрыву проделало испуганное чем-то животное, но дела было уже легко не поправить; серая кошка мгновенно растворилась в серых деревенских сумерках, а в оконной дыре завыл ветер. К. настороженно прислушался, ветер как будто плакал, горя над чьими-то несбывшимися надеждами, и через несколько мгновений К. понял, что внутри школьного зала кто-то, на самом деле, плачет. К. не подумав, чуть было не полез тут же в дыру, но вовремя опомнился, и уже очень скоро открывал и так еле прикрытую входную дверь в школу, через которую, вполне может быть, недавно и выскочил в расстроенных чувствах Шварцер. В большой прихожей, он снял с крючка висевшую там керосиновую лампу, зажёл в ней огонь восковыми спичками лежавшими рядом и прошёл в зал, который он оставил почти два дня назад ради встречи с Варнавой.

«К.! Наконец-то, ты пришел!» – услышал он почти сразу же детский вскрик и с удивлением увидел Ханса, который радостно выбежал ему навстречу.

«Ханс? Что ты тут делаешь, – озадаченно воскликнул К., ласково глядя мальчика свободной рукой по голове, когда тот с зарёванным лицом, всхлипывая, прижался к нему обеими руками и не отпускал, – разве ты не должен быть сейчас дома?»

Мальчик запрокинул заплаканное лицо и с обидой посмотрел прямо в глаза К. «Ну, как же так, К.? – с обидой, недоуменно спросил он, – ты же обещал дожидаться меня здесь сегодня после занятий, а потом мы были должны пойти к моему отцу. Неужели, ты забыл, как сам обещал мне это позавчера?»

К. чуть было не выронил лампу и не сел прямо на пол, так сильно он на мгновение ослабел. Как он, действительно, мог про это позабыть, внутренне выругал он сам себя. Построить такие планы, преодолеть недоверчивость Ханса, «подобраться» к нему, как выразилась в тот раз Фрида, хотя она говорила тогда больше о себе – и вдруг про всё это позабыть! Весь разговор с мальчиком тут же послушно всплыл у него в памяти, будто они разговаривали только что. Получается, К. направился по неверному пути, на который его увлёл своими посулами Герстеркер, и совсем позабыл, что до этого он планировал заполнить себе в союзники Брунсвика, как

главного оппозиционера старосте, и уже с этой ступеньки, усыпив его бдительность, собирался уменьшить расстояние отделявшее К. от матери Ханса. Конечно, совсем не так, как он сегодня сократил это расстояние с её сестрой Матильдой, об этом даже и речи быть не могло, он до сих пор покрывался холодным потом, при одном только воспоминании о том, что он принял её за мать Ханса. Ему нужен был от неё только совет или лучше помощь, а как этого надежнее всего добиться, если не сдружиться с её самыми близкими людьми – мужем и сыном? И теперь он практически упустил этот шанс, обидев Ханса, позабыв, что сам же и договорился о встрече с ним сегодня; он как будто снова услышал весёлый звенящий голос мальчика «Значит, до послезавтра!»

«Погоди, Ханс, погоди, – забормотал он, собираясь с мыслями, – конечно, я ничего не забыл, просто не мог прийти раньше. Меня задержали важные обстоятельства».

«Но я уже замёрз здесь совсем, пока тебя ждал, – со слезами в голосе сказал мальчик, – сначала я ждал тебя на улице, а потом когда замёрз, вернулся снова сюда. Зал был уже пустой, печка почти прогорела, а дров больше не было. Потом сюда зашёл обозлённый чем-то Шварцер, он ругался на чём свет стоит и пинал ногами гимнастические снаряды, вон посмотри сам, – и К. действительно заметил поваленного и лежащего на боку гимнастического коня и разбросанные рядом брусья. «Я испугался и спрятался за печку, а потом под ноги ему попала кошка, – продолжал Ханс, – и он чуть было не грохнулся на пол, и пихнул её со злобы ногой так, что она отлетела в сторону, и выскочил из зала, ругаясь на все лады. Я было подумал, что тебя уже не дожусь, и надо идти домой, но я боялся выходить из-за Шварцера, мне почему-то казалось, что он готов так же пнуть и меня, поэтому я сидел здесь и тихонько плакал. Но ты всё-таки пришёл за мной, К.», – и мальчик дружелюбно погладил его по рукаву пальто.

К. облегчённо вздохнул, по счастью, Ханс, несмотря на допущенные К. промахи, не стал его врагом, и на него, по-прежнему, можно было рассчитывать. Но фоне всех его неудач, пожалуй, это можно было рассматривать, как одно из редких достижений К. здесь в Деревне.

«Ханс, послушай, – нерешительно начал К., боясь потерять и это достижение и снова обидеть мальчика, – ты не против, если мы останемся здесь ненадолго? Мне надо заколотить досками вон то разбитое окно, чтобы совсем не выстудить гимнастический зал. А ты, если хочешь, можешь даже мне помочь».

Слёзы на глазах Ханса быстро высохли, и он даже обрадованно захлопал в ладоши. «Конечно, я помогу тебе, – весело сказал он, – но только, К., давай поторопимся. Если станет совсем поздно, мама начнёт за меня волноваться».

К. машинально кивнул, озираясь. Ему только что пришло в голову, что у него нет ни гвоздей, ни молотка, и он даже понятия не имеет, где брать подходящие для работы доски. Насколько он помнил, в сарае рядом со зданием школы, из дерева были только дрова для топки, не считая самого сарая, но не будет же он приколачивать к окну дрова или разбирать сарай. Что же ему делать? За какую-то секунду в нём нагромоздилось столько разных нерешительностей, но все они никак не хотели перерасти, хотя бы в крохотную решимость. И вдруг К. озарило, что он не просто так оказался в этой ситуации – на самом деле, это был, без сомнения, дьявольский план школьного учителя; не имея возможности просто так уволить К., он даёт ему совершенно невыполнимую задачу, а когда К. полностью провалится в её исполнении, что же, тогда учитель с лёгким сердцем выгонит его с работы. И никто не сможет заступиться за К., даже староста, ибо он сам своим согласием только что подписал себе приговор. Его охватило уже знакомое ему чувство беспомощности; надо было действовать, а голова у К. была словно наполнена паром, и всё что он мог – это только сжать руки в кулаки на бёдрах, но это мало ему помогло.

Ханс, казалось, понял в чём дело; он осторожно подёргал К. за рукав.

«Шварцер сегодня заделывал окно картоном, – сказал мальчик, – а инструменты оставил потом вон в том шкафу», – и он указал рукой на деревянный шкаф, одиноко стоявший в дру-

гом конце зала. Как выяснилось, школьный учитель, увидев сегодня утром разбитое в школе окно, очень сильно взбесился; досталось всем окружающим и даже Шварцер попал ему под горячую руку, хотя он был ни в чём не виноват, а как обычно, просто пришёл, чтобы сидеть на уроках и любоваться своей Гизой. Конечно, во всем сначала обвинили К., как лицо материально ответственное – он же был сторожем! – и даже, если не он сам, как выяснилось потом, разбил окно, то, во всяком случае, он должен был воспрепятствовать порче школьного имущества, как выразился учитель: «Да хоть бы ценой собственной дрянной жизни». Так что, если бы утром К. имел бы несчастье оказаться в досягаемости бурлящей, как проснувшийся вулкан, ярости школьного учителя, то ему бы точно не поздоровилось. Ну, а так больше досталось Шварцеру, в основном за то, что он легкомысленно начал пререкаться с учителем, забыв, что он сам работает в должности помощника и должен подчиняться его указаниям. Дело было в том, что за ночь зал целиком выстудился – а ведь ещё никто не топил печи (и это тоже, кстати, вменили в преступление отсутствовавшему в школе К.) – и вести занятия там было, считай что невозможно. Вряд ли учитель мог бы сам заняться починкой окна, поскольку, несмотря на всю свою учёность и знание французского языка, работать руками он никогда не умел, да и как для школьного начальства, подобное занятие, в любом случае, было ниже его достоинства. О фройляйн Гизе даже и речи не шло, она, пожалуй, и шага к этому окну бы не сделала. Поэтому учитель сначала хотел послать одного из учеников к старосте, дабы тот, во-первых, убедился в ошибочности своего решения о назначении К. школьным сторожем, если уже на второй день его службы школа начала рушиться по его вине, а во-вторых, чтобы тот прислал какого-нибудь батрака, исправить или хотя бы для начала временно заколотить разбитое окошко; и учитель даже было уже взглянул именно на Ханса, возможно, чтобы дать ему это поручение. Но как раз в этот момент его взгляд упал на Шварцера, который безмятежно, раскрыв рот, забыв обо всём на свете, любовался Гизой, не обращая никакого внимания на плещущий по гимнастическому залу учительский гнев. Наверное, тому показалось, что Шварцер совсем уж даром ест свой хлеб школьного помощника, в то время, как один лишь учитель кладёт все свои силы, чтобы учебный процесс функционировал должным образом. А единственное, чем занимался Шварцер на своей должности, так это проверял вместе с Гизой тетради учеников; в сущности, он выполнял её работу, которую она прекрасно могла бы делать и без него. Поэтому учитель бесцеремонно, как пробку из бутылки, выдернул Шварцера с задней парты, где тот обретался, и велел ему заняться конкретно починкой окна, потому что, дескать, на поиски плотника всё равно уйдёт драгоценное время, которое надо использовать для учёбы, а к старосте, мол, учитель ходит сам, уже с подготовленным докладом о должностных преступлениях К. Но Шварцер, видно, вспомнив, что он сын помощника кастеляна, а не какой-нибудь там безродный учительшика, наотрез отказался пачкать руки грязной, как он выразился, работой. С официальной точки зрения он, разумеется, был не прав, поскольку господин Грильпарцер являлся его непосредственным начальством, и молодой человек был обязан выполнить все его указания. Но с неофициальной, скажем так, с житейской позиции, портить отношения с сыном помощника кастеляна, и получается, с ним с самим, было невыгодно и для учителя, тем более, что должность школьного помощника Шварцер продал на поверх его головы, использовав свои связи в Замке. Но школьный учитель уже был так накалён произошедшими событиями, что позабыв про дипломатические тонкости, которые должен был бы, по хорошему, учесть, окончательно вышел из себя и громовым голосом пригрозил выкинуть со школьной должности Шварцера за его неподчинение, присовокупив, что он Шварцера на пушечный выстрел после этого не подпустит к школе, а следовательно и к Гизе; хотя про саму фройляйн Гизу, конечно, учитель не упомянул, потому что вокруг толпились ученики, которым не следовало слышать о подобных вещах. Правда, Шварцер не оценил учительской деликатности и в запале сам пригрозил использовать свои знакомства, чтобы уже со своей стороны выкинуть с работы самого учителя, и может быть, даже занять его место; понятно, что это были только слова, никогда бы в жизни

Шварцер не смог удержаться на такой должности без всяких преподавательских навыков, не говоря уже об отсутствии знания хотя бы французского языка, но, видно, ему было приятно, даже просто представить в своём воображении такое развитие событий, ибо тогда у него появились бы серьёзные рычаги для влияния на фройляйн Гизу, чтобы заставить, наконец, её выйти за него замуж; в противном случае он мог бы просиживать штаны за задней партой в школе годами, но так и не добиться своей желанной цели.

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, может быть, даже дракой, в которой у Шварцера было бы бесспорное преимущество, в силу его молодости, если бы Гиза, возможно, представив Шварцера на должности начальника, и ужаснувшись перспективе стать ему женой и рожать каждый год от него детей, не перешла бы решительно на сторону школьного учителя и не пригрозила бы молодому человеку своей окончательной немилостью. Шварцеру пришлось моментально капитулировать, поскольку ещё неизвестно, смог ли бы он, даже использовав все свои связи, одолеть в борьбе господина Грильпарцера, но фройляйн Гизу он бы потерял уже сейчас, и это ему было очевидно. Поэтому ему пришлось покориться и отправиться за молотком и гвоздями, учитель же, удовлетворенный своей победой, отыскал для него самолично картонку, чтобы не доводить до опасного предела унижение молодого человека, так как несмотря на свой гнев, он всё-таки учитывал положение Шварцера и его отца в Замке. Окончательно же они все трое сошлись на том, что единогласно объявили виновником всех бед именно К., а учитель пообещал, что он теперь уж точно сотрёт К. в порошок, чтобы и духом его больше в школе не пахло. А Шварцер сказал, что он после выполнения работы возложенной на него учителем, найдёт рюкзак и остальные пожитки К., оставленные им в школе, и выбросит их на ближайшем пустыре. И хотя учитель запретил ему это делать, сказав, что он сам заберёт эти вещи на хранение, но безусловно, не будет их выбрасывать, потому что в отличие от заезжих бродяг, здесь в Деревне живут интеллигентные и приличные люди, которые подобными делами не занимаются, Ханс, услышав про то сильно испугался и решил сбежать из школы, чтобы найти К. и предупредить его о грозящей ему опасности.

Правда, сделать ему это не удалось, взвинченные столкновением со Шварцером учитель и фройляйн Гиза теперь стали вымещать своё настроение на учениках, пресекая любое баловство и следя за каждым их движением, так что школьники теперь даже дышать боялись. Сам Ханс было очень расстроился, каждая минута промедления казалась ему роковой для К., но потом он вспомнил, что именно сегодня они с К. договорились о встрече после уроков. Правда, где искать К. при его отсутствии весь прошлый день, мальчик и понятия не имел, но он надеялся, что К. помнит о своей договоренности и не забудет явиться в школу, как и обещал. Поэтому Хансу пришлось смириться и ждать, пока шли уроки, и Шварцер заделывал окно; но видать, для сына помощника кастеляна это тоже было непривычной работой, поэтому сделал всё он, конечно, вкривь и вкось, так что даже старая кошка одним прыжком смогла разрушить результат всех его трудов, что своими глазами увидел недавно К. А когда все немного подуспокоились, стало видно, что учитель очень благодарен фройляйн Гизе за поддержку в противостоянии с Шварцером; возможно, он был чересчур горяч в своей признательности, да и сама Гиза со слишком видимым удовольствием приняла его благодарности, что выглядело со стороны довольно странно, поскольку она никогда не показывала на людях свои чувства; возможно, она просто представила себе кошмар семейной жизни со Шварцером и ужаснулась или вообразила его своим начальником и ужаснулась вдвойне. Но всё было бы ничего – подумаешь, один раз в жизни Гиза чем-либо открыто выразила свое удовольствие, рано или поздно это должно было бы случиться, не может же она всегда и везде быть безразличной и холодной на вид ко всему окружающему. Но, когда Шварцер, заканчивая свою работу заметил это, то он, конечно, просто глазам своим не поверил, и в сердце у него, судя по всему, возникли самые чёрные подозрения. Получается, он не меньше двух лет, насколько помнил Ханс, торчал в школе, похоронил ради этого свою карьеру в Замке, рассорился с могущественным отцом,

вынужден был постоянно подстраиваться под тяжеловесный характер Гизы, почти ничего не получая взамен, даже скупых слов благодарности – например, после помощи в правке школьных тетрадок, и вот прямо здесь она открыто при нём, можно сказать, кокетничает со школьным учителем, который, между прочим, только что угрожал Шварцеру увольнением, и вообще, ведёт себя как его верная союзница, помогая ему одолеть сопротивление Шварцера. Любой бы на его месте наверняка испытал бы муки ревности, а уж живой и подвижный Шварцер и подавно, тем более, что ему приходилось до этого постоянно одёргивать и сдерживать себя, чтобы не потерять расположение Гизы, и всё это в нём годами бродило и копилось и искало себе выхода. Конечно, любому зрителю со стороны уже с самого начала было бы очевидно, что тяжёлый ледяной характер Гизы в итоге загасит пламень живой и темпераментной Шварцеровской страсти, но, как известно, любовь слепа, а когда ей ещё и не дают исхода – то и безумна в своих порывах. Но как бы то ни было, Шварцер какое-то время ещё держался и закончил кое-как работу, всего лишь попав – в этих порывах – себе пару раз молотком по пальцам. Как выразился потом господин учитель «достойно похвалы, что он не пригвоздил случайно свою руку к оконной раме».

На этом, может быть, сегодня всё и закончилось бы миром, и фройляйн Гиза, видя послушание Шварцера, снова бы разрешила бы сидеть ему на подмостках кафедры во время урока, а затем дозволила бы ему править с ней тетрадки учеников, но как назло господин Грильпарцер неожиданно велел ему ещё найти в школе пожитки К., и не теряя времени, отнести их к нему на квартиру на Шваненнгассе, где тот жил доме у мясника. Сам школьный учитель объяснил эту спешку боязнью за невинность учеников, ибо мало ли что могло отыскаться в вещах у такого неблагонадежного человека, как К., тем более, эти вещи лежали хоть и в углу класса в старом рюкзаке, но всё равно на виду, а непоседливые школьники могли растащить эту заразу по всей школе.

В этом месте К., слушая рассказ Ханса, просто подскочил на месте.

«Как! -крикнул он громче, чем бы ему хотелось, – все мои вещи у школьного учителя?»

Мальчик в ответ грустно кивнул, но возразил, что это все-таки лучше, чем, если бы Шварцер выкинул бы их где-нибудь на деревенских задворках.

«Но ты же сам сказал, что именно Шварцеру поручено было отнести все мои вещи на Шваненнгассе? – не согласился К., – откуда мы знаем, что он в точности выполнил это поручение, а не сделал так, как грозил раньше?»

Ханс признался, что он не подумал об этом, но ему кажется, что Шварцер в тот момент ещё вроде бы как подчинялся учителю и не стал бы игнорировать его распоряжение, хотя было видно, что он выполняет его с крайней неохотой; было ясно, что он не желал оставлять фройляйн Гизу и господина учителя вдвоём надолго.

К. опустил на пол рядом с упавшим гимнастическим конём и сжал голову ладонями, почти не слушая слова мальчика; противники окружали его двойным смыкающимся кольцом, явно дублируя свои враждебные действия – его пожитки в любом случае не оставались бы в покое, их либо уже выкинул Шварцер, либо присвоил Грильпарцер. Правда, неизвестно, что ещё хуже, то, что его рюкзак лежит на пустыре в снегу, где его ещё можно сыскать с помощью Ханса, который знает здесь все тропинки, или то, что он может быть сейчас в руках у учителя, и теперь К. полностью в его власти, ведь без документов уехать из Деревни ему невысказанно, он же не бродяга. Поэтому он уже невнимательно дослушал конец истории Ханса о том, что Шварцер по возвращении случайно увидел, как учитель держит Гизу за руку, стоя возле кафедры, и окончательно решил, что тот его отослал к себе домой специально, чтобы остаться с фройляйн наедине после уроков. Он побелел как полотно и молча, ничего не сказав про то, что выполнил ли он поручение или нет, снова выбежал из школы, но так быстро, что учитель с Гизой даже не заметили его прихода.

В этот раз, когда он вернулся, на него уже удержу не было, но, к счастью, все уже успели отправиться по домам кроме Ханса, которому пришлось спрятаться за гимнастическими снарядами, чтобы дожидаться К. Шварцер сначала некоторое время бесновался в зале, раскидывая спортивное оборудование, но слава богу, не заметив мальчика, а потом выбежал вон, после чего буквально через пару минут здесь появился К.

К. сидел на полу и чувствовал, что его мозг распадается на отдельные части, думающие сами по себе: ему одновременно надо было и заколачивать досками окно (а сначала найти инструменты и доски), и искать Шварцера, чтобы выбить из него правду, куда он дел его рюкзак, и шагать вместе с Хансом к его отцу Брунsvику, который уже должен был наверняка их ждать, и прийти, наконец, до постоянного двора, где ему надо было расспросить о Герстекерах, и в конце концов, там поужинать. Но К. не мог выбить ничего из той копны соломы, в которую он превратился в последние дни; вместо решимости что-то сделать, он ощущал только полную беспомощность.

Положение снова спас Ханс, впрочем, К. и раньше замечал в прошлом с ним разговоре, что из его детскости иногда, как будто бы выглядывал взрослый прозорливый человек с немалым жизненным опытом; правда, невозможно было сказать, где он успел поднабраться такого опыта, и тем не менее, мальчик буквально за пару минут, пока К. сидел на полу, отчаянно пытаясь разобраться со всеми остальными К. у него в голове, тянувшими его в разные стороны, сумел отыскать и молоток и гвозди заброшенные Шварцером туда, где К. их и вовек бы не сыскал. И он даже приволок из дровяного сарая крышку от старой сломанной парты, которая идеально подходила к дыре в окне пробитой негодным Иеремией, что наглядно показывало, какие надежды можно будет возложить на мальчика в будущем. Таким образом с помощью Ханса К. довольно быстро сумел справиться с заделкой окна, хотя будучи всё это время отвлечён мыслями о своих пропавших вещах, он ухитрился несколько раз, как и Шварцер, попасть себе молотком по пальцам, и даже один раз, чересчур сильно размахнувшись, он чуть было не разбил и остававшуюся пока целой вторую половинку окна – Ханс едва успел криком предупредить о грозящей стеклу опасности. Но, в конце концов, дело было сделано, и можно было надеяться, что учитель завтра останется доволен работой К. (про помощь в этом мальчика, он вряд ли бы смог сам догадаться), которая на фоне грубой поделки Шварцера, выглядела творением мастера. Все остальные обязанности школьного служителя – подмести и вымыть полы, хорошенько протопить печь и вынести мусор – К. без труда мог уже сделать завтрашним утром.

Ханс был очень горд своей помощью и буквально лучился от счастья, но К. оставался по-прежнему сильно встревоженным – он не может сдвинуться с места, объяснил он мальчику, пока не решит, как отыскать рюкзак со своими вещами, а главное документами; ясное дело, что для этого сначала надо было найти Шварцера, как человека, у которого они были в руках в последний раз.

«Как я не догадался спросить его об этом при встрече?» – безутешно повторял К., складывая оставшиеся гвозди и молоток в шкаф. «Но, К., ты же не знал об этом тогда, – ответил Ханс, глядя на К. испуганным взглядом, – я сам тебе рассказал об этом после». «Да, так и было, – согласился К., потирая лоб, – но всё же...» – «Прошу тебя, пойдём скорее к моему отцу, – уже начал упрашивать его, не на шутку взволнованный, Ханс, – уже совсем стемнело, и наверняка он сердится, что нас так долго нет».

Но К. неожиданно заупрямился, сейчас для него не было ничего важнее его рюкзака, ведь остаться без бумаг удостоверяющих его личность на дальних подступах к Замку стало бы для него окончательным поражением, даже, можно сказать, полной катастрофой; там, где значение имеет самая ничтожная бумажка, он вдруг лишится важнейших документов: паспорта и метрики, не говоря уже о ворохе второстепенных бумаг, что он накопил за время своих странствий.

«Послушай, Ханс, – сказал К., блуждая обеспокоенным взглядом по лицу мальчика, еле видимом в слабом свете керосиновой лампы, – я точно знаю, что Шварцер, когда он не пони-

мает, чем себя занять, то всегда болтается на постоялом дворе «У моста» и лезет под руку каждому гостю, – в памяти К. живо всплыла их первая встреча. – Наверняка, и сейчас он там, раз ты сказал, что фройляйн Гиза на него сердита. Значит, он не может быть сейчас около её дома, а уж тем более, она не допустит его к себе сегодня, даже для того, чтобы он помогал ей проверять, как обычно, тетради».

Мальчик только кивнул со слезами на глазах.

«Но всё же, К., – попытался он переубедить его, – ну, пойдем сначала к моему отцу, прошу тебя». «Нет! – К. уже всё решил, – скажи Брунsvику, что я приду завтра, я это обещаю, но сегодня, Ханс, пойми, первым делом я должен добратсья до Шварцера, иначе всё пропало!»

После этих слов., Ханс уже не стесняясь, зарыдал, уткнувшись головой в грудь К.

Глава 6 (31) Постоялый двор «У моста». Разговор с хозяином

Простившись с плачущим Хансом, К. отправился на постоялый двор «У моста». На улице совсем стемнело, но К. за несколько раз уже выучил дорогу и не боялся теперь сбиться с пути. У него было тяжело на душе, перед глазами у К. всё еще стояло заплаканное лицо мальчика, с которым он уже успел подружиться, и которому он невольно, против своего желания, нанёс сегодня такой сокрушающий удар. Меньше всего на свете он хотел бы заставить Ханса плакать, но его слишком сильно стискивали неодолимые обстоятельства, вынуждавшие К. спешить сейчас другой дорогой. Он лишь надеялся, что мальчик простит ему это невольное предательство, а лучше, если ещё и поймёт почему К. поступил именно так – отказался сейчас от встречи с его отцом Отто Брунsvиком, несмотря на то, что они ещё позавчера потратили с Хансом уйму времени и сил, чтобы тщательно, в деталях, разработать план этой встречи, так что даже Фрида, слушая их разговор, приревновала его к мальчику и потом долго осыпала К. упрёками. Но теперь оставалось рассчитывать только на способности Ханса, что он сумеет защитить К. перед своим отцом. Судя по тому, что К. слышал о самом Брунsvике, надежда на это была, ибо Ханс по своим способностям явно превосходил отца, но он всё-таки был ещё ребенком, а не взрослым человеком, способным полностью отдавать себе отчёт в своих действиях, и к тому же, Брунsvик мог давить на него, используя свой отцовский авторитет, и чего доброго мог бы перетянуть его на свою сторону, чего совсем не хотелось К.; Брунsvик был ему необходим как союзник против старосты и учителя, но из-за складывающихся обстоятельств этот союз висел на тончайшем волоске. И чем ближе К. подходил к постоялому двору, тем больше ему казалось, что совершил ошибку, оставив Ханса одного перед его отцом; вдвоём им было бы гораздо легче убедить Брунsvика переменить свое мнение о К., ибо, как взрослый опытный человек, он мог бы легко поправить мальчика, если у того не заладилось бы благополучно представить К. перед Отто в лицеприятном виде. Мысленно К. уже вёл энергичный диалог с Брунsvиком, каждой своей убедительной фразой, демонстрируя ему неоспоримые преимущества, который получит Брунsvик, перейдя на сторону К., так что тот лишь согласно кивал, удивляясь, насколько глуп и недалёковиден был он всё это время. И мог ли Ханс, почти ребенок, совершить эту колоссальную работу один против нависшей над ним грозной отцовской фигуры? Очень сомнительно.

К. настолько расстроил себя такими мыслями, что шагая всё медленнее и медленнее, как знать, может быть и развернулся бы, в конце концов, прямо перед самым входом на постоялый двор и пошёл обратно вслед Хансу, если бы в этот момент входная дверь не открылась, и на крыльце дома не показался бы сам хозяин двора с фонарём в руке, и не уставился на К. ошолобевшим взглядом, словно узрев перед собой выходца с того света. Такая реакция хозяина на его появление тоже, в свою очередь, привела К. в замешательство, и всё, о чём он только что думал, вылетело у него из головы. Так они простояли некоторое время, разглядывая друг друга.

«Господин К.», – наконец, с робким видом произнёс хозяин и поклонился, к удивлению К., даже не добавив уже привычного его уху слова «землемер» или на худой конец «школьный слугитель», уже не говоря про «школьного сторожа», что, правда, бы тогда совсем не вязалось с именованьем его господином.

«Здравствуй, Ханс, – проронил К., – как здесь у вас идут дела?» Хоть он за неделю и скатился изрядно по наклонной в глазах многих жителей Деревни, и в особенности хозяйки этого постоялого двора, но по отношению к её мужу, этому робкому человеку с мягким безбородым лицом и карими, всегда испуганными глазами, К. почему-то по-прежнему ощущал себя несколько свысока, даже при его теперешнем незавидном положении. И он даже снис-

ходительно потрепал хозяина по плечу, как будто это не его жена Гардена выпроводила К. с Фридой и помощниками восвояси три дня назад.

«Благодарю, Вас, господин, – снова поклонился хозяин, и фонарь в его руке качнулся вместе с ним вверх и вниз, – дела, слава Богу в порядке».

К. слегка нахмурился, озадаченный словами хозяина.

«Послушай, ты что запомнил, кто я по профессии? – стараясь говорить в шутовском тоне, спросил он, – раньше ты всегда добавлял «землемер» в конце. Или ты меня не узнал? Но ты же назвал моё имя, Ханс».

Хозяин испуганно моргнул и К. показалось, что самым главным его желанием сейчас было бы скрыться долой с глаз К., исчезнуть в доме и запереться там на все замки, как будто К. одним своим появлением на постоялом дворе принёс в себе какую-то скрытую опасность, о которой сам К. и не догадывался. А почтение проявляемое к нему хозяином, походило на броню, которой тот прикрывался от этой угрозы, пока она не минует или пока ему не удастся от неё благополучно укрыться.

«Конечно, я узнал вас, господин... – хозяин сделал над собой усилие, так что было видно, как желваки перекатились у него волной на скулах, – землемер. Прошу прощения за мою невежливость».

К. хитро улыбнулся: «Можешь называть меня просто по имени, я не гонюсь за титулами». Он уже сообразил, что всё это очевидно происки хозяйки постоялого двора, и что в своей ненависти к К., она запретила мужу допускать его даже на порог своего дома; но, видимо, это шло вразрез с официальной линией отношения к К. идущей от Замка; получается, что таким образом она восставала не только против деревенской администрации в лице старосты, обязавшей её хотя бы кормить К., но, может быть, даже против Кламма, одобрявшего, хоть и не существующие (но ведь дыма без огня не бывает) землемерные работы К. в Деревне. И теперь она не придумала ничего лучше, чем просто переложить всю ответственность на своего мужа, а сама, наверное, скрылась на кухне или как в прошлый раз притворилась больной и улеглась в постель, а хозяин, значит, пусть сам с ним разбирается. А муж её и сам-то не знает кого он боится больше: жену или администрацию, вот и стоит сейчас, трясётся перед К., не зная, что ему делать, и проклиная, наверное, себя за мысль, что решил вечером по своим делам высунуться во двор. Странно только, что он перестал величать К. землемером как раньше.

Поэтому К. спокойно сказал: «Ничего страшного Ханс, ты меня этим не обидел, – и он даже легонько подтолкнул хозяина в грудь пальцем, чтобы тот быстрее соображал, – распорядись пожалуйста, чтобы меня поскорей покормили. У меня ещё много дел на сегодня».

Лицо хозяина приняло обречённое выражение, но он, видно, смирился с назначенной ему судьбой и сделал шаг назад, послушно пропуская К. перед собой.

Большой зал был полон крестьян, и за каждым столом сидели люди. Но стоявший галдёж тут же смолк, когда К. зашел в зал в сопровождении опечаленного хозяина. Слабые, но грубо сложенные лица, как один вытаращились на К., как будто хозяин привёл к ним не обычного человека, а ярмарочного медведя на цепи. Никогда он не станет здесь своим, как бы он не старался, внутренне содрогнулся К. от этой невыносимой мысли, глядя на крестьян сидящих как мухи вокруг столов; каждый раз они будут видеть в нём только чужака. Один лишь Замок мог бы изменить это положение, утвердить его права в Деревне, но как он далёк и недоступен для К. сейчас! Шварцера в зале не было видно, и это ещё больше расстроило К. Он вздохнул и обернулся к хозяину, чтобы тот показал ему место, где К. мог бы присесть и поужинать, но оказалось, что тот уже исчез, видно, решив таким способом снять с себя ответственность, которую взвалила на него жена, а там пусть сам К. разбирается, что ему делать и куда идти. У К. сейчас даже не было сил рассердиться на такое вероломство и поэтому он просто молча прошёл по залу, сел на свободный стул под пристальными, но безучастными взглядами людей вокруг, откинулся на спинку стула и устало прикрыл глаза.

Он услышал, как окружающая его тишина вокруг начала постепенно сменяться каким-то жужжанием и шёпотом, который становился всё слышнее и слышнее и наконец, перешёл в голоса, как будто люди вокруг, сначала хотевшие дать ему отдохнуть от шума, теперь махнули на него рукой и вернулись к своим повседневным разговорам. Странно только, что он не понимал ни слова, даже обрывки фраз казались чужеродными его разуму, словно маленькие бугорки в бесформенном шуме, будто он сейчас сидел в таверне где-нибудь в Италии или Франции, где никто не говорит на его родном языке. Но вдруг на столик, перед которым он сидел, со стуком что-то поставили, маняще запахло горячей едой, и К. живо открыл глаза, возвращаясь из своего полусна-полузабытья. Он с удивлением увидел, что стол перед ним сервирует сам хозяин – значит всё-таки не сбежал, похоже, боится обидеть К. больше, чем свою жену – для К. это можно было считать хорошим знаком, какие-то свои утерянные в борьбе позиции, получается, ему удалось вернуть, не потратив дополнительных выматывающих его усилий. За столом кроме него и хозяина никого не было, его соседи уже сгрудились за соседними столиками, но этим К. было не удивить, несколько минут назад он прекрасно слышал и скрип отодвигаемых стульев и шум удаляющихся шагов сразу после того, как он уселся на этом месте и закрыл глаза.

От завлекающего запаха у него заурчало в животе, и К. придвинулся поближе к столу. Перед ним лежал жареный кусок говядины облитый соусом в окружении гарнира из тушёной капусты. Рядом стояла кружка полная пива – было видно, что хозяину пришлось постараться. Сам он стоял тут же, глядя на К. своими собачьими грустными глазами, и не осмеливаясь сесть, хотя здесь же рядом была пара свободных табуретов, но и не осмеливаясь снова скрыться из виду.

К. при виде поставленной перед ним еды ощутил прилив сил и уверенности; значит, ещё не всё потеряно для него, значит, где-то там в административных далях по-прежнему считают, что за ним остались какие-то права, пусть скромные, но они всё же существуют; зато опираясь на них можно двигаться дальше и отвоевывать для себя новые позиции, а хорошая горячая пища – это как раз то, что несомненно придаст ему для этого сил.

«Послушай, Ханс, – еле выговорил К. с набитым ртом, – ты не стой передо мной столбом, а присядь лучше рядом, – он махнул столовым ножиком, которым только что разделявал упругое сочное мясо, на пустой табурет, – мне надо тебя кое о чём расспросить», – и он наморщил лоб, чтобы припомнить, зачем он зашёл на постоянный двор. Он точно знал, что у него была какая-то важная цель, но умопомрачительный запах жареного мяса мешал ему вспомнить, какую именно цель он поставил перед собой, а может быть, это мясо и было его целью? К. довольно сильно проголодался за последние часы. Или, кажется, он кого-то хотел здесь отыскать, пришло ему на ум. Может быть Брунсвика? Не зря же он всю дорогу вёл с ним воображаемый диалог. Но Брунsvик живёт у себя дома, ему незачем торчать на постоялом дворе. К. перевёл взгляд на тарелку; ладно, всё что нужно он вспомнит после; мысли его вновь вернулись к еде и он с удовольствием отрезал и прожевал очередной сочный кусок.

«Какие у тебя новости, Ханс? – он посмотрел на хозяина. – Я же по твоим глазам вижу, что их хватает. Садись же, рассказывай».

Чем более сытым и уверенным чувствовал себя К., тем более робким казался ему хозяин. Он послушно уселся на табурет и боязливо посмотрел на К., словно своей речью опасаясь открыть котомку со страшными бедствиями, которые тут же обрушатся на его дом, стоит ему только лишь открыть рот. Впрочем, как выяснилось, именно так он и оценивал для себя то, что произошло сегодня на его постоялом дворе. С самого утра его жена Гардена не давала ему житья своим недовольством, от которого он не мог нигде скрыться – хозяйка находила его везде, словно ведомая неким компасом, где бы он ни старался от неё спрятаться, а один раз она вытащила его даже с чердака, не испугавшись гулявших там сквозняков; вот, когда здесь был К., хозяин чувствовал себя легче, ибо весь её гнев и энергия уходили именно на него.

Собственно поэтому хозяин и не хотел с ним расставаться, так как К., пока жил на постоянном дворе, служил ему чем-то вроде громоотвода; после разговоров с ним Гардена чувствовала себя без сил и не так тиранила хозяина, а больше всё вздыхала и жаловалась на здоровье, которое подорвал К. своим неуважением к её памяти о Кламме.

«Приятно знать, что хоть кому-то я принес здесь пользу, – заметил на это К., с удовольствием отпивая большой глоток пива, – хоть и не по своей воле». «Я всегда относился к вам хорошо, господин, – подтвердил хозяин, пододвигая тарелку ближе к К., – но от жены мне бывает просто нет покоя».

А сегодня днём, ещё оказывается, внезапно сюда заехали Герстекеры, мать с сыном. Так-то Герстекер постоянно крутится возле обоих постоянных дворов, что «У моста», что у «Господского двора», он же возница, регулярно берётся за мелкие подряды что-нибудь перевезти: то съестные припасы, то что-либо ещё; много он не грузит, его чахлая лошада много не увезёт, но он как-то давно здесь и там примелькался, берёт за перевозки недорого, а тем более, тут он, вообще, дальний родственник хозяйке, что же ему не порадеть. А вот мать его уже лет пять из дома не выходила, а сегодня вдруг заявила собственной персоной прямо на сыновьях санках, да ещё с таким загадочным видом, словно собралась пророчить о втором пришествии. И пока сын её с хозяином о своих делах толковал, Гардена с ней самой (она как раз с кухни тогда вышла) тоже побеседовала, все-таки родственники как-никак, хоть и дальние. О чём они говорил, хозяин не слышал, он всё свое время на Герстекера потратил, пока тот здесь в зале всё охал и кашлял; совсем уже сдал бедолага за последнее время. Только горячее пиво со специями ему и помогло, благо рецепт известный, а то как знать, не пришлось бы Герстекеру ехать вместо Замка сегодня в окружную лечебницу.

«Так они в Замок поехали?» – вскрикнул К., хлопнув по столу, пиво слегка закружило ему голову. Как же он их утром упустил, с сожалением подумалось К., вот если бы он знал, что старуха туда сегодня собирается, он бы точно тогда не слез с Герстекера и в этот раз тот бы не отвертелся от совместной поездки; но К. мало того, что всё проспал, но и узнаёт теперь обо всём этом последним.

«В Замок-то, в Замок, – вздохнул хозяин, – да только у матери Герстекера с женой совсем какой-то странный разговор получился, как будто поссорились они из-за чего-то. Потом Герстекеры, значит, уехали, а Гардена в расстроенных чувствах всю работу бросила и слегла».

Пришлось ему, набравшись смелости, идти к жене, сама она из спальни не выходила. Лежала бедная на постели, держалась за голову и всё стонала, да так жалобно, что он сам заплакал на неё глядя; так они вдвоём полдня и проплакали, она над чем-то своим, а он над ней. Нельзя из нее и двух слов было вытянуть, только уже к вечеру сказала, что, если беды на них какие и обрушатся, то только потому, что это именно он – хозяин, дал К. ночлег неделю назад. Ведь она же сразу говорила ему «держишься от него подальше», а он наоборот прямо льнул к К. и всячески его обихаживал, даже комнату ему лучшую на ночь приготовил, а теперь всё – уже ничего не исправить. И то, что она К. спровадила через день уже никак не помогло, а наоборот, только хуже сделало, потому из-за этого землемера такие силы пришли в движение, что и подумать страшно. Так что, пусть он теперь с К. сам разбирается, если вдруг тот нагрянет, а она – хозяйка, из комнаты даже не выйдет, пока всё не закончится.

«Какие вы тут все простоватые люди, – проронил К., откидываясь на спинку стула с ощущением приятной теплоты в теле и сытости, и с удовлетворением озирая пустую, будто тщательно подметённую посуду, – пересказываете друг другу сплетни, нагромождаете сверху небылицы, а потом их сами пугаетесь и прячетесь по углам. А вот другие из-за этого страдают. Меня скоро так ни в один дом в Деревне не пустят, даже, если я буду к ним в двери обеими руками колотить, после того как ваша болтовня по Деревне разойдётся».

Ему уже стало жарковато, и он попробовал расстегнуть верхние пуговицы на своём пальто, но то ли пальцы у него ослабели, то ли разбухли отсыревшие петли, да только пуго-

вицы, которые легко, чуть ли не одной рукой застегнула ему недавно фройляйн Гиза, он еле-еле одолел усилиями обеих своих рук, подивившись её мощи. Так она, пожалуй, и Шварцера одним движением с ног свалит, если тот вдруг себя поведёт ненадлежащим образом.

«Не говорите так, господин, – обиженно возразил хозяин, – у моей жены чутьё на подобные вещи. Да и далеко ходить не надо за примером, ещё и обед не наступил, как у нас на постоялом дворе появились новые гости».

К. с сомнением посмотрел на хозяина.

«Да, признаться новостей у вас сегодня хватает, – заметил он, глядя на хозяина – не постоянный двор, а проходной, выходит. И кто же на этот раз приехал?»

Тот даже несколько секунд не мог начать, то открывая, то вновь закрывая свой мягкий рот.

«Наш-то двор не из самых известных, – наконец, решился начать он, – в основном крестьяне, да торговцы заезжают, а господа совсем редко. В последний раз я уже не припомню, когда это было. А тут приехала в санях знатная дама из Замка, да сходу так сразу и спросила, еле даже зайти успела внутрь, мол, где ты тут живешь!» – «Я!? – К. чуть не поперхнулся своим пивом, – ты, наверное, что-то путаешь, Ханс». «Да, я под землю в этот момент захотел провалиться, – выговорил хозяин, вытирая рукой вспотевший лоб, так на него подействовали эти воспоминания, – мне сразу слова жены вспомнились, и гляди-ты, даже двух часов не прошло!»

Но К. уже взял себя в руки; во-первых, он уже давно научился не принимать всерьёз слова жителей Деревни, поскольку они почти никогда не соответствовали действительному положению дел, а во-вторых, ему показалось, что эта пресловутая знатная дама должна быть ему знакома, и пугаться её, в отличие от хозяина, ему было не нужно. И если это была Матильда, то вместо испуга, лучше было бы выяснить, зачем она спрашивала про К., если буквально только что с ним рассталась. Или это была не Матильда? Но тогда, чем и как, он ничтожнейший по своему положению человек, заинтересовал таких могущественных персон из Замка? Нельзя же всё-таки серьёзно воспринимать слова явно выжившей из ума матери Герстекера, которые она наговорила ему при их последней встрече.

К. спросил у хозяина как эта дама выглядел, но в путанных его ответах он, кажется, не узнавал Матильды; ему она показалась тогда высокой и с длинными прямыми чёрными волосами, чернота её волос, бровей и глаз проступала для него подобно жизни из остальной застывшей и забытой массы, хозяин же упирал на некую статность, холодность взора и темные кудри выющиеся из под шляпки, и чем дальше уходили расспросы К., тем причудливее казались ему ответы Ханса, и он то находил в них сходство, то снова терял его, и никак не мог добиться хоть какой-то определенности, и в какой-то момент даже выбился из сил, не в состоянии собрать из слов хозяина удовлетворяющий его, хотя бы немного, образ.

«А как её зовут и зачем я ей понадобился, ты не узнал?», – переведа дух, решил спросить К., сделав вид, что он вполне удовлетворен тем, что рассказал ему хозяин. Но тот сразу и быстро откrestился: «Не знаю, мое дело маленькое, да и здесь в Деревне не принято задавать господам вопросы».

То есть, путано описывать господ он мог прекрасно, а спросить даму, зачем она ищет К. там, где его давно уже нет, он, значит, был не в состоянии? Какой он оказывается стеснительный!

Но как, всё-таки, смог далее выяснить К., дама оказалась весьма недовольна тем, что хозяйка отказала К. в жилье и форменным образом выселила его вон вместе с его присными – хотя из Замка не поступало на этот счёт никаких указаний – проявив таким образом нежелательное для администрации своеволие, за которое, как признался хозяин, им, может быть, ещё придется расплачиваться. Словом, хозяйка усердно копала К. яму, да сама чуть в неё не свалилась, а может быть, и свалится в скором времени, во всяком случае, после визита дамы к ней в спальню, где она пряталась от неприятных новостей. С самим-то хозяином дама после

пары вопросов и разговаривать-то не стала; да и любому там сразу стало бы понятно, подумал К., что хозяин здесь человек явно не семи пядей во лбу и сам ничего не решает, а главный здесь, ясное дело, кто-то другой. Поэтому, как Гардена не скрывалась от неминуемой судьбы и не притворялась лежащей при смерти, второй неприятной встречи за этот день ей избежать не удалось. Хозяин даже их разговор подслушивать побоялся, решив, что чем меньше знаешь, тем лучше спишь, а жене его несомненно бессонница на год вперёд обеспечена. Правда, после отъезда дамы он к ней и не заходил, боялся почему-то; но тогда может К. к ней ходит, раз он здесь и все неприятности у хозяйки из-за него? Насколько хозяин его знает, К. человек хороший и добросердечный, и ему не составит двумя-тремя добрыми словами ободрить хозяйку, может даже простить её ненамеренные ошибки, ведь она тоже внутри совсем не злая женщина, просто иногда чересчур увлекается своими интригами и каверзами, но ведь по сути, большого вреда от них никому нет.

К. слушал хозяина, удивляясь про себя, как его могучий враг – а хозяйка, без сомнения, им являлась, и в этом он уже успел не раз убедиться – смогла допустить при всей своей опытности такой неосторожный просчёт, после которого вынуждена, по словам хозяина, просить у него, у К., пощады, у человека, который ещё вчера был готов жить у её же горничных в комнате под кроватью. Или нет, нахмурился К., горничные были из гостиницы «Господский двор»; и как это, интересно, они все перепутались у него в голове? Хотя наверное, в этом ничего удивительного нет, обе хозяйки, что постоялого двора здесь, что гостиницы там, странным образом были похожи друг на друга – массивные мощного сложения стареющие женщины; они были для К. как два близнеца стража возвышающиеся перед воротами Замка, в который ему пока не было хода. И если один привратник, получив удар, немного наклонился и покрылся трещинами, то второй всё ещё стоял незыблемо, закрывая ему дорогу.

К. был отвлечён этими мыслями, а между тем, хозяин с жалостливым видом всё продолжал ему что-то говорить. К. сбросил с себя некстати охватившее его оцепенение, и снова прислушался к хозяину.

«Сходил бы ты снова к ней, господин, – оказывается, Ханс всё это время убеждал его поговорить с женой, – в прошлый раз-то она после разговора с тобой быстро встала, правда, расстроенная и сердитая, но ведь встала же!»

Так лично ему-то это никакой пользы не принесло, подумал К., наоборот, послужило первым звеном в цепи свалившихся на него несчастий; живи он по-прежнему здесь с Фридой, может быть, его жизнь сейчас была бы совсем другой, правда, пришлось бы всё также терпеть помощников, но всё же, имея свой угол, у него были бы и время и силы бороться с интригами старосты, ждать писем от Кламма и искать с ним встречи, а когда он усталый приходил бы домой, его ждала бы в натопленной комнате с приготовленным с любовью ужином его невеста. А теперь его, значит, просят проявить великодушие к той, кто лишила его этого нехитрого, но желанного счастья. Поэтому К. было отказался идти к Гардене, но хозяин так жалостливо моргал на него карими испуганными глазами и так мучительно кривил своё мягкое безбородое лицо, что К., в конце концов, сдался, тем более – пришло ему в голову, – вовсе необязательно было ободрять и утешать хозяйку, как просил его Ханс, и в сущности, он и не давал ему таких обещаний. Но, например, он мог бы просто поговорить с ней и узнать больше о той знатной даме, которая устроила здесь переполох, а дальше уже действовать в зависимости от поведения хозяйки. Если она раскается в своих злодеяниях по отношению к К., то, что ж, он тогда может и проявит к ней великодушие, особенно, если хозяйка подтвердит свои извинения действиями: вернёт ему комнату, перестанет вредить за его спиной, (ведь не поленилась она тогда, немолодая болезненная женщина, восстать с постели и дойти до гостиницы «Господский двор», где и оклеветала, несомненно, его перед Момом так, что тот с самого начала стал предвзято относиться к К., и уже речи быть не могло о его содействии, например, в том, чтобы тот при

его посредничестве мог встретиться с Кламмом), и даже, может быть, как-то подействует на Фриду, раз та её так сильно уважает, и как выяснилось, во всём её слушается.

Поэтому К. допил свое пиво, медленно вытер рукой губы и кивнул, потакая хозяину. Тот не веря своему счастью – уж слишком К. был рассеян с виду, когда слушал его просьбы – подскочил как целлулоидный мячик с табурета, на котором сидел.

«Пойдём, господин, скорее, – заторопился он, боясь что К. по какой-то причине передумает – а причин тут могло быть немало, причём веских, – я тебя провожу». «Отчего же ты всё-таки перестал называть меня землемером?» – с усмешкой спросил его К., когда они выходили из общего зала, а все остававшиеся там крестьяне, как один, продолжали странно на них таращиться, (впрочем, К. потихоньку уже начал к этому привыкать).

«Постоянно всё меняется, господин, – вздыхая, успевал разводить руками хозяин, исхитряясь в это же время услужливо забежать вперёд, и распахивать перед К. немногочисленные двери, – всё же вокруг непрестанно колеблется и перестраивается, требует новых оценок и постоянных размышлений о них, ведь цена ошибок очень высока, и чем успешнее здесь наши достижения, тем больше к нам предъявляется требований, а как мне с моим простым крестьянским умом всему этому соответствовать, чтобы ненароком не оступиться, я и не знаю; ведь я, по сути, как был конюхом в душе, так и остался. Вчера на тебя господин, все смотрели с презрением, а сегодня зашевелились какие-то неясные нам силы, про которые никто здесь толком ничего не знает, но которые снова тебя стали возвышать; и я уж лучше буду просто звать тебя господином, чтобы не попасть впросак, как моя жена. Но вот мы и пришли, господин».

«Я думал, хозяйка твоя в комнате рядом с кухней, где мы виделись раньше, – с сомнением сказал К., глядя на высокую затворённую дверь возвышавшуюся перед ними, – а здесь совсем какое-то другое место», – и он огляделся вокруг себя; вдруг хозяин усыпил его бдительность своими разговорами и завёл его ловушку, из которой ещё и не выберешься, а все эти рассказы про знатную даму, это просто отвлекающий маневр паука заманившего беспечную жертву прямо в центр своей паутины.

Хозяин в ответ только замахал руками, совсем как паук коротенькими жадными лапками, оплетая свою добычу; то, что рядом с кухней это вовсе и не спальня, хоть там и стоит широкая кровать; оттуда хозяйке просто удобнее наблюдать за работой на кухне, ведь служанок и повара без присмотра не оставишь; в молодости-то она сама всем занималась, и теперь по привычке присматривает, хотя всю работу уже давно делают другие руки. Правда, с тех пор, так и повелось, что до настоящей спальни ей добраться уже никак не удаётся, поскольку с годами хлопот у Гардены становится всё больше, а сил и здоровья, выходит, всё меньше. Давным давно, у них ещё как-то получалось, хоть раз в неделю или месяц совместно ночевать в спальне, которую Ханс даже было украсил по мере своих немудрённых способностей в надежде, что именно там и продолжится его род, но годы шли, надежды его понемногу таяли, когда он ночами ожидал жену на супружеском ложе и ему приходилось потом влачиться за ней на кухню, где уже тогда стояла лежанка – правда не такая широкая, как сейчас, – где ночевала Гардена, среди кухонных запахов и паломничества тараканов к съестным объедкам; но и там его вместо исполнения супружеского долга встречали лишь охами и разговорами о Кламме. А кровать туда потом поставили широкую вовсе не потому, чтобы и для хозяина нашлось местечко, нет, просто жена его стала тучнеть с годами и начала переставать уместяться на старой лежанке, а ему как и прежде приходилось сидеть и засыпать под разглагольствования жены о Кламме на самом её краешке.

К. даже немного пожалел хозяина, когда тот закончив свои объяснения, осторожно приложил своё ухо к замочной скважине.

«Ничего не слышно, – наконец, с досадой прошептал он, – неужто спит?» Было видно, как он мучается перед выбором: разбудить жену, если она заснула и испытать на себе её возможный гнев или бросить всё дело и уйти вместе с К. обратно, а там будь, что будет. Но К. лишил его

этого выбора, громко и уверенно постучав в дверь, ибо он сейчас ощущал в себе столько сил и такую ясность мысли, как, пожалуй, никогда прежде, и к тому же он понимал, что окончательно одолеть такую могучую противницу как хозяйка или, хотя бы её временно нейтрализовать, чтобы она не могла вредить ему дальше, можно лишь тогда, когда она уже сама ослаблена недавними весомыми ударами, нанесёнными ей неожиданными для него союзниками.

Хозяин так и сжался в комок от такого звучного стука, раскатившего по всему дому так, что в его эхе они вдвоём еле расслышали слабый испуганный голос Гардена: «Кто там?». К. даже усмехнулся про себя, представив, будто хозяйка по этому грохоту решила, что за ней пришли судьи, дабы она держала перед ними ответ за все свои злодеяния. Поэтому он не стал ничего ей отвечать через дверь, чтобы по возможности продлить её мучения страхом; вряд ли она будет так сильно бояться в дальнейшем, если узнает, что за дверью стоят всего лишь хозяин и К.

Ханс посмотрел на К. с робким осуждением, но не осмелившись сказать ему ничего против, приоткрыл немного дверь, и просунув внутрь комнаты голову, негромко обратился к жене: «Гардена, не волнуйся это я», – за что сразу же и поплатился. Его жена, очевидно, обозлённая грохотом ударов по двери, решила выместить на хозяине свои чувства и запустила в него каким-то предметом; правда, наученный годами тренировок, тот сумел пригнуться, успев при этом крикнуть: «Гардена, это не я!», и К. увидел, как из дверного проёма вылетела цветастая кофейная чашка и вдребезги разбилась об стену прямо перед ним.

На несколько мгновений наступила тишина, но хозяин, стоя в дверном проёме, не спешил скрыться с линии огня, хоть и по-прежнему, стоял, несколько пригнувшись, из чего можно было сделать заключение, что у его жены был всего один снаряд. К. даже заинтересовало, как хозяин будет выпутываться из этих двух своих взаимоисключающих утверждений, дескать, что это он, но одновременно и не он, но тот просто жалостливо пролепетал: «Гардена, прошу тебя успокойся, я здесь не один».

Правда, это хозяйку не успокоило, и К. услышал её громкое восклицание из спальни: «Так ты и в третий раз пришёл мучить меня! Мало было сегодня у меня мучителей?». «Но, Гардена, – смущенно пробормотал Ханс, – я же здесь только для твоей пользы, у меня и в мыслях не было тебя мучить». «И кого ты притащил на этот раз? – продолжала упорствовать, пока невидимая для К. хозяйка, – кем ты хочешь теперь меня доконать?» «Я пришёл вместе с господином К.», – сообщил хозяин, и вместо ответа на его слова в спальне воцарилась мёртвая тишина.

Хозяин высунул голову обратно из дверного проёма, повернулся и задумчиво посмотрел на К. «Всё в порядке, – тихо сказал он, – можете заходить, господин, она больше не будет бросаться посудой». К. посмотрел на него в ответ с сомнением, но Ханс, радуясь, что он сумел переложить свои проблемы на другого человека, снова просунул голову в спальню и ликующе сообщил, что он, пока сбегает на кухню, принесёт ей питье, а она тем временем сможет спокойно поболтать с господином К. И он услужливо распахнул дверь перед господином.

Глава 7 (32) Третий разговор с хозяйкой

После такого «приглашения» К. ничего другого не оставалось, как пройти в спальню к хозяйке. В комнате был полумрак разбавляемый лишь светом двух свечей в подсвечнике, в виде толстенького бронзового младенца – вполне вероятно, что его нарочно давным-давно принёс сюда Ханс, как символ своего желанного, но так и не народившегося потомства – стоявшего на табурете около изголовья кровати. Сама комната была небольшая и душная, окно было плотно затворено и занавешено, впрочем, на улице была темнота, и света бы не прибавилось, даже, если бы занавесь отсутствовала вовсе. Большая двуспальная кровать занимала почти всю комнату, оставляя лишь немного места для высокого похожего на башню комода, с которого как с лампы маяка, отражался зеркалом венчавшим комод, свет обеих свечей. Рисунок обоев похожий на волны терялся в полутьме, а массивная фигура хозяйки в кровати казалась тёмным океанским валом угрожающе вздымающимся на этот маяк. К. присмотрелся – в этот раз хозяйка, принимая его, похоже накрылась одеялом с головой и пребывала в молчании, дабы целиком и полностью отгородится от одолевающих её неприятностей, в данном случае, в лице К. На самом деле, и ему самому не особо хотелось с ней теперь разговаривать, в этой египетской душной полутьме его уверенность и ясность стали быстро улетучиваться и исчезать, но вернуться обратно, даже не перебросившись ни единым словом со своим заклятым врагом, казалось ему ещё более бесславным поступком, принимая во внимание, напомнил он себе, что сейчас он находится в более выигрышном положении, чем лежащая перед ним хозяйка, благодаря содействию его неведомых союзников из Замка, и наверное, не стоит растрачивать их помощь впустую.

Поэтому К. оглядел молчаливую бесформенную массу, бугрившуюся перед ним на постели, пытаясь сообразить, с какой именно стороной кровати ему предстоит разговаривать; подумав, он сделал предположение, что скорее всего, голова хозяйки располагается рядом с подсвечником. Он подошел ближе, аккуратно переставил канделябр на комод, а сам уселся на освободивший таким образом табурет и в задумчивости поджал под себя ноги. Бугор рядом с ним зашевелился, и он услышал прошедший сквозь одеяло глухой жалобный голос хозяйки: «Зачем вы пришли?»

«Меня привёл сюда Ханс, – невозмутимо ответил К., с потрохами выдавая хозяйке своего проводника, – он сказал, что у вас был очень беспокойный день и вы сильно расстроились». Ткань одеяла недалеко от него немного приподнялась и сжалась в горсть, будто хозяйка, услышав его, изо всех сил стиснула кулаки, что, очевидно, предвещало нелёгкое будущее для её мужа. «Беспокойный? – переспросила она снова сквозь одеяло, – да, это был самый ужасный день в моей жизни. И вам ещё хватает совести просто назвать его беспокойным, когда именно вы всему виной?». «Но поэтому я и пришёл сюда, – солгал К. мягким голосом, – убрать это беспокойство или как вы его называете «ужас», так что я надеюсь, что мы сможем просто мирно поговорить». «Я уже достаточно наговорила сегодня благодаря вам, – непреклонным голосом отрезала хозяйка, по-прежнему скрываясь под защитой одеяла, – прошу вас, уходите немедленно, а до Ханса, – тут ему показалось, что он услышал, что-то похожее на глухой скрежет зубов, – я доберусь попозже».

К. только пожал плечами перед тем как встать; упрашивать хозяйку, снизить до беседы с ним, как видно, уже не было смысла, похоже, что она была слишком обозлена на него, чтобы вести спокойный разговор, и хозяин, видимо, совершил большую ошибку, рассчитывая на помощь К. в этом предприятии. Пожалуй, наоборот, сейчас у него будет ещё больше хлопот со взбешённой женой, и разбитая недавно чашка покажется ему сущей мелочью. Будет неудивительно, если и он потом обвинит в своих бедах К., не сейчас, конечно, пока тот временно в силе, а в будущем, когда К. опять нечаянно споткнётся и совершит очередную ошибку.

Он поднялся с заскрипевшего табурета и протянул руку за канделябром, чтобы вернуть его на место. Между двух огоньков свечей, он увидел в зеркале свое усталое утомлённое лицо с прядью светлых волос упавшей на лоб, но эта прядь показалась ему в слабом свете свечей чёрной почти как уголь.

«Наверное, подарки Ханса ценятся здесь меньше, чем подачки Кламма? – с иронией сказал напоследок К., оглядывая подсвечник, и аккуратно поворачивая перед его собой, так чтобы с него не слетели свечи, перед тем как вернуть его обратно на табурет; ему не хотелось уходить, не сказав хозяйке, что-нибудь колкое на прощанье.

Он повернулся к кровати, даже не ожидая ответа, просто, чтобы поставить бронзового младенца обратно – и вздрогнул от неожиданности: оказалось, что хозяйка по-прежнему лежит на кровати, но уже высунулась из под одеяла и теперь не спускает с него тяжёлого неподвижного взгляда, застыв при этом словно изваяние. В первую секунду она показалась К. даже неживой, тем более, что измятый чепец на её голове походил на часть савана, как будто она уже лежала в гробу; но затем ему пришла в голову мысль, что вряд ли покойники могут самостоятельно выбраться из под одеяла.

«Вы только поглядите, до чего вы меня довели, – обвиняющим тоном произнесла хозяйка, не отрывая своего обличающего взгляда от К., – а теперь вы ещё пятнаете своими словами мои воспоминания о Кламме?» Он почувствовал себя немного виноватым после этих слов, тем более, что при таком блёклom освещении Гардена действительно выглядела намного хуже, чем в последний раз, когда К., видел её в гостинице, где его тогда пытался допрашивать секретарь Мом.

«Прошу прощения, – сказал он, – я думал, что вы не собираетесь больше говорить со мной и ляпнул первое, что мне пришло в голову.» «Вы постоянно так делаете, – ответила хозяйка обидчиво, – вы как ребенок, который нисколько не думает перед тем, как что-то сказать. Поставьте подсвечник обратно, всё равно вы ничего не смыслите в подарках, от кого бы они ни были». «Отчего же? – возразил К., – я прекрасно понимаю смысл этого подарка, – и он осторожно поставил бронзового младенца на табурет, – Ханс намекал вам, видно, таким образом, что он не против обзавестись детьми».

Хозяйка обратила свой сумрачный взгляд в сторону канделябра, и её двойной подбородок тяжёлым шаром перекатился при повороте головы. «Вы несёте сами не знаете что, – проронила она, – можно подумать, я вам не говорила до этого, какой из Ханса хозяин постоянного двора. Да, если бы я сидела с детьми вместо того чтобы работать, мы бы разорились уже через год и пошли бы как нищие по миру. Не забывайте, что здесь всё держалось... то есть и сейчас держится, – поправила хозяйка, – исключительно на мне. Да что там! Если я пробуду в этой комнате ещё день, причём, если это случится, то исключительно из-за вас, кстати, – ядовито добавила она, – то дом просто рухнет». «Об этом, то есть о моей, так называемой вине, я слышу от вас сегодня уже не в первый раз, – спокойно возразил на это К., – может, хозяйка, вы всё-таки сделаете мне одолжение, и расскажете, но желательно обоснованно, чем же я перед вами так виноват, учитывая то, что я уже не живу здесь два или три дня и вообще, не имею ни малейшего понятия, что творится сейчас на вашем постоялом дворе».

Гардена тяжело вздохнула. «Сядьте для начала куда-нибудь, – раздраженно сказала она, – а то мельтешите передо мной, сил никаких нет на это смотреть. Видно, вы сегодня собрались допечь меня окончательно». К. молча сел обратно на табурет, взяв предварительно подсвечник в руки, его лицо при этом немного осветилось пламенем свечей, и хозяйка неожиданно охнула: «Что с вашим лицом? Неужели, это я в вас попала?»

Она протянула дрожащую руку к шишке на лбу К.: «Умоляю, простите, я совершенно этого не хотела».

К. догадался, что хозяйка решила, что это видно она приложила свою руку к его голове в буквальном смысле, и что брошенная ею в гнев чашка, разбилась не об стену, а прямиком

об его лоб. Значит, что-то человеческое и женское в ней ещё теплится, подумал он, раз она посчитала, что хоть Ханс, как её законный муж вполне заслуживает наказания чашкой по лбу, но делать подобное с посторонним человеком, всё-таки предосудительно.

«Не переживайте так, – успокоил он хозяйку, осторожно прикоснувшись свободной рукой к больному месту на голове, – это дело не ваших рук. Просто я сегодня неудачно упал в церкви». Он поднялся, и поставив канделябр снова на комод, опять уселся на табурете, потирая колени, и искоса поглядывая на хозяйку.

Гардена облегчённо вздохнула, было видно, что увечье полученное К. как-то сразу смягчило её. Она даже попыталась его пожалеть. «Я скажу служанке принести льда, приложить вам к голове, господин землемер, – сказала она, пытаясь подняться с постели, но тут же со стоном откинулась снова на подушки, – нет, я слишком слаба для этого».

К. успокоил её, сказав, что льда уже не требуется, поскольку шишку он получил несколько часов назад. Какое-то время они молчали, лишь еле слышно потрескивали, оплывая свечи.

«Так о чём же вы хотели поговорить со мной? – спросила хозяйка уже более миролюбивым тоном, казалось, что ранение полученное К. каким-то странным образом уравнило их обоих в глазах хозяйки и сделало ближе к друг другу, – только прошу вас, не наседайте на меня слишком сильно, мое сердце может не выдержать такого беспощадного натиска, оно и так уже изношено до предела».

К. ненадолго задумался. По сути, просьбу хозяина он уже выполнил, правда, это произошло не зависящим от К. образом; не будь у него на голове шишка набежавшей от столкновения с Франкелем, и не швырни Гардена в хозяина в гневе чашкой, она бы так и лежала сейчас с головой под одеялом, яростно отражая попытки любого с ней контакта. Сейчас враждебность хозяйки, конечно, на первый взгляд поумерилась, но К. уже по предыдущему опыту знал, что не стоит слишком доверять её внешнему беспомощному виду, даже, если она теперь и походила на человека, который сдался перед неодолимыми обстоятельствами и прекратил попытки всякого им сопротивления.

«Хозяйка, я знаю, что к вам сегодня приезжали две женщины, – начал К. внимательно глядя на сразу поблэкшее при этих словах лицо Гардены, – я хотел бы знать, о чём они с вами говорили». «Я же просила вас пощадить меня, господин землемер, – слабо простонала хозяйка, – а вы сразу решили меня убить». «Хорошо, как скажете, – невозмутимо согласился К., после паузы, – если разговор про этих женщин убивает вас, мы можем тогда поговорить о Кламме. Насколько я помню, эта тема вам более близка».

Хозяйка, не поднимая головы с подушки, лишь повернулась лицом к нему и слабым замедленным движением положила правую руку себе на грудь.

«Боже мой, господин землемер, только не о нём, прошу вас, – жалобно произнесла она, – ведь, вы и в прошлый раз меня почти доконали, – тут она приподняла голову и озабоченно осведомилась, – вы всё-таки устроили какую-то глупость? Я же вас буквально на коленях молила в прошлый раз ничего не предпринимать самостоятельно!»

К. уже понемногу начал сердиться, хозяйка не только отбивала каждый его вопрос охами и стонами, но теперь ещё и сама перешла в наступление – и куда девался в этот момент её болезненный вид? – похоже, всё это было одно лишь сплошное притворство.

«Хозяйка! – предостерегающе сказал он, – или мы говорим сейчас серьёзно или я действительно отправляюсь к Кламму и делаю там какую-нибудь глупость». «Хорошо, хорошо, – тут же сдалась Гардена, – я не хочу вас сейчас раздражать или выводить из терпения, просто я действительно принимаю всё очень близко к сердцу, тем более, слова о Кламме».

К. нетерпеливо вздохнул.

«Я это знаю, – сказал он, – и не преследую цели вам навредить, как бы вы ни думали обратного. Просто к тем женщинам, которые приезжали к вам сегодня, я тоже имею в некотором роде отношение». «Странно, – хмыкнула хозяйка, глядя в потолок, – и какое отношение

вы можете иметь к Гертруде?» «К Гертруде?» – недоуменно переспросил К. «Вот именно, я вижу, вы даже не знаете как её зовут, – победоносно сказала хозяйка, – но, тем не менее, хотите знать, о чём я с ней говорила». «Вы говорите о фрау Герстекер?» – почти наугад спросил он. Хозяйка нахмурилась: «Конечно, я говорю о своей глупой Гертруде. Просидела пять лет сиднем дома, никогда не навещала своих родственников, а сегодня вдруг примчалась ко мне». «Она вам родственница?» «Ну, да, правда, дальняя, – равнодушно сказала хозяйка, – когда человек такой старый, он невольно успеваешь стать родней туче народа. За полсотни лет, так или иначе, кто-то из общих родственников успеваешь друг с другом пережениться, ведь у нас не такая уж большая Деревня. Но меня, собственно, удивил не её визит, а то, что она вдруг о вас заговорила, хотя она прекрасно видела, что эта тема мне неприятна».

«Ценю вашу откровенность, – иронически проронил К., – в моём положении она даже уместней, чем, если бы мне пришлось вылушивать правду из лести».

«Господин землемер здесь, господин землемер там, – хозяйка даже воздела насмешливо обе руки к пропадающему в полутьме потолку, – можно подумать, в Деревне других предметов для разговора и нет. Не говоря уже о том, чтобы беспокоить вами ещё и Замок. Нет, вы только подумайте, где вы и где Замок!»

К. подумал и сказал, что он, вообще-то, никогда и не претендовал на такое сравнение, а от Замка ему лишь нужно подтверждение его прав (ведь он приехал сюда по приглашению именно графской службы), которых его теперь лишает местная администрация в лице старосты и примкнувшего к нему школьного учителя.

«Если бы вы слушали меня, господин землемер, никто бы вас ничего не лишил, – сварливо ответила хозяйка, – я же говорила вам, что староста ничего не решает. Я же предлагала вам помощь его жены, а вы самонадеянно полезли решать вопрос сами, и понятное дело, только всё развалили».

К. признался, что тогда он, действительно, мог слишком поторопиться в своих действиях и вследствие этого совершить ошибку; но сейчас-то есть ещё возможность исправить ситуацию, если снова обратиться к Мицци?

«Не имею ни малейшего представления, – сухо произнесла хозяйка, – тогда вы были женихом Фриды, хоть, конечно, и крайне нежеланным для меня. Но Фрида мне как дочь, я всегда принимала участие в судьбе бедной девочки и помню была безумно счастлива, когда сам Кламм впервые вызвал её к себе. Но потом явились вы, разрушили всё до чего смогли дотянуться, и поэтому мне пришлось спасать жалкие остатки того, что осталось. Но, теперь-то, господин землемер, Фрида снова свободна, хотя и несчастна – никогда Кламм её больше к себе не позовет, это понятно всем. Поэтому и вам помогать я больше не собираюсь. Вы мне сейчас даже хуже, чем враг, вы приносите мне несчастья одним своим появлением».

«Тем не менее, – не сдался К., выслушав эту речь, – хоть я вам, как вы говорите, враг, и даже хуже, тем не менее, сейчас мы сидим рядом и мирно разговариваем. Согласитесь, что никто в трезвом уме не будет подпускать своего врага на расстояние вытянутой руки в своей спальне».

«Это правда, – подумав, согласилась хозяйка, – но здесь, конечно, в основном вина моего мужа. Он меня никогда не слушает. То есть, он слышит, кивает, говорит «да, Гардена», но не слушает. Это ведь он привёл вас сюда».

«Ну, вряд ли бы я сам нашёл дорогу до вашей спальни, – попытался шуткой смягчить настроение хозяйки К., – но вы зря нападаете на Ханса, ваш муж лишь пытается вам помочь, только и всего. Вы же сами прекрасно знаете, что он бы здесь и дня не продержался без вас, зачем же ему, в таком случае, пытаться свести вас в могилу?»

Хозяйка лишь равнодушно махнула рукой: «Ему и дела нет до постоянного двора, а если со мной что-нибудь случится, поверьте, он и дня здесь лишнего не пробудет. Продаст всё за гроши и переедет к своей матери только и всего. К этой мысли я уже давно привыкла. Другое

дело, что Ханс сам по себе недалекий и наивный, он легко подпадает под чужое влияние и тут уже просто не знаешь, что от него ждать». «Мне кажется вы к нему слишком строги, – сказал К., – ничего такого я нём не заметил. Но я вижу, что он добрый человек». «Видите, – презрительно отозвалась хозяйка, – ну кто бы говорил. Вот так вы и дурите людей: моего мужа, бедняжку Фриду и даже старую выжившую из ума Гертруду. Одна лишь я в состоянии вам до поры, до времени сопротивляться, ибо я вижу вас насквозь, да, молодой человек, я много в жизни чего повидала, меня так просто не проведёшь. Но вы и тут находите способ сделать по своему; зная, что перехитрить меня почти невозможно, вы просто с наглой беззастенчивостью забираете в свои союзники близких мне людей, таких как Фрида или Ханс, а потом бьёте меня по самому уязвимому месту, которое у меня осталось – по моему здоровью».

«Ну, это совершенные глупости, – даже возмутился К., – мне даже их опровергать нет никакой охоты. Они вопиют сами за себя».

«Неужели? – едко произнесла хозяйка и даже приподнялась с подушек, – а кто за один, получается, вечер сбил с толку Гертруду и перевернул вверх дном всё в её и так слабой голове? Как вам это удалось? Можете не отвечать, я знаю, вы просто всегда выбираете беззащитные цели, тех, кто не может вам сопротивляться, а если и сопротивляется, вы тут же изыскиваете к ним новый подход и всё равно достигаете успеха».

«Вы сами себе противоречите, хозяйка, – спокойно ответил К., – если я бы всегда достигал успеха, то сейчас бы я работал в Деревне землемером и жил бы со своей женой Фридой у вас на постоялом дворе».

«Ну, может, так оно пока и есть, – с сомнением обронила хозяйка, – но, – вдруг, оживилась она, – это только доказывает мою правоту. Вы потерпели поражение в одном, но не отступили, и теперь взялись за мою бедную родственницу. Выходит, я всё равно права.»

К. только устало вздохнул в ответ; он только напрасно тратил свои силы здесь, преодолевая вязкое тягучее сопротивление каждого жителя Деревни, какой бы ни встретился у него на пути – только бесполезно тратил. И даже те, кто вроде бы старался ему помогать, хотя бы такие, как Варнава или Ольга, все равно своей помощью они только обездвиживали его, приклеивали к земле, не давая ему продвинуться, хотя бы на шаг вперёд. А такие люди как хозяйка, так те, даже напротив, не стесняются и со всей своей мочи открыто тащат его назад.

«Мать Герстекера, – он почему-то никак не мог назвать её по имени, – сама пригласила меня вчерашним вечером к себе, – попытался объяснить хозяйке К., – и более того, её сын только с большим трудом смог меня на это уговорить. Я не хотел к ним идти, у меня были другие планы».

«Знаю я ваши планы, – тут же подхватила хозяйка, – наверное, снова собрались засесть у семейства Варнавы? Оттуда вас и калачом не выманить». «Вы снова бьёте мимо, – сказал К., – я собирался пойти к совсем другим людям, но я не буду при вас распространяться к кому именно, вы снова всё представите в неверном свете». «Да, уж конечно. Сильно мне это надо! Мало ли у нас в Деревне голытьбы. Ну, хорошо, допустим. То есть, вы прямо утверждаете, что Гертруда позвала вас к себе? Но это же абсурд! Она уже много лет не выходит из дома, где же вы в таком случае успели познакомиться?»

«Через сына, – пожал плечами К., начиная уже уставать от этого беспредметного разговора; они проговорили, наверное, с час, даже свечи вон почти догорели, а он всё никак не мог получить от хозяйки нужных ему сведений, за которыми он сюда явился, они только без толку препирались. – Она весь вечер расспрашивала меня про моё прошлое, откуда я родом, где я работал и жил. Правда, у меня сложилось впечатление, – тут К. не стал врать, хотя и мог бы, – что она не поверила ни единому моему слову».

Хозяйка тут же ухватилась за его последние слова: «Вот, вы сейчас говорите мне в глаза совершенно лживые вещи и даже не краснеете. Или вы думаете, что сумеете и меня перехитрить? Нет, господин землемер, ваши хитрости настолько тонкие, что рвутся сами собой. Ведь

всё произошло как раз, наоборот! Это вы закружили Гертруде голову своими рассказами, и теперь она напротив, убеждена, что вы очень важная персона. Вы только послушайте, приезжий землемер, чужак – важная персона! Или может быть, вы вообще, сын графа?»

«Возможно, – слова хозяйки немного развеселили К., – теперь мне понятно, почему вы после разговора с ней слегли в постель. Отказать в сдаче комнаты такому знатному человеку как я, это серьёзный просчёт».

«Вот, вы смеетесь, господин землемер, а мне вовсе не смешно, – сказала хозяйка, – пусть Гертруда и выжила из ума, но она живёт здесь давным-давно и когда-то была служанкой у прежних господ в Замке. А, если кто-то из них вспомнит её по старой памяти? Эти кроты роют такие глубокие норы, что они не осыпаются десятилетиями». Она с упрёком посмотрела на К.: «А вы? Ну, что вы за странный человек, почему вам больше всех надо? У вас прекрасная должность школьного сторожа, есть где жить, вас бесплатно кормят у меня на постоялом дворе. И зачем вам тогда понадобилось отправлять вдобавок завербованных вами эмиссаров в Замок – и надо же, как вы точно выбрали, кого послать, чтобы подтвердить ваши пресловутые права. А теперь и обычные простые люди, такие как я, – она даже слегка всхлипнула, – могут пострадать из-за вашей самонадеянности и гордыни».

«Начнём с того, хозяйка, что я никого никуда не отправлял, – спокойно произнёс К., покачиваясь на табурете, – но, если есть люди, которые готовы принять во мне участие, от их помощи я отказываться не буду. К тому же, я не знаю, как долго они мне собираются помогать, к слову, ещё недавно и вы сами сидели у нашей с Фридой кровати здесь в доме и тоже обещали нам своё материнское содействие. Надо ли говорить, что в конце всё вышло совсем по-другому. Так же может случиться и здесь, поэтому я не придавал бы большого значения её поездке, во всяком случае, пока не будут видны какие-либо практические результаты».

Хозяйка поглядела на К., как на сумасшедшего.

«А то, что ко мне уже сегодня приехала некая дама из Замка и осведомилась, как вам здесь у меня живётся, это вам не результаты? – возмущенно спросила она, сбросив с себя весь свой болезненный вид, оказавшийся, как и думал К., по большей части притворством. – да, у меня просто ноги сразу подкосились! Вас уже два дня как непонятно, где носит, а мне за вас отвечать? Хорошо вы придумали, господин землемер или кто вы там теперь. Что я ей должна о вас рассказывать, если я вас даже и знать не хочу?»

«Погодите, хозяйка, – прервал её речь заинтересовавшийся этими словами К., – ваше отношение ко мне мы уже неоднократно обсуждали. А дальше-то, что произошло?»

Хозяйка равнодушно пожала плечами: «Уехала она почти сразу, разве вы не знаете, что господа из Замка всегда торопятся и даже говорить предпочитают и то на ходу». «Уехала? – разочарованно выдохнул К., – и даже ничего для меня не передала?»

Хозяйка в ответ нахмурилась и посмотрела в сторону от К.

«Может и оставила, – еле слышно сказала она, – но я вам разве посыльный, чтобы записки через меня передавать? – она заговорила громче, – у вас есть для этого Варнава, насколько я знаю, спрашивайте у него. Вы же вроде бы довольны его работой».

К. посмотрел на неё почти угрожающе: «Хозяйка, не стоит переходить границы. Если вам доверили письмо, прошу, отдайте его мне, – он наклонился в её сторону, – отдайте письмо, иначе...» «У меня его здесь нет», – пролепетала испуганно Гардена. «И где же оно?» – «Я отдала его Хансу».

«На кой чёрт оно нужно Хансу, если адресат я!» – вспылил К., в гневе вскочив с табурета; в этот момент он был готов стукнуть хозяйку подсвечником по её глупой голове, хотя вряд ли Ханс рассчитывал на подобное применение своего подарка.

«Не кричите так на меня, – обиженно сказала хозяйка, – ваше письмо мне совершенно без надобности. Я так мужу и сказала, «возьми его и делай с ним, что хочешь, но только, чтобы я его больше не видела».

Получается, с яростью подумал К., письмо уже целый день в кармане у хозяина, а он даже и словом об этом ему не обмолвился!

«Можете снова накрыться с головой, я вас больше не побеспокою», – сухо сказал он, и даже не взглянув на хозяйку, вытащил одну свечу из ручки бронзового младенца и поспешил прочь из комнаты.

Глава 8 (33) Шварцер

В коридоре К. сразу же наткнулся на хозяина и чуть было не поджёг на нём одежду, задев его от неожиданности свечой. Хозяин охнув, отскочил на шаг так, что из кружки с питьём, которое он, очевидно, обещал донести до страдающей от жажды жены, плеснуло прямо на пол, чуть не забрызгав К.

«Прошу прощения, господин, – испуганно воскликнул он, – не облил ли я вас?» К. молча уставился на него, сжимая свободный от свечи кулак. «Почему ты не отдал мне письмо, которое получил от своей жены?» – не обращая внимания на вопрос хозяина, в упор спросил он. Хозяин на глазах у него затрясся от страха так, что из кружки снова выплеснулась жидкость. «Простите, господин, – плаксиво промямлил он, боясь посмотреть К. прямо в глаза, – мне Гардена не велела вам про письмо говорить. А потом Шварцер...» «Хозяйка мне сказала, что она только не желает иметь с письмом дела», – мрачно сказал К. «Нет, господин, не только. Но прошу вас, не выдавайте меня ей, что я это вам всё-таки рассказал, она и про это тоже запретила рассказывать».

Выходит, ослеплённая ненавистью к К. хозяйка, тем не менее, проявила похвальную осторожность, не сама спрятала письмо в укромное место, а переложила всю ответственность на хозяина; если К. про письмо не спросит (а как он спросит, если он про него не знает) то тогда можно считать злодеяние исполненным успешно, а если спросит – то вот, недалёкий умом хозяин всё перепутал – его и наказывайте, а хозяйке хоть такая от него польза.

«А Шварцер, собственно, какое к этому имеет отношение?» – хмуро спросил К., до разума которого, отвлечённого неприязнью к хозяйке, наконец, дошли последние слова Ханса. «Я отдал письмо ему, – виноватым голосом сказал хозяин и боязливо посмотрел в лицо К. – Он недавно зашёл на постоялый двор, – Ханс поднял кружку, которую держал, повыше, как бы демонстрируя её К., – я поэтому и запоздал с питьём из-за того, что он меня задержал».

Гнев К. прошёл, и снова у него осталось только чувство усталой безнадёжности; он, как будто был колодцем, из которого жадные хозяева всё черпали и черпали воду, и вычерпав её до дна, натыкались там только на эту бесконечную усталость. Вновь поднималась в колодце вода и вновь её черпали. И снова показывались на дне только усталость и безнадёжность.

«Я даже не буду на тебя сердиться за то, что ты во всём слушаешься свою жену, – устало произнёс он, – с этим уже ничего не поделаешь, в эту яму ты сам залез много лет назад, и помочь здесь невозможно, хотя меня, конечно, удивляет, что хозяйка с умыслом делает тебя виноватым передо мной, а ты и возмутиться против не смеешь».

Хозяин только кивал в ответ, но казалось, что не меньше половины слов К. пролетает сквозь его уши не задерживаясь, а он только делает вид, что всё понимает.

«Но скажи, ради всего святого, Ханс, – продолжил К. нести свой бесполезный и тяжёлый крест, – зачем ты отдал письмо адресованное мне, Шварцеру, который, как я больше, чем уверен, даже и понятия о нём не имел!»

Эти слова вроде как проникли внутрь и зацепились за мозг хозяина.

«Но, как же, господин, – будто удивляясь непонятливости К., ответил он, – Шварцер, он же сын помощника кастеляна. А я совсем малограмотный, я ведь конюхом в молодости был, могу только печатные буквы с трудом разобрать, а письмо от руки совсем не прочитаю».

К. только руками всплеснул, то есть, только это, значит, хозяина от чтения чужого письма останавливало? Да, нет же, объяснил хозяин, он и не собирался читать письмо, он только у Шварцера спросил, как ему поступить лучше всего; тем более, К. теперь может сам забрать письмо у Шварцера, он сейчас в зале, и жена на него зато не рассердится, поскольку все её указания хозяин выполнил.

«Он весьма могущественный человек, этот Шварцер, я ещё тогда про это тебе сказал, когда ты только появился в Деревне, разве ты не помнишь? Он даже может свободно звонить в Замок, когда ему нужно и докладывать о вещах, которые он здесь примечает». «Я тоже могу позвонить в Замок с твоего телефонного аппарата, – возразил К., – между прочим, я так уже здесь делал, ты и это тоже должен помнить». «Да, конечно, – согласился хозяин и умолк, ухватив покрепче кружку, и равномерно покачивая ею, как будто держа на весу что-то тяжёлое, – разреши, я всё же отнесу питьё Гардене, она и без того недовольна».

«Да, разумеется, иди, – махнул рукой К., – всё что мог ты для меня уже сделал», – иронически добавил он, но хозяин явно не понял этого намёка, и облегчённо заулыбавшись, от того, что К., по его мнению, больше на него не сердится, закивал ему и посторонился, давая дорогу.

«Не хватало мне, чтобы ещё этот Шварцер и в Замок доложил про это письмо, – пришло в голову К., пока он шёл по коридору, еле разбирая дорогу с почти догоревшей свечкой в руке, – кстати, любопытно, как эту переписку воспримет замковая канцелярия и имеет ли она вообще компетенцию по разбору частной корреспонденции, идущей опять-таки из Замка, не говоря уже о том, имеет ли право сам Шварцер на доступ к таким бумагам. Для хозяина, который всего боится, безусловно имеет, для него Шварцер всего лишь на шаг ниже господ Бога, но вот как дело, интересно, обстоит в действительности, и можно ли подать на самоуправство Шварцера жалобу, если будет установлено его злоупотребление своей, может быть, даже не настоящей, а кажущейся, властью?»

Первое, что К. увидел в зале, войдя в него, так это кучу крестьян сгрудившихся возле одного стола спиной к нему. Все они напирали друг на друга, явно пытаясь что-то разглядеть в глубине этой кучи под общий оживлённый гомон. Это было какое-то неумолчное щебетание похожее на птичье, и оно перекачивалась слева направо и справа налево и назад и вперёд

К. остановился в недоумении перед таким зрелищем, Шварцера нигде не было видно. Несколько секунд он стоял растерянно озираясь, пока кто-то из людей стоявших в этой груде – которая, казалось, уже сама крошилась под своей тяжестью – случайно не обернулся. И почти же сразу, как будто все только и ждали прихода именно К., груда быстро начала рассыпаться на части, люди подталкивали друг друга, указывая на К. и замолкая, один за другим расходились по соседним столам, рассаживаясь там, как птицы на телеграфных проводах. И когда эта груда совсем развалилась, в самом центре её обнаружился Шварцер. Когда и он, обернувшись, тоже заметил К., то проворно спрятал в карман небольшой листочек, лежавший перед ним на столе и посмотрел на К. отчасти смущенно, но и как обычно, по привычке, отчасти презрительно.

«А, господин, школьный сторож, – как будто с удивлением воскликнул он, – а я вас и не ожидал сегодня здесь увидеть».

Но в отличие от уверенных слов, глаза его несколько смущенно бегали по сторонам, и К. было очевидно, что Шварцер пытается отвлечь его внимание от того, что только что происходило в зале.

«Весьма странно это от вас слышать, – возразил К., подходя ближе к столу, и не сводя испытующего взора с молодого человека, отчего тот беспокойно завертелся на стуле, – неужели, мне здесь кем-то запрещено навещать вечером постоянный двор, чтобы выпить пива и поужинать?» «Безусловно нет, – защищался Шварцер, – о таком запрете мне неизвестно, но я думал, вы находитесь сейчас в школе. У вас там должно было накопиться много работы за время вашего отсутствия». И он чуть обиженно добавил: «Которую пришлось выполнять мне, хотя это и не входит в мои обязанности». «Не очень-то хорошо вы её выполнили, – заметил К., – я бы сказал даже, с грехом пополам. Мне всё пришлось переделывать заново». Правда, он не стал упоминать о помощи Ханса, не стоило знать Шварцеру, что мальчик его друг.

«Во всяком случае, господин школьный учитель претензий по этому поводу мне не предъявлял», – быстро оправдался Шварцер.

«Ага, так значит, вы выбежали из школы, разбросав в зале весь гимнастический инвентарь от радости? – многозначительно спросил его К., стоя прямо перед молодым человеком, и взирая на него сверху вниз, – а потом стали искать учителя, чтобы выразить ему свою благодарность за отсутствие замечаний? Помнится, вы прямо на меня наскочили, даже чуть с ног не сбили, так сильно хотели его найти».

Шварцер густо покраснел, а сидевшие недалеко за столами крестьяне, внимательно прислушивавшиеся к их разговору, покачали головами.

«Я не хотел бы сейчас распространяться на эту тему», – запинаясь, произнёс Шварцер, и было видно, что слова К. ему очень неприятны. «Я понимаю, – ответил К., – и поэтому мы сейчас поговорим о другом, не возражаете? А именно о той бумажке, содержание которой вы только что очень весело и непринуждённо зачитывали окружающей вас толпе. Не поделитесь ли вы и со мной её содержанием? Это же её вы спрятали в себе карман, когда я вошёл, не так ли?»

Было ясно, что К. своими неопровержимыми уликами прижал Шварцера к стенке и тому просто некуда было сейчас деться, разве что только провалиться под землю прямо на том месте, на котором он сейчас сидел.

К. уселся рядом со Шварцером и положил на стол левую руку ладонью вверх, как бы намекая молодому человеку, что именно, он должен туда положить. Тот растерянно смотрел, то на ладонь К., то ему в глаза, а со всех сторон в это время доносились шуршание и скрип, это люди в зале придвигались всё ближе и вытягивали шеи, стараясь ничего не упустить.

«Я не могу вам ничего показать, – пробормотал, наконец, Шварцер, – это документ для служебного пользования». К. перевернул ладонь и хлопнул ей по столу. «Как это понимать! – почти крикнул он, – если это частное письмо адресованное мне! Когда это оно успело стать служебным? Что вы на меня так смотрите, будто видите первый раз в жизни? Я говорю о письме, которое недавно передал вам хозяин постоянного двора!»

Шварцер облегчённо выдохнул воздух из лёгких, словно только что вынырнул из воды, где он долго нырял по важным делам, удерживая дыхание. «Ах, вы о том письме, что отдал мне хозяин? – и он торопливо вытер свой лоб покрывшийся бисеринками пота, – так с этим письмом всё в порядке. Я сообщил о нём по телефону в Замок, и оттуда тотчас прислали за ним курьера. В этом смысле здесь полный порядок. Посыльный прибыл почти сразу».

К. непонимающе уставился на довольного собой Шварцера.

«Зачем вам понадобилось беспокоить Замок из-за моего письма? – тихо и недоумевающе спросил он, – или из-за этого небеса обрушатся на землю?» «Насчёт небес мне ничего не известно, – деловито отчеканил Шварцер, – но насчёт подобных вещей на земле, здесь у нас существуют строжайшие предписания, от которых категорически запрещено отклоняться. Не могу сказать точно, какую ответственность понесёт хозяин за свою халатность и невнимательное отношение к своим обязанностям, это решат в административном порядке, хотя лично я усматриваю некоторые смягчающие обстоятельства для него в этом деле. Хоть здесь и не допускается содействие в передаче корреспонденции между неустановленными лицами, но может статься, что персона оставившая для вас письмо, действительно имеет отношение к Замку. Но, поскольку в момент передачи это лицо не представило никаких подтверждений о том за кого оно себя выдаёт, а хозяин, тем не менее, письмо принял, отвечать за это ему всё равно придётся. Но, с другой стороны, поскольку хозяин всё-таки в конечном итоге проявил ответственность и не стал передавать записку адресату, который, в общем-то, персона тоже весьма, на мой взгляд, подозрительная, то серьёзного наказания он, может быть, и не понесёт. Но в этом случае, я не смею навязывать властям своё мнение».

К. с бесконечным удивлением смотрел на Шварцера, на то, как тот, оправившись от первоначальной растерянности, буквально скалит зубы и с видимым удовольствием перекатывает во рту слова.

«Как же так? – растерянно спросил он, ощущая, что гнев на Шварцера у него пропал, сменившись вдруг чувством неопределённого страха, – это же обычная записка, а я вовсе не подозрительное лицо, как вы утверждаете, я графский землемер», – и он было по привычке полез в карман за письмами Кламма.

Шварцер сделал гримасу, наблюдая за его суетливыми движениями. «Ну, я же только что вам всё объяснил, а вы всё никак не поймёте. Во-первых, эта дама... Как я понял из слов хозяина, это, действительно, была женщина; так вот, эта дама, на самом деле, утверждала, что она из Замка. Впрочем, утверждала, это сильное сказано, хозяин услышал, как это было сказано ею совершенно мимоходом. Но никаких подтверждающих её заявление документов эта дама не предъявила. С другой стороны, господа из Замка здесь никогда и никому не предъявляют свои документы, хоть бы и хозяевам постоянных дворов и гостиниц. Обычно то, что какое-то лицо прибыло из Замка можно сразу определить по его костюму и манере разговора, в конце-концов, по карете и свите. Да и откуда здесь возьмутся другие господа не принадлежащие Замку? Но в таком случае, какой-нибудь хитрый злоумышленник, одев одежду похожую на одежду господ, и подражая манере их разговора, действительно, может для достижения своих злодейских целей, притвориться лицом имеющим отношение к Замку; хоть вероятность этого совершенно ничтожна, но её исключать нельзя. К тому же, адресатом письма были вы, К. – человек подозрительный, который прибыл в Деревню неизвестно откуда и чьи настоящие намерения – а не декларируемые, что он, дескать, обычный землемер – пока неизвестны; вы не староста и не уважаемый член общины, поэтому ваши действия, в том числе переписка с неизвестными лицами должны быть под контролем, и администрация всего лишь этот контроль осуществляет. Возможно, да, власти слегка перегибают палку таким строгим отношением к делу. Бесспорно, невозможно и полностью отрицать предположение, что дама, оставившая письмо, действительно прибыла из Замка сюда по каким-то своим делам, (хотя я, конечно, сильно сомневаюсь, что по вашим). Но, как я и говорил, именно это и может послужить смягчающим фактором для вас и хозяев здешнего постоянного двора. Без полностью подтверждённой вины у нас никого не наказывают, это совершенно исключено».

«Это какой-то абсурд», – пробормотал К., так и не вытащив из кармана письма Кламма. Он лишь растерянно мял их там рукою.

«Что вы, – торжествуя улыбнулся Шварцер, – на мой взгляд абсурдом выглядит то, что вы – приезжий, который здесь живёт без году неделю, можете чем-то заинтересовать лицо из самого Замка. Вот это, действительно, что-то неслыханное. Я думаю здесь какая-то ошибка и письмо адресовано не вам, а другому лицу, которое ещё придётся установить. Но тогда, господин землемер, вам повезло, и вам не придётся отвечать наравне с хозяином».

«Совершеннейший абсурд, – упрямо повторил К., глядя перед собой, – и вообще, как вы, Шварцер, – оскорблённо спросил он, – осмеливаетесь называть меня подозрительным лицом?»
Молодой человек развёл руками.

«Я всего лишь следую фактам, – насмешливо сказал он, – например, вы отказались позавчера от допроса, что для добропорядочного жителя Деревни, доверяющего своим властям, совершенно немыслимо, но для человека с сомнительным или даже неизвестным прошлым это вполне объяснимый и не требующий излишних комментариев поступок: значит, вам есть, что скрывать».

«Меня два раза допрашивали в гостинице на следующий день, – возразил К., – у Бюргеля и Эрлангера».

«И чем это закончилось? – пренебрежительно спросил Шварцер, – я был вчера в этой гостинице, хозяева даже вспоминать про вас не хотят, они сказали мне, что вы устроили там утром нечто ужасное, последствия чего хозяева даже боятся себе представить. Я не собираюсь расспрашивать вас о подробностях того, что вы там натворили, чтобы случайно самому не оказаться в этом запачканным, да, впрочем, это и не моё дело. Далее, вы везде заявляете, что

вы землемер, и ради подтверждения этого – я был свидетель – вы переполошили и подняли на ноги ночью всю Центральную Канцелярию, что тоже не характеризует вас лучшим образом; вы постоянно размахиваете письмами от Кламма (и даже сейчас, я видел, вы хотели их достать), что дескать, вы приняты на графскую службу. Но почему-то работаете сейчас, и довольно, надо сказать, посредственно, всего лишь школьным сторожем, и то лишь с великой милости господина школьного учителя. Да ещё и сегодня появляетесь здесь на постоялом дворе в безобразном в виде с разбитым, по-видимому, в драке лицом и угрожаете мне, требуя какие-то письма».

Шварцер прочистил пересохшее от такой длинной речи горло и с победоносным видом выпил пива из кружки, которая стояла всё это время рядом с ним и которую К. до сих пор не замечал.

К. машинально потрогал свою шишку. Слова Шварцера его снова рассердили.

«Вы бы за своим поведением лучше следили, господин сын помощника кастеляна, – язвительно проронил он, припомнив то, что ему рассказал сегодня Ханс, и что он сам сегодня видел около школы, – особенно, когда вы очень темпераментно просили меня указать в каком направлении ушли господин учитель с фройляйн Гизой».

Шварцер снова залился краской и поперхнулся своим пивом.

«Я... у меня было дело к учителю, которое вас совершенно не касается, – овладев собой, наконец, пробормотал он, – и вы кстати, указали мне неверную дорогу, что тоже не характеризует вас с хорошей стороны. Впрочем, – добавил он, – я на вас за это не в обиде». И допив пиво, Шварцер со стуком поставил кружку на стол.

К. отвернулся от молодого человека, и положив локти на стол, сжал виски ладонями; только что налаженная через Матильду (К. надеялся, что это была именно она, да и какая другая женщина из Замка может оставить ему здесь письмо?) связь порвалась прямо на глазах, из-за излишнего усердия Шварцера и пакостей хозяйки, которая нарочно удерживала К. в спальне своими разговорами, не дав ему возможности вытрясти письмо из хозяина самому. А теперь письмо, получается, ушло в Центральную Канцелярию и теперь ещё неизвестно, как это может навредить К. в дальнейшем. Кто его знает, что было написано в этом письме, и как расценят его содержание в Замке, на благо К. или во вред? А если Матильда решит, что это К. сам отослал её письмо в Замок, показав тем, как низко он ставит отношения с ней? И тогда вместо союзника он получит нового и возможно весьма могучего врага; куда до неё Артуру, а ведь К., даже и Артура сейчас опасается, который, пока так и не вернулся из Замка, что, кстати, тоже может быть для К. недобрый знаком.

«Ну, хорошо, – сдался, наконец, К., снова поворачиваясь к Шварцеру, – но, если выяснится, что ничего предосудительного в записке нет, и что та дама, действительно, из Замка – я смогу получить письмо обратно? Ведь оно было написано с какой-то целью, не просто же так госпожа из Замка будет заезжать на захудалый постоялый двор. Может быть, там могут оказаться важные для меня известия».

Молодой человек сделал многозначительное лицо.

«Ну, почему бы и нет? Вы вполне может оформить и переслать в Замок прошение по этому вопросу, – покачивая вверх-вниз своим узким подбородком, задумчиво проговорил он, – не то, чтобы это сильно поощряется – заваливать контрольные инстанции своими личными запросами, там и без этого хватает своей работы, но коль скоро дело само по себе уже рассматривается в администрации, то я думаю, никто не будет воспрепятствовать дополнительным ходатайствам, на основании которых можно будет дополнить дело добавочными подробностями для его надлежащего разрешения. Кстати, – добавил он, – не исключено, что вас в самом скором времени вызовут для составления протокола, если будет установлено, что письмо адресовано вам. Там вы как раз сможете узнать что-нибудь дельное для себя из вопросов чиновников». Шварцер ещё немного подумал, посасывая кончик указательного пальца: «Хотя, на самом деле я бы всё-таки рекомендовал вам отказаться от прошения, ибо? если письмо было

написано не для вас, то нет никакого смысла беспокоить инстанции, это будет даже предосудительно, ну, а если вы всё-таки имеете хоть малейшее отношение к письму, вас, безусловно, так или иначе, в скором времени вызовут самого на допрос. Может быть, даже скорее, чем вы думаете».

«Всё же я хотел бы тогда оформить запрос в графскую канцелярию, если это, как вы говорите, позволительно, – произнёс К., выслушав соображения Шварцера, – я думаю, от одного дополнительного листочка с моим запросом канцелярию не разорвёт, а мне будет спокойнее».

«Как хотите, – скептически обронил Шварцер, – мне уже неоднократно говорили, что вы не желаете слушать добрых советов и сразу встречаете их необыкновенным отпором, за что и страдаете впоследствии. Вы можете, конечно, обратиться с этим вопросом к какому-нибудь секретарю по Деревне, с которым вы поддерживаете служебные отношения или.., – его лицо слегка скривилось. – Хотя, лучше, нет, не надо. Не стоит, я думаю, беспокоить господ секретарей своими мелкими делами, вряд ли они будут этим довольны, они и так доверху загружены важной работой. К тому же, они тогда могут взять вас на заметку, как лицо, как раз мешающее этой работе, что может вам сильно повредить в дальнейшем. Нет, нет, я не советую вам подавать ходатайство таким путём».

«А если я подам его через моего посыльного?» – предложил К., вспомнив про Варнаву, пора ведь наконец и ему поработать, к тому же, это совпадёт с интересами его семейства и самого К.

«Вам назначили личного посыльного от администрации? – с ноткой уважения в голосе поинтересовался Шварцер, – странно, а мне вот, когда я был на службе, все документы приходилось пересылать через канцелярского курьера, хотя я трудился не на самой низкой должности, но персональным посыльным меня так и не обеспечили, хоть я и неоднократно жаловался на это своему начальству. Удивительно, – Шварцер покачал головой, – и насколько мне известно у вас ещё недавно было даже два помощника; получается, что вы, обладая таким административным весом, цепляетесь за работу школьного сторожа. Очень странно. Хотя, допускаю, может быть, у вас на это есть веские причины».

«Да, у меня есть посыльный, – быстро подтвердил К., пропустив мимо ушей подначивание Шварцера, – его зовут Варнава. Мне его предоставили для своевременной связи с господином Кламмом».

Действительно, как он мог о нём забыть. Пусть посыльный из Варнавы и никудышный, судя по его скромным достижениям на этом поприще – до сих пор ведь, так и не передал для Кламма два важных сообщения от К. – но ведь от самого Кламма он два письма принёс и вызов от Эрлангера тоже К. передал! Правда, пользы от них пока никакой, а то, что ему велел сделать в разговоре Эрлангер и вовсе, как насмешкой над К., да ещё запоздалой, назвать нельзя. Но ведь время идёт, отчаиваться не надо, Варнаве можно давать новые поручения, за них с К. денег не берут, рано или поздно, хоть какое-то из них он ведь выполнит. Ему же надо отличаться на службе, чем-то радовать родителей и Ольгу, а пара переданных писем за два года это очень мало, это почти ничто, так его совсем на службе забудут, если он будет доставлять в год по одному письму.

Лицо Шварцера приняло недоумённое выражение.

«Не совсем догадываюсь, – сказал он, – в чём вам поможет, в этом случае, ваш Варнава? Тем, что передаст ваше ходатайство Кламму? Так, тот даже и читать его не будет! Да, не то, что читать, он и в руки его не возьмёт. Он такими вопросами не занимается. Разве вы не знаете, господин школьный сторож, что по каждому вопросу в Замке существует свое ведомство. А поскольку число вопросов безгранично, то и количество ведомств там тоже почти безгранично. И кто вам будет искать посыльного для нужной вам инстанции? Хотя, если бы у вас такой посыльный вдруг появился, тогда другое дело; не то, чтобы это что-то сильно меняло в вашей

ситуации с письмом, но, по крайней мере, оно бы попало в нужный отдел. А Кламм... Ну, зачем оно Кламму?»

«А я всё же попробую, – упрямо сказал К., собираясь подняться с места, где сидел, – много мне тут дают советов и обещаний, да только, если не мешать эту кашу самому, она никогда и не сварится».

«Как хотите, как хотите, – благожелательно поднял руки ладонями вперёд Шварцер, – главное, в ваших поисках не забывайте ещё и о ваших обязанностях школьного служителя, во-первых мне бы не хотелось выполнять за вас их снова, а во-вторых, терпение господина Грильпарцера тоже не безгранично, тут и заступничество старосты может не помочь, если вы по-прежнему будете ими пренебрегать».

Но К. лишь вежливо кивнул ему и встал, не тратя лишних слов; в этот момент ему почудилось, что весь зал, за исключением Шварцера, встал вместе с ним с грохотом отодвигаемых табуретов. Он обернулся назад и вздрогнул от чувства внезапного испуга смешанного с отвращением; пока он был отвлечен разговором со Шварцером, их плотным кольцом окружили крестьяне; да они даже подтащили с собой свои сиденья, и всё это время, оказывается, жадно прислушивались к их беседе, молча – прямо затаив дыхание, а он даже ничего не заметил! А теперь упустив момент, когда К. оборвал разговор и встал, они тоже резко повскакали со своих мест, встав с ним рядом на мгновение, словно К. их предводитель, и они сейчас пойдут за ним куда угодно – хоть крушить постоялый двор, хоть бить Шварцера.

Но, увы, стоило ему лишь сделать шаг вперёд, как его жалкое крестьянское войско начало разваливаться и разбегаться, расступаясь перед ним – нет, не взять ему с ними приступом Замок! Шварцер, видно, это всё заранее знал, он даже не пошевелился, когда все остальные вскочили на ноги; обведя толпу пренебрежительным взглядом, он уставился спокойно в потолок, наверное, задумавшись о Гизе и о том, как ему вести себя с ней дальше.

Но К. уже позабыл обо всём, что только что видел; снова застегнувшись и надев шапку, он покинул постоялый двор и быстрым шагом отправился к дому Варнавы.

Глава 9 (34) В доме Варнавы

На улице уже давно наступила ночь, принёсшая с собой тьму, которую лишь в отдельных местах рассеивали слабые жёлтые огоньки окошек деревенских домов. Но К. уже хорошо знал дорогу от постоянного двора до дома семейства Варнавы. По пути он, правда, вспомнил, что расстроенный потерей письма, совсем позабыл спросить Шварцера, куда тот дел его рюкзак с вещами и документами, и даже было на мгновение он остановился, колеблясь, не вернуться ли ему обратно на постоянный двор или всё-таки идти дальше. Но возвращаться К. показалось плохой приметой, да и одолел он уже больше половины дороги, поэтому рассудив, что никто ему не помешает встретить Шварцера завтра в школе на уроке, где тот, наверняка, снова будет сидеть у ног Гизы, невзирая на сегодняшнюю размолвку, К. махнул рукой и бодро зашагал дальше. Тем более, подумал К., завтра он точно встретит там самого школьного учителя, в дом которому, как ему сообщил Ханс, и должен был притащить его рюкзак Шварцер; так что сам Шварцер ему вполне, может быть, завтра и не понадобится, хватит и одного учителя.

К. шёл быстро, невзирая на режущий ветер в лицо, постоянно заставлявший его прикрывать глаза руками. Но дорогу за неделю уже хорошо утоптали, в том числе и сам К. не раз ходивший этим путём, поэтому он быстро добрался до нужного ему дома. Окна в нём были плотно занавешены, но свет изнутри всё-таки понемногу пробивался наружу, давая знать, что в доме кто-то есть. К. осторожно преодолел скользкий спуск, о скверном нраве которого, его ещё в первую встречу остерегал Варнава, и негромко постучал в дверь. Ему очень быстро открыли, как будто хозяева заранее ждали его прихода, и К. увидел на пороге встретившую его Ольгу.

Она почему-то очень сильно обрадовалась, увидев его, и на секунду обернувшись назад, радостно крикнула кому-то внутри дома: «Это пришёл господин землемер», и снова повернулась к нему с лицом преисполненным радости.

«Заходи поскорее, К., – нетерпеливо крикнула Ольга, и ему на мгновение показалась, что она сейчас кинется ему на шею и задушит в счастливых объятиях, – мы тебя давно уже поджидаем, я даже бегала за тобой в школу, но там никого не было».

Изрядно удивлённый К., нагнув голову, послушно шагнул вслед ей за порог; он никогда ещё не видел Ольгу такой счастливой. Тем более, что в сенях она остановилась и с тихим вскриком всё-таки бросилась ему на шею и крепко обняла, так что у него захватило дыхание, да ещё в придачу крепко чмокнула его в губы, а затем вдруг смутившись, сделала шаг назад и уставилась взглядом в пол.

«Прости, К., на меня нашло, не знаю что, – негромко сказала она, стараясь сдержаться, но по дрогнувшему голосу, чувствовалось, что она готова разрыдаться от переполнявших её чувств, – мы так тебе благодарны!» К. догадался, что слёзы тут будут не от горя, а от вдруг нахлынувшей радости, поэтому он, в свою очередь, обнял девушку и даже ласково похлопал её по спине.

«Я рад, что у вас всё хорошо, – мягко сказал он, вдыхая её слегка грубый, но все-таки женский молодой запах, – в прошлый раз в доме было больше горести и печали».

Она подняла голову от его плеча и взглянула на него мокрыми глазами. «Это всё благодаря тебе, – прошептала она, – пойдём же скорее внутрь!» Ольга взяла его за руку и мягко повлекла за собой.

В комнате было всё по-прежнему, горела над столом старая керосиновая лампа, но от радости Ольги, К. показалось, что и горела она как-то живей и веселее, а может ей просто открутили побольше фитиль и плеснули вдосталь керосина. Как и прежде, Амалия, стоя около родительской кровати, раздевала мать, готовя её ко сну, а отец сидел недалеко в кресле, всё так же обутый в свои огромные ночные туфли, но сидел он в этот раз по какой-то причине смиренно, не пытаясь раздеться сам, а тихо дожидаясь, когда до него дойдёт очередь.

Амалия, увидев вошедшего К., кивнула ему, как старому знакомому, и даже слегка улыбнулась, что переменяло на мгновение её обычный сумрачный вид, но она почти сразу же отвернулась и снова занялась своей матерью. Родители едва заметили К., словно они уже давно привыкли к его виду и стали считать его повседневной частью своей жизни. Ольга, по-прежнему, мягко влекла К. дальше за собой, и они вдвоём, быстро миновав комнату, вышли на кухню. Там Ольга усадила К. за стол и хлопотала, уставляя его нехитрой снедью. К. с нескрываемым уже удивлением, молча следил за её движениями, не зная с чего начать, но наконец, он вдруг удачно вспомнил о первоначальной цели своего визита.

«Скажи, Ольга, а твой брат скоро вернётся или он где-то здесь близко?» – спросил он, растёгивая на себе пальто.

«Варнава отправился в Замок с важным поручением, – быстро ответила девушка, выставив на стол глухо плеснувшую большую оплетённую бутылку, – но он скоро должен вернуться. Это очень хорошо, что ты появился, я хотела именно о нём тебе рассказать, – тут она остановилась, и приглядевшись к нему повнимательнее, обеспокоенно спросила, – ты что, где-то разбил себе лоб?»

К. небрежно махнул рукой. «Не беспокойся, просто я неудачно упал, – сказал он, – уже почти совсем не болит».

Ольга озабоченно покачала головой, но, видно, ответ К. её успокоил, и она снова заговорила о своих делах.

«Сегодня случилось то, К., чего я жду вот уже три года, но в что всё ещё боюсь теперь поверить, – сказала она и снова с боязливой радостью взглянула на К., – мы хотели бы сегодня это отпраздновать, правда, прости, что так скромно. Хотя ты, К., заслуживаешь от нас гораздо большего, ведь началось всё с твоего приезда».

«Я, конечно, рад слышать, что ты так считаешь, – осторожно сказал К., оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что на стенах кухни большими буквами кто-то напишет объяснение причинам её радости, – но будет лучше, если ты перестанешь хлопотать с угощениями – если честно, я недавно сытно отужинал на постоялом дворе «У моста» – сядешь ко мне поближе и расскажешь обо всём в подробностях, чтобы я тоже мог порадоваться вместе с вами, ибо у меня хороших новостей сегодня было гораздо меньше, а по правде сказать, не было вовсе, если не считать самого ужина».

Ольга послушно уселась рядом с К. на скамью и снова ласково взяла его за руку, будто опасаясь, что видит его сейчас во сне и ей надо обязательно удостовериться, что он, на самом деле, близко и его никуда не унесёт от неё ветер здешних сновидений.

«Прости, К., у меня весь день сегодня голова кругом идёт, – сказала она, осторожно, но ласково, поглаживая его пальцы, – да, что я, ты сам только что видел, как Амалия при встрече тебе улыбалась, правда чуть-чуть, но всё равно, выходит, даже её проняло, а такое и я вижу в первый раз».

«Да, что же такого у вас сегодня случилось? – заинтригованный К. даже придвинулся ближе к девушке, – рассказывай поскорей!»

Ольга на секунду задумалась, словно собираясь с мыслями. «Даже не знаю с чего начать», – слабо улыбнувшись, неожиданно медленно заговорила девушка, будто заглядывая куда-то глубоко внутрь себя, и стараясь не упустить ничего из того, что она там увидела.

«Ты сам знаешь нашу печальную историю, и мне нет никакой нужды повторять её снова целиком, но как ты, должно быть, помнишь, в конце нашего прошлого разговора я сказала, что ты стал очень важен для нашей семьи, ибо те два письма, что Варнава получил из Замка и передал тебе, показали нам первым едва заметным знаком, что с нашей семьёй начались – или, может быть, начались – перемены в хорошую для нас сторону. И что теперь наши надежды связаны исключительно с тобой, К., и с прочностью твоего положения. Видишь ли, если быть до конца откровенной, то до нас дошли недавно смутные слухи, что это твоё положение пошатну-

лось. Например, что вместо уважаемой, без сомнения, должности землемера – а ведь он отмеряет наделы и несёт ответственность за правильность обмера самого святого для крестьян! – их земли, ты оказался на месте школьного сторожа, что конечно, тоже почётно, но что никак нельзя сравнить с положением землемера; хотя я, конечно, в этом мало разбираюсь, но в общих чертах мы думаем именно так. Да и какие, согласись, важные письма из Замка может получать школьный сторож, чтобы их без промедления нёс ему посыльный? Да и кто назначит посыльного школьному сторожу? Поэтому мы, конечно, снова страшно испугались и снова были разочарованы, ты нас прости за это пожалуйста, К. Но очень страшно после появления первой робкой надежды опять терять её, даже такую крохотную малость! К тому же, мы узнали, что тебя оставила твоя невеста, о которой ты говорил нам с таким переживанием и любовью. Конечно, с одной стороны это нам было даже на руку, потому что как ни крути, Фрида презирала нас, а её мнение могло рано или поздно повлиять на тебя, и ты бы начал относиться к нам хуже. Не так как она, конечно, но всё равно холодней, а это тоже бы ударило, но уже по нашим с тобой отношениям. Но, с другой стороны, лишившись поддержки невесты, ты сам терял многое, и мы не знали, что лучше на самом деле, а что хуже. И вот уже, когда мы снова находились на самом пороге отчаяния, что-то вдруг произошло вокруг нас или вокруг тебя, а может быть, вокруг всех нас вместе. Во-первых, прошёл слух, что тебя искала с какой-то целью некая госпожа из Замка, а это событие для нашей Деревни сродни явлению чуда, на моей памяти такого не происходило никогда, чтобы господа интересовались кем-то из Деревни, тем более, чужаком. Хотя, может, именно это и привлекло её к тебе, впрочем, я не смею судить об этом. Правда, я очень молода, как и мои брат с сестрой, и может, такое случалось и раньше ещё до нашего рождения; во всяком случае, мы пытались порасспросить отца, и он даже вспомнил чем-то схожую историю из прежних времён, но разум его, к сожалению, настолько сейчас ослабел, что мы сильно сомневаемся, не пересказал ли он нам просто одну из сказок, какими он постоянно пичкал нас на ночь перед сном в детстве».

Здесь Ольга остановилась и с робостью посмотрела на К., видно ожидая, что он сам добавит несколько своих деталей к её повествованию Но К. в ответ только покраснел, не мог же он рассказать Ольге, чем он, на самом деле, занимался с Матильдой (а это, скорее всего, была именно она, К. всё больше и больше склонялся к этой мысли) в лохани с остывающей водой. А сверх этого, по сути, рассказывать Ольге про некую госпожу из Замка, ему было больше нечего.

Поэтому он прокашлялся и сказал, что, мол, нечто подобное с ним, действительно, имело место, но он пока не может об этом слишком распространяться.

Ольга понимающе кивнула и продолжила: «Но самое удивительное сегодня произошло с Варнавой. Помнишь, что я говорила тебе, про то как я надеялась, что после этих двух твоих писем работа Варнавы выйдет за границы должности посыльного, который был бы задействован только с одним тобой? Так вот, именно сегодня это и произошло, нашего Варнаву повстречал настоящий курьер из Замка и дал ему новое поручение! Говоря «настоящий», я имею в виду, что этот курьер, его зовут Харрас, давно и официально работает на своей должности. Я иногда вижу его в гостинице со слугами, правда он уже пожилой человек и не остаётся, как другие слуги, на конюшне на ночь, чему я, наверное, теперь даже рада. Так что с ним нет подобных сомнений, какие постоянно обуревают меня по поводу службы моего брата; у Харраса есть и настоящая форма, как мне рассказывали, и он обслуживает чиновников уже много лет, короче говоря, он из настоящих Замковых посыльных, и мне даже жаль, что это не он принёс тогда от Сортини письмо Амалии, в этом случае, нам, наверное, уже удалось бы вымолить у него прощение за нанесённую тогда обиду».

Ольга на секунду остановилась и прислушалась.

«Мне показалось, что я услышала, как идёт Варнава, – призналась она, – я жду его с минуты на минуту. Я рада тебе К. и твоему приходу, но я ты только представь, как обрадуется Варнава, когда тоже увидит тебя здесь у нас дома. Так вот, – продолжила она, – этот Хар-

рас сидел в гостинице и пил пиво, когда увидел там моего брата – тот как раз разговаривал с новым слугой, на которого я ему указала. – Ольга немного смутилась и отвела взгляд своих робких голубых глаз в сторону от К., – я же говорила тебе уже, что я провожу время со слугами на конюшне в гостинице и беру с них деньги, и вышло так, что у этого слуги денег при себе не было, хотя он и оправдывался, что брал их с собой, но они, видно, куда-то задевались. В доказательство он вывернул все свои карманы – денег действительно при нём не оказалось – и поэтому, чтобы как-то возместить упущенное, он предложил мне вместо платы свое содействие в Замке, намекнув, что именно у него там хорошие связи среди начальников над посыльными. Я не особо серьёзно отнеслась к его словам, за два прошедших года я слышала и намного больше обещаний, но, с другой стороны, все эти обещания давались, как бы в дополнение к деньгам, что слуги платили мне; и я всегда рассматривала эти посулы просто как часть обычной болтовни, когда слуга домогался меня и был готов наплевистить что угодно, лишь бы заполучить меня вперёд других или же как обычную вежливость уже после всего, что, правда, вообще, случалось крайне редко, поскольку в своей основной массе все эти слуги совершенно грубый и невоспитанный народ. Но ничего другого мне и не оставалось, потому что глупость изначально была с моей стороны, что я не взяла деньги вперёд, хотя, пожалуй, за всё время это был первый случай, чтобы меня обманывали в гостинице, но, может, он и правда, где-то потерял свой кошелёк, я не знаю. Поэтому я не стала долго думать, а сделала вид, что согласилась, правда, он пообещал возместить всё в следующий раз с лихвой, но почему-то мне кажется, что я больше его здесь не увижу, слуги не любят терять своё достоинство, даже с такой девушкой как я. Но я, хотя бы успела показать на него Варнаве, чтобы тот запомнил этого слугу, если встретит его в Замке в следующий раз. Варнава даже набрался смелости и поздоровался с ним, и слуге пришлось волей неволей начать выполнять обещанное уже при мне, потому что я стояла рядом и смотрела на него, не отрывая взора. Но, в сущности, он буркнул моему брату те же слова, что и мне раньше, хотя уже с видимой неохотой, но Варнава был и этому счастлив».

«И когда же он успел исполнить обещанное? – спросил К., – если всё это случилось, как ты говоришь, сегодня?» На самом деле, ему было довольно неудобно поддерживать с Ольгой подобный разговор, всё-таки в других краях, где он жил, пока не попал сюда, женщины вели себя, по крайней мере, на внешний вид более целомудренно, хотя, может быть, они просто скрывали от него свои любовные похождения. Он, конечно, мог понять и простить Ольгу, ведь она приносила себя в жертву слугам не просто за деньги, а ради спасения своей семьи, но даже такая жертвенность не могла не оставить в душе К. неприятный осадок. Но, как видно, здесь такое было в порядке вещей, раз даже Фрида совершенно беззастенчиво хвалилась ему своим положением любовницы Кламма, ещё когда он увидел её в первый раз, не говоря уже о хозяйке постоялого двора, которая уже как двадцать лет никак не могла забыть о том же самом и готова была поделиться этими воспоминаниями, можно сказать, с первым встречным.

«Да в том-то и дело, что этот слуга оказался вовсе не причём, – сказала Ольга, – не успел он проститься с Варнавой, причем сделал он это явно поспешно и даже невежливо, до такой степени ему было неудобно стоять там под моим пронзающим взглядом, хотя в действительности, это был всего лишь просто взгляд; если честно К., внутренне я уже махнула на этого слугу рукой – обычные ночные враки на конюшне, ничего больше, к такому я уже привыкла, и даже не особо расстроилась. Так вот, не успел он сделать и шага в сторону двери, чтобы, видно, никогда уже больше сюда не возвращаться, как Варнаву заметил и подозвал к себе этот господин Харрас. Он сидел недалеко один за столом, пил пиво и заедал его сардельками с тушёной капустой; на вид он так, вообще, огромный грузный мужчина, даже непонятно, как он может работать посыльным в Замке, где на такой должности требуется быстрота и выносливость; хотя, возможно, он и был таким раньше; как я говорила уже, он трудится посыльным много лет, и может быть, в молодости был даже похож сложением на Варнаву, люди ведь сильно меняются с годами. Но сейчас он очень огрузнен и даже со стула, бывает, поднимается с трудом».

«Странно, – сказал К., припомнив фотокарточку, которую ему показывала не так давно хозяйка постоянного двора, – а мне казалось, курьеры постоянно тренируются, чтобы быть в отличной физической форме».

«Да, конечно, так оно и есть, – с готовностью подтвердила Ольга, – каждое лето, да и вообще, когда настаёт тёплое время, они регулярно выполняют упражнения, прыгая через особым образом подвешенные над землёй канаты так, что волосы у них треплются по ветру, а пот катит градом. Тогда, бывает, что на это даже приходят посмотреть жители Деревни, если у них выдается свободное время, ибо зрелище это, и вправду, необыкновенное. Мне, правда, сложно представить, как это делает господин Харрас, потому что он, на самом деле, весьма полный господин, и когда он двигается, то со стороны кажется, что он словно перекачивается и подталкивает себя, неся или лучше сказать, выставляя вперёд свой живот. Не знаю, К., я ни разу не видела его там, где упражняются посыльные, но, может быть, для таких старых и опытных сотрудников устроены какие-то другие особые тренировки, но во всяком случае, на его службе это никак не сказывается, и на его работу никто не жалуется, а даже напротив, очень часто господина Харраса награждают за успехи разными знаками отличия, которых у него намного больше, чем у любого молодого курьера; пожалуй, на груди у него скоро не останется свободного места для новых значков, и вполне, может быть, что ему теперь даже сложно передвигаться под их тяжестью. Да и вообще, знаешь, К., как у нас тут говорят, толстяки на севере всё согревают, а на юге дают тень, и если бы от господина Харраса не было бы Замку пользы, его бы давно уже отправили в отставку».

«А Варнава тоже прыгает летом через канаты?» – спросил К., но Ольга в ответ только грустно покачала головой. «Эти тренировки только для официальных курьеров, – сказала она, – здесь у нас такая же ситуация, что и с ливреей посыльного, которую Амалии пришлось шить для Варнавы своими руками. Пока он официально не принят на службу, на тренировки он не допускается. Поэтому ему приходится делать упражнения в одиночестве, вспоминая всё то, что он подглядел издали на тренировках настоящих посыльных. Но Варнава молод и силен, ему не надо много в этом тренироваться, ты и сам видел, как он быстро ходит на службе, просто летает».

К. согласно кивнул в ответ: «Как раз это я хорошо знаю, передвигается твой брат просто со сверхчеловеческой скоростью, я это сразу заметил, когда встретил его ещё в первый раз. Жаль только, что вся его быстрота и ловкость не помогают ему по настоящему попасть на службу, где он мог бы принести гораздо больше пользы вашей семье, да и мне тоже».

«Но об этом я тебе и рассказываю! – воскликнула Ольга, не силах удержать спокойствие, – господин Харрас подозвал к себе моего брата поближе и даже позволил ему сесть рядом, правда, пивом или чем-то другим не угостил, с годами, как рассказывают, он стал более прижимистым, чем раньше, хотя жалованьем его в Замке, кажется, не обделяют. Я стояла поодаль, но вполне отчётливо слышала их разговор. Господин Харрас сказал, что в Замке давно уже ведётся внимательное наблюдение за службой Варнавы; правда, сначала он оговорился и назвал моего брата другим именем, но быстро поправился (когда брат назвал себя), сказав, что у него под присмотром очень много курьеров подобных Варнаве и он, случается, изредка путает их имена. Всё это происходит, сказал он, отнюдь не из-за его возраста, как кто-нибудь мог бы подумать, просто у старших посыльных столько работы и они настолько сбиваются с ног, заваленные поручениями чиновников, что иногда у них земля просто вертится перед глазами. В таких случаях, бывает, он изредка может и ошибиться, даже, скорее всего, просто оговориться, ибо, когда Варнава назвал ему своё имя, господин Харрас тут же припомнил, что хотел назвать именно его, а другое имя заскочило ему на язык, как раз потому, что его владелец доставил ему недавно много хлопот своей нерадивостью. Но, как он видит сейчас, Варнава в этом смысле полная противоположность, хотя ему, конечно, пока очень далеко до достижений господина

Харраса, но, тем не менее, при должном старании, он вполне может заменить того нерадивого, потому что именно сейчас у Харраса есть для Варнавы важное поручение».

«То есть, Варнаве предложили официально работу посыльного в Замке?» – с нескрываемым удивлением вырвалось у К.

«Ну, как тебе сказать, – ответила Ольга, – видишь, я была в таком возбуждении, когда господин Харрас подозвал к себе Варнаву, что на время даже утратила способность связно мыслить. Ведь ты же помнишь, я тебе рассказывала, как я написала для брата записку с просьбой его поддержать к тем слугам, с которыми я имела дело здесь в гостинице, и которые обещали своё содействие ему в Замке, ибо Варнава был тогда таким робким, что не смел и рта раскрыть, будучи в канцеляриях. И все мои старания тогда ни к чему не привели, кто-то из слуг просто порвал и выбросил эту записку. А тут не какой-то слуга, а сам господин старший посыльный лично обратил на моего брата внимание и подозвал его к себе! Конечно, тут голова невольно пойдёт кругом. Тем более, что мне почему-то вдруг представилось, что тот нерадивый, вызвавший неудовольствие господина Харраса, это и есть именно тот самый посыльный, которого обидела Амалия три года назад. Конечно, это была полная нелепость, так думать с моей стороны, но пока я отвлекалась на эти мысли, я пропустила часть их разговора. Может быть, как раз в это время господин Харрас и говорил, что моего брата собираются официально принять посыльным на службу в Замок. Во всяком случае, он снял у себя с груди один значок и разрешил Варнаве – а это поистине неслыханная честь, К.! – приколоть его на свою куртку, ту самую, что давным-давно сшила ему Амалия. Если уж это не знак того, что брата приняли на службу, то я тогда даже не знаю, какие доказательства ещё нужны».

При этих словах к чувству удивления К. стала примешиваться затаённая ревность. С одной стороны, он был без сомнения рад, что Варнаву, наконец-то, заприметили на службе; значит, два года его стараний всё-таки не пропали втуне; да и Варнава сам по себе ему нравился с самого начала их знакомства, он просто затмил собой перед К., всех остальных жителей Деревни. К тому же, и ко всему его семейству, К. относился по-доброму, даже к вечно угрюмой Амалии. Правда, Варнава подвёл К. несколько раз, но может быть, просто потому, что К. возложил на него слишком большие надежды, не зная ещё, что у Варнавы пока слишком неопределённое и шаткое положение на графской службе. Теперь же, когда тот стал настоящим посыльным, то и толку от него для К. должно быть куда больше, да и в канцеляриях к нему начнут, наверное, относиться в большей степени внимательно, уже как к своему, и может быть, станут доверять ему более важные поручения и не будут теперь обращаться с ним словно с пустым местом, на что он раньше постоянно жаловался сестре. Но, с другой стороны, не пойдут ли новые поручения для Варнавы в ущерб самому К.? Если тот будет тратить своё время на другие дела, то для К. этого времени может совсем не остаться. И не изменится ли теперь сам Варнава, не станет ли он по отношению к К. более высокомерным и пренебрежительным? Работники ведь тоже меняются под действием Замка. Если то, что ему рассказывала Ольга про слуг – правда, то и Варнава может измениться со временем, ведь трудно предположить, что изначально на службу в Замок принимается такой дикий и необузданный сброд, с которым, по её словам, в гостинице нет никакого сладу. Здесь возникало множество новых обстоятельств, которые К. безусловно должен будет тщательно обдумать в дальнейшем.

«А что за поручение получил твой брат, ты смогла расслышать?» – спросил он, отвлекаясь от своих мыслей.

«Да, это я услышала хорошо, – ответила Ольга, – господин Харрас сказал, что Варнаве надо будет доставить в Замок важное письмо. Он как раз сам собирался это сделать, поскольку поручение весьма ответственное, но сейчас у него и без того много срочных дел, требующих незамедлительных действий (при этих словах он заказал хозяину ещё пива и сарделек), и если Варнава готов себя как следует проявить, как надёжный посыльный, то он, Харрас, может ему в этом поспособствовать. Мой брат, конечно, сразу же с готовностью согласился, сам понима-

ешь, К., такой случай может больше никогда и не выпасть в жизни, а если бы даже он засомневался в своих способностях выполнить это поручение должным образом, то я бы живо его переубедила, благо что я стояла неподалеку и внимательно следила за разговором».

«Я и не сомневаюсь, что ты смогла бы легко бы убедить Варнаву взять это поручение, – шутливо сказал К., – рука у тебя, я вижу, тяжёлая». «Что ты, К., – почти испуганно возразила Ольга, – я никогда Варнаву даже пальцем не трогала, как бы он ни проказил в детстве». Но потом она поняла его шутку и тихо засмеялась в ответ.

«И что было дальше? – тоже улыбнулся ей К., ему нравился её почти беззвучный красивый смех, – заканчивай же свою историю».

«Ох, и не спрашивай, К., я смотрела на них с замиранием сердца, – даже по лицу Ольги было видно, что она будто снова переживает те волнующие моменты, – ведь наступали самые ответственные секунды, и когда господин старший посыльный, покопавшись в своей форменной сумке, достал оттуда письмо и передал его Варнаве, то я сама в это мгновение готова была впрыгнуть ему в руку вслед за этим письмом. Но мой брат, хоть руки его и дрожали от еле сдерживаемого волнения, сумел совладать со своими чувствами и принять подобающим образом письмо от господина Харраса. Правда, у него не было своей сумки посыльного, они выдаются только официальным курьерам и могут отличаться размером и отделкой в зависимости от служебного положения работника, и поэтому ему пришлось просто сунуть письмо за пазуху. Но, как мне показалось, это не вызвало какого-то различного неудовольствия со стороны господина Харраса; для него (как он сказал, возвращаясь к пиву и сарделькам) главное – это исполнительность и усердие. И поэтому Варнава, как раз видя перед собой достойный пример проявления этих качеств в лице господина старшего посыльного, поклонился, и не мешкая ни секунды, устремился выполнять доверенное ему поручение. Словно ветер пронёсся по залу, так быстро Варнава выскользнул оттуда».

«Ну, в быстроте Варнавы, я и не сомневался никогда, – отозвался К., осторожно зевая в ладонь, так, чтобы это не заметила девушка; его немного разморило от домашнего тепла, а на кухне было даже жарко, – но, знаешь, и я тоже пришёл к нему с новым поручением. Мне надо, чтобы он передал мой запрос в канцелярию».

«Но я надеюсь, что ты дашь моему брату возможность сначала выполнить поручение господина Харраса», – осторожно спросила Ольга, а глаза её умоляли об этом К. настойчиво и безмолвно. «Ну, если он до сих пор доставляет два моих предыдущих письма Кламму, то наверное, хуже уже не станет, если Варнава положит в дальний ящик ещё и третье моё поручение», – задумчиво пробормотал К. себе под нос, но Ольга услышала его и довольно заулыбалась.

«Так, значит, ты сейчас сидишь и ждёшь брата из Замка?» – спросил К., мысленно прощаясь с письмом Матильды; несмотря на хваленую быстроту Варнавы, письма К., если так можно выразиться, еле ползли к адресатам.

Ольга с беспокойством взглянула на кухонное оконце, за которым в ночи давно уже ничего не было видно.

«Жду весь вечер, – призналась она, – мне самой не терпится узнать, как именно всё у него прошло, ведь только представь К., – на секунду её взгляд стал мечтательным, – если Варнава станет.., – она тут же поправилась, – если он стал настоящим посыльным, то скоро об этом узнают все жители Деревни, и наша жизнь снова вернется к прежней, как это и было три года назад. Но, если честно, то я пока даже боюсь об этом думать, чтобы не спугнуть нечаянное-негаданное счастье. Ведь мы пережили столько горя за эти годы К., столько горя! Но, если это горе вдруг уйдет навсегда, то этот день станет для меня самым счастливым днём в моей жизни ещё и потому, что мне не надо будет больше иметь дела с этими мерзкими слугами из Замка. Только за одно это я готова благодарить тебя на коленях, К., ведь всё начало меняться именно с твоего приезда».

К. уже так давно не слышал ласковых и добрых слов в свой адрес, что от пронизавшего его удовольствия, он блаженно полуприкрыл глаза и позволил словам Ольги забраться в самую его душу, а потом и сам устремился им вслед, чтобы ещё раз ощутить чувство теплоты и безмятежности.

Обратно его вернул звук хлопнувшей невдалеке двери. К. открыл глаза и увидел, как Ольга беспокойно повернулась в направлении звука. «Варнава», – негромко воскликнула она, но вместо её брата на кухню вошла Амалия.

Она подозрительно взглянула на Ольгу, а затем перевела взгляд на К. и слегка ему улыбнулась. «Снова рассказываешь моей сестре байки про Замок? – усмехнулась она, – и когда ты только успеваешь их собирать. Будь с этим поосторожней, прошу тебя, она сегодня и так сама не своя от радости. Ещё немного, гляди и лопнет».

Радостное выражение ушло с лица Ольги, она молча отвернулась и снова продолжила накрывать на стол, не обращая внимания на сестру, и бросая редкие взгляды лишь на К.

«Ты ошибаешься, Амалия, – ответил К. несколько задетый её словами, – сегодня, наоборот, я слушал твою сестру. Разве ты не знаешь новости про Варнаву?»

«Да слышала кое-что сквозь сон, – зевнула Амалия, присаживаясь на скамью рядом с К., – как Ольга тараторила родителям про эти важные поручения для него, которые якобы всё изменят в их жизни». «Неужели, ты сама так не считаешь? – удивлённо спросил К., – или для тебя это не имеет значения?» «Считаю ли я, что один день и одно письмо преодолеют три года пренебрежения к нашей семье? – с серьёзным видом проронила Амалия, – ну, конечно, К., как может быть иначе! Через неделю мы съедем отсюда и выставим на улицу из нашего прежнего дома всё семейство Брунсвика! А они пускай живут здесь».

«Обычно не так просто определить, всерьёз ты говоришь или с насмешкой, – сказал К., – но сейчас мне не надо быть семи пядей во лбу, чтобы это понять. Но ведь я же видел, как ты мне улыбнулась, когда я вошёл в дом и улыбнулась, вот, сейчас, значит, всё-таки сегодняшние события как-то на тебя подействовали, хотя ты и пытаешься это скрыть».

«Я могла тебе улыбаться, потому что я просто хорошо к тебе отношусь, – возразила Амалия, – я уже говорила тебе, что мы люди доброжелательные. Гости у нас появляются редко, а такие как ты, вообще никогда. И почему бы мне не улыбнуться тебе слегка по такому случаю. Ольга вон, вообще, при виде тебя готова лопнуть от счастья, а ты этого не видишь, а норовишь заметить лишь мою улыбку».

К. слегка растерялся от такого напора, но потом вдруг вспомнил, что Амалия позапрошлый раз в разговоре с ним наедине настойчиво пыталась убедить его, что именно Ольга влюблена в К. с первой встречи, даже, несмотря на то, что на тот момент у него уже была невеста. Правда, цели самой Амалии были тогда ему неясны: если ей были безразличны чувства сестры, то тогда зачем она рассказывает о них К.? А теперь она говорит об этом уже в присутствии Ольги, да так, что бедняжке приходится изо всех сил отворачиваться и делать вид, что она хлопочет по хозяйству и ничего не слышит.

«Опять ты смеёшься надо мной, Амалия», – сказал К. с досадой, ещё даже не зная, как он закончит свою фразу. Обижать девушку ему не хотелось, но и сносить насмешки по поводу, якобы, влюблённой в него Ольги он тоже не собирался. Но не успел К. снова раскрыть рот, как в соседней комнате послышались шаги, и через несколько секунд ожидания на пороге кухни возник Варнава, как и прежде в своих белых ангельских одеждах и со всё той же приветливой улыбкой на своем нежном, но одновременно мужественном лице.

Глава 10 (35) Письмо

«Здравствуй, сударь», – первым делом, ласково, словно, узрев знакомого, но главного над собой человека, сказал Варнава и затем кивнул своим сестрам с таким же выражением на лице, как будто и для них он был посыльным. Но Амалия не двинулась с места и промолчала, а Ольга с лёгким вскриком бросилась брату на шею, чуть не спихнув со скамьи попавшуюся ей по дороге сестру.

«Варнава! У тебя всё получилось, Варнава? – спрашивала она его между поцелуями, искательно заглядывая ему в глаза, – ты выполнил поручение господина старшего посыльного? Какой красивый у тебя значок от него, похож на значок пожарного нашего отца, только больше», – и она нежно, но боязливо погладила значок пальцами.

«Курьера должно быть видно издалека», – объяснил Варнава, скосив взгляд на свою грудь, и даже Амалия услышав про это, встала и вытянула шею, стараясь увидеть значок через плечо сестры. «Да, ты, наверно, счастлив, наш козлёнок, – бросила она, садясь обратно на скамью, – не такой уж он и красивый».

«Не обращай внимания на неё, Варнава, скажи, ты уже отнёс письмо в Замок?» – умоляла брата Ольга и разве что, уже не трясла его за плечи в ожидании ответа. Видно, Амалия серьёзно сдала свои позиции, если Ольга, которая, раньше и не пыталась оспаривать её первенство, теперь решительно возводила на пьедестал своего брата, который скоро должен был возратить их семейству утраченное положение. К. даже посмотрел на них с завистью, в его-то положении, в отличие от них, ничего особо не поменялось, он так и продолжал балансировать над пропастью, да ещё, при этом утратил вероятно важное для него письмо. Но последующие слова Варнавы заставили его не торопиться с выводами.

«Я сразу же помчался в Замок, сестра, – подтвердил Варнава, – там, правда, мне была нужна, другая, более отдалённая канцелярия, чем та куда я хожу, относя письма господина землемера».

К. даже было открыл рот, чтобы воспользоваться таким удобным случаем и осведомиться о судьбе двух своих писем для Кламма, донёс ли всё-таки их до нужной канцелярии Варнава или нет? Но он сдержался, чтобы не рассердить этим Ольгу, слишком она была взвинчена сегодняшними событиями. Варнава тем временем продолжал.

«Если бы не значок господина старшего посыльного, я пожалуй, бы и не нашёл нужное мне место, – признался он, по-прежнему, улыбаясь и глядя одновременно на всех троих, так, во всяком случае, казалось К.; когда бы он не бросал взгляд на Варнаву, тот сразу же встречал в его в ответ приветливым ласковым взором, – благодаря ему, все встречавшиеся мне курьеры и привратники могли сразу указывать мне верную дорогу. И хотя они постоянно ошибались в своих советах, всё-таки понемногу я продвигался в верном направлении. Но когда я, наконец, достиг нужной канцелярии, привратник, подметавший у порога, не пустил меня внутрь, даже несмотря на мой значок. «Слишком поздно, – сказал он, – господа чиновники уже все давно разошлись»».

Ольга испуганно охнула, и прикрыв ладонью рот, опустилась на скамью рядом с торжествующей Амалией. Самого же К. слова Варнавы не особенно удивили, почему-то он ожидал от него нечто подобное.

Но Варнава вовсе не выглядел обескураженным, казалось бы, такой неудачей, какой она могла представиться остальным. Он невозмутимо продолжил.

«Не беспокойся, Ольга, если господа чиновники ушли со службы, то нет и смысла оставлять для них письмо в пустой канцелярии. Даже, если привратник впустил бы меня внутрь, а не пригрозил вместо этого вынести на улицу, то я бы всё равно не знал куда положить письмо в безлюдном помещении. Будет лучше, если я сохраню его у себя до раннего утра, я вообще

могу не спать сегодня ночью, если это потребуется, а завтра явлюсь в канцелярию самый первый, дорогу я запомнил хорошо, и когда первый чиновник или даже хотя бы писарь появится у дверей, я уже буду рядом, держа письмо в руках».

Ольга слабо улыбнулась, но всё равно выглядела встревоженно, казалось, она как заигравшийся карточный игрок, всё поставила на последнюю карту, зажмурилась и теперь боялась открыть глаза, чтобы не видеть краха своих стремлений и надежд.

«Мог бы там у дверей переночевать, – сказала безжалостная Амалия, – чего тебе было ходить туда-обратно».

«Странно, – вмешался К., – когда я приехал в Деревню в первый раз, при мне на постоялом дворе звонили по телефону в Центральную Канцелярию, и хотя была ночь, там шла, судя по всему, просто бешеная работа».

«А из твоей канцелярии, Варнава, все разбегаются уже ранним вечером», – снова подала голос Амалия, ей, очевидно, нравилось нервировать и допекать сестру.

«Центральная Канцелярия работает всегда, – простодушно ответил Варнава, – но рядовым курьерам вход туда закрыт, я знаю, что только старшие посыльные могут входить туда, да и то, только по особому разрешению».

«Ты неплохо разбираешься в местных делах, – заметил К., – но скажи мне, Варнава, ты всё-таки доставил мои сообщения господину Кламму? Те два письма?»

«Конечно, господин, – тут же чётко подтвердил Варнава, вытянувшийся для ответа, как солдат перед своим командиром, – я отдал их ещё вчера писарю у барьера, просто не успел тебе сказать, ты тогда сразу помчался в гостиницу к Эрлангеру. Вот только... – Он запнулся и на секунду его улыбка погасла, – писарь бросил твои письма в самый низ кучи с бумагами, да ещё что-то недовольно пробурчал, когда я сказал ему, что письма от господина землемера очень срочные».

К. только тоскливо вздохнул, и какой толк от таких писем и такого посыльного? Писарь безразлично сунет в общую кучу и третью записку от К., хорошо, если просто не выбросит её в мусорную корзину, когда Варнава, посчитав свою миссию исполненной, отвернется и выйдет из канцелярии. Эти письма К., были похожи на диких птиц, которые вместо того чтобы быть послушными почтовыми голубями, знающими свою дорогу, улетали от него по самым непредсказуемым направлениям, и гнездились, где угодно, только не там, где это требовалось К., даже, если ему помогал Варнава. Да и была ли это настоящая помощь или и здесь от К. снова что-то скрывалось?

«Послушай, Варнава, – сказал он, – я не виню тебя за то, что ты никак не можешь доставить мои письма Кламму; то есть, ты их доставляешь, (хоть и не сразу), но, я вижу, что ты не в силах повлиять на то, чтобы Кламму взял их сам в свои руки и прочёл. Передаешь ты их писарю, а самому Кламму отдать не смеешь. Но ведь так мы с тобой мало чего добьёмся. Тебе надо как-то действеннее проявлять себя, когда ты попадаешь в канцелярию».

«Но я всегда отдаю письма только писарю, господин, – вежливо возразил Варнава, виновато опустив руки, – отдать письмо в руки самому Кламму? Да, он ко мне даже шагу не сделает, он всегда стоит далеко от барьера».

«Но ты же можешь обратиться к нему своим голосом, Варнава, – всё ещё пытался убедить его К., – пусть письма уже затерялись в куче и завалены другими бумагами, но ты ведь помнишь их содержание наизусть; оклики Кламму, и он обратит на тебя своё внимание, а если и позвать его боишься, то хоть подай знак ему рукой, покажи, что у тебя есть для него важные сведения».

«К., прошу тебя, не запутывай ещё больше Варнаву, – вмешалась Ольга, – разве ты не знаешь, что нашей администрации больше всего ненавистно, если кто-то начинает её торопить и требовать ответов поскорее. Всё должно идти своим чередом, и письма даже с самого низа рано или поздно дойдут до адресата, графские службы их не потеряют и не упустят. Ведь ты же, К., получил два письма от Кламму, ты мне сам их показывал, а значит, работа идёт, твоя связь

с Замком не обрывается. Кто знает, может, ты завтра получишь от Кламма новое письмо, ещё более важное, чем предыдущие? Никогда нельзя терять надежды, я поняла это по себе. А, ты, Варнава, зачем волнуешь К. таким малозначащими деталями? – накинулась внезапно она на брата, – может быть, писарь на самом деле берёт первыми бумаги именно снизу, возможно ему так удобней, а ты своими несвоевременными замечаниями только портишь всё дело, и теперь, действительно, он в отместку задержит письма К.»

«Я всегда стараюсь исполнить свою работу до конца, – обратился Варнава к К., стараясь его приободрить, – хотя, может быть, у меня пока не хватает опыта, и Ольга справедливо указывает мне на мои ошибки. Но сегодня я старался ничего не упустить. Когда господин Харрас передал мне письмо от Шварцера и велел...»

«Это было письмо от Шварцера? – перебил его вдруг К., хлопнув ладонью по столу, да, так что все вокруг вздрогнули, – это правда?!»

Варнава обеспокоенно, но с доброжелательностью посмотрел на К.

«Именно так, – медленно, чтобы К. не упустил ничего из его слов, подтвердил он, – господин старший посыльный упомянул, передавая мне письмо, что оно получено им сегодня от Шварцера. Но для меня это не столь важно, главное для меня, доставить послание».

«Зато это очень важно для меня, Варнава, – тихо, будто потеряв силы, от своего предыдущего вскрика, сказал К., – я думаю, что это то самое письмо, которое для меня оставила госпожа из Замка».

Ольга непонимающе переводила взгляд с К. на Варнаву и обратно.

«Подожди К., – наконец, сказала она, – каким путём письмо получил мой брат, мы знаем; кто отдал его господину Харрасу, мы узнали только что; но как попало оно к Шварцеру, если оставили его для тебя, и зачем тогда Шварцеру отсылать его в Замок? Может быть, ты в чём-то ошибаешься?»

«Может и ошибаюсь, – согласился К., – в последнее время я часто ошибаюсь, я и сам это подмечаю. Всё это от усталости Ольга, от постоянной усталости, и с этим ничего я поделать не могу, потому что нет у меня возможности передохнуть».

«Ты можешь отдохнуть или даже переночевать у нас», – отводя взгляд, сказала Ольга, а её сестра при этих словах заговорщицки подмигнула К.

Но К., уже как собака взявшая след, не мог свернуть с тропинки; ведь это же так просто выяснить сейчас, чьё письмо хранит у себя за пазухой Варнава, и для этого не надо отправлять никаких запросов ни в какие канцелярии Замка.

«Ты так много говоришь об этом письме, Варнава, – шутливо, как ему показалось, обронил К., – а так до сих пор нам его и не показал. Пусть, хотя бы твои сестры взглянут на него и порадуются твоему успеху. Я бы и сам на него посмотрел с удовольствием, а заодно бы удостоверился, что это, наверняка, не то письмо, которое оставляла для меня госпожа из Замка. Видишь ли, Варнава, я точно знаю, что именно Шварцер перехватил сегодня послание предназначенное для меня и отправил его с курьером в Замок. Хотя я и не настаиваю, что у тебя именно оно, но ведь всякое может быть, согласишься».

Варнава благодарно улыбнулся, но отрицательно покачал головой. «Я бы рад, сударь, показать письмо, чтобы порадовать моих сестёр и тебя, если тебе этого хочется, но посыльному такое не дозволяется, а я ведь теперь посыльный Замка».

«Я видела это письмо издалека, это небольшой сложенный листок из дорогой бумаги, – подтвердила Ольга, – и я наверное, тоже с удовольствием бы подержала его в своих руках, как знак наших добрых надежд, но сейчас я полностью согласна с моим братом. Он теперь настоящий посыльный и должен вести себя как положено посыльному из Замка».

«Мне вообще безразлично, что там таскает мой братец, – бросила Амалия, – каким бы знаками ты это не называла, и тем более, я не стану брать в руки чьи-то письма». Сказав это,

она встала. «Мне надо вернуться к родителям, – сказала она, – а вы тут можете и дальше продолжать развлекаться, только прошу вас, делайте это по возможности тише».

«Погоди, Варнава, – изумлённо сказал К., не веря своим ушам, настолько ему было непривычно выслушивать отказ всегда податливого и доброжелательного к нему Варнавы. К. из-за этого, даже не заметил ухода Амалии, – погоди, но ты же раньше показывал Ольге письма, которые ты должен был доставлять другим людям, ну, вот, например, хотя бы мои! – И посмотрев на Ольгу, он почти возмущенно добавил, – и ты мне сама говорила, что читала эти письма. А ведь они были адресованы только мне и больше никому другому. Теперь же выходит, что Варнава боится показать письмо даже издали».

«Но ведь это было раньше, К., – робко ответила Ольга, и было видно, что ей очень не хочется расстраивать К., но другого выхода у неё просто нет. – Тогда мой брат работал посыльным негласно, я же тебе рассказывала об этом, ты должен помнить. – Она посмотрела на Варнаву глядевшего на неё с широко раскрытыми, полными укора глазами, улыбка сошла с его лица, – прости Варнава, что я выдала тебя К., но это было необходимо, иначе он не понимал, почему у тебя не получается выполнять его поручения так, как было ему привычно, хотя ты старался для этого изо всех сил. Но ты можешь не переживать, К. сам тебе скажет, что он совсем не сердится на тебя за то, что ты вводил его в заблуждение и делал вид, что ты настоящий посыльный из Замка, тем более, что ты передавал ему настоящие письма, а значит, в этот момент был исполнен духа настоящего посыльного. Правда, К., ты же сам мне сказал, что не будешь злиться на нас за наши подтасовки, ибо все они были из-за нашего испуга. А боялись мы в равной степени не только за нас, но и за тебя».

«Ну, при чём здесь ваш страх за меня? – с досадой сказал К., – мы же всё это с тобой уже давно обсудили и пришли к взаимному соглашению, а сейчас ты зачем-то пытаешься увилить в сторону. Ольга, ты же читала мои письма, даже тогда, как ты говоришь, когда твой брат был исполнен духа настоящего посыльного, а на самом деле, если, говорить правду, частенько, забыв про адресата, откладывал эти письма в сторону (давая тебе возможность их изучить) и садился тачать сапоги для Брунсвика».

«Так в этом всё и дело, – чуть не плача, дрожащим голосом произнесла девушка, – тогда было всё по другому. А сейчас, когда Варнава, можно сказать, облечён доверием Замка в лице господина старшего посыльного, я не осмелюсь не то что прикоснуться к его письмам, а даже просто посмотреть в их сторону, К., ну, как же ты этого не понимаешь?»

«Я понимаю, что вы здесь просто дрожите перед возможным неудовольствием Замка, – сказал К., – но мы здесь только втроём, даже Амалия ушла из кухни. Кто в Замке узнает, если мы будем молчать – а за себя, по крайней мере, я ручаюсь, – что кто-то, когда-то и где-то на краю Деревни увидел вблизи письмо для Замка?»

«Не знаешь ты Замка», – тихо сказала Ольга, но так, что К. внутри вдруг ощутил невольный страх, смутно вспомнив, что он уже когда-то слышал эти слова.

Всё это женские страшилки не больше, попытался убедить он себя и посмотрел на по-прежнему стоящего перед ними Варнаву.

«Варнава, позволь мне взглянуть на письмо, что ты получил от господина Харраса, – попросил он чуть дрогнувшим голосом, и даже протянул по направлению к груди Варнавы руку, – совсем ненадолго и я клянусь, что буду с ним очень осторожен. А если это письмо не то, что оставила для меня дама из Замка, то я сразу же верну его тебе в целостности и сохранности. Думаю, я смогу составить точное мнение ещё на первых строчках, а может, даже ещё на заглавии. Например, если там будет написано «Господину Кламму», то мне даже не будет нужно читать его целиком, я сразу верну его тебе. Если хочешь, я даже не буду глядеть на письмо, ты можешь сам проверить, кому оно адресовано, ведь ты же умеешь читать, а я в это время даже могу отвернуться в сторону, пока ты его читаешь».

«Но, господин.., – почти умоляюще начал Варнава, – ведь я не...»

«Погоди, Варнава, – прервал его К., и ему даже показалось, что тот замолчал с готовностью, чтобы не произносить мучительных для него слов отказа, и надеясь, что дальнейшие слова К. избавят его от этой необходимости, – не торопись с ответом. Если это письмо не моё, то никакого вреда от того, что я на него посмотрел, никому не будет. Но если, это то письмо о котором я думаю, то оно может иметь для меня большое значение, и мне важно в этом убедиться. Ольга ведь говорила тебе, что моё положение в Деревне, якобы пошатнулось? Говорила? Значит, выходит, мне вдвойне важна помощь могущественных господ из Замка и эта дама, похоже, из их числа. И письмо это, возможно, единственный путь получить её поддержку, потому что у меня нет пока других путей. А ты отказываешь мне из-за глупого опасения, что кто-то подглядит у окошка, как ты показываешь мне это письмо».

«Я не поэтому не могу показать тебе письмо, господин, – виновато, но твёрдо ответил Варнава, – а потому, что оно должно лежать у меня в сумке, а если её пока нет, то за пазухой, скрытое от всех, кроме того, кому оно адресовано, ибо теперь меня сделали настоящим посыльным. И я не могу сам прочитать его, я никогда не читал послания, которые передаю. Прости, господин, но даже, если это письмо адресовано тебе, а мы этого сами понять не сможем, ибо и я тебе показать письмо не могу, и сам его прочитать тоже не имею права, то всё равно я должен выполнить не твою просьбу, а поручение господина Харраса, именно для этого он и подозвал меня сегодня».

Как мало надо, оказывается, чтобы Варнава от него отступился, подумал К., стоило Замку лишь чуть поманить его пальцем, как Варнава сразу предал К.! И не только он, видно, что и Ольга крепко держит его сторону. И теперь на стороне К. снова нет союзников, кроме разве что Амалии, да и то она скорее всего безразлична к нему, хотя и не враждебна.

«Но ты ведь не настоящий посыльный, Варнава, – сказал раздосадованный К., – и значок этот тебе дали временно, чтобы ты мог быстрее доставить письмо, а ты уже распушил перья, да к тому же, всё равно на сегодня опоздал. Придётся тебе отвечать за это перед господином старшим посыльным, а посчитает ли он уважительной причиной то, что тебе надо было тачать обувь для Брунсвика, вместо того, чтобы поторопиться с письмом? Все вы, гонцы, только носитесь по миру, да передаете друг другу бессмысленные вести, потому что давно уже перепутали своих настоящих адресатов».

«Но я не занимался сегодня обувью, – непонимающе сказал Варнава, закрывая значок ладонью, как будто К. мог сорвать его одним лишь взглядом, – я сразу отправился в Замок, здесь не моя вина, что письмо мне отдали слишком поздно».

Он сказал это таким расстроенным голосом, что К. стало невольно его жаль. «Ладно, не обращай внимания на мои злые слова, – сказал К., – думаю, что тебя не лишат только что обретенной должности посыльного за то, что ты задержал письма всего на одну ночь. Ты и так задерживал письма неделями, как мне рассказывала твоя сестра, да и мои сообщения Кламму тоже доставлять не торопился. Поэтому тебе беспокоится нечего, стены Замка от твоих заминков на землю не рухнут. Но мне за другое обидно, Варнава, – продолжил К., – Ольга говорила, что мы здесь все друзья, что я очень важен для вашей семьи, да и я сам со своей стороны, делал всё возможное, чтобы помочь вам, хотя бы советом, если не получалось делом. И вот на мою открытость и доверие к вам, вы сейчас отвечаете отторжением и холодным отказом в моей небольшой, я бы даже сказал, пустяковой просьбе. А ведь я уже видел в тебе Варнава, своего друга».

Видно было, что слова К. сильно подействовали на Варнаву, и тот весь задрожал с головы до пят.

«Жаль, что наша дружба разрушается, не успев окрепнуть, и что для этого не надо, выходит, никаких серьёзных причин, всё решает ваш небольшой испуг перед Заком, перемена настроения, словом, любой пустяк, но, – продолжил К., – ведь и исправить всё может такой же пустяк, одно лишь движение может всё привести в порядок. Помогите мне, Варнава, ты сам

должен понимать, что всё это козни Шварцера, это он ввёл господина старшего посыльного в заблуждение с этим письмом, а на самом деле, он не должен был вообще его трогать, а если уж тронул, то отдать не господину Харрасу, а мне, и коли уж отдал курьеру, то доставить послание должны были мне, а не в канцелярию Замка».

«Это не испуг, К., а серьёзное наше опасение, – вдруг вмешалась Ольга, и встав позади Варнавы, приобняла его руками так, чтобы тот, поддавшись дружеским речам К., не вынул невзначай письмо из-за пазухи, – а что, если господин старший посыльный потребует потом у моего брата точного отчёта о всех его действиях? Это ведь первое ответственное поручение у Варнавы, и вполне может быть, что завтра господин Харрас вознамерится точно проверить, как строго Варнава выполнял все его указания, будет обсуждать с ним каждую подробность выполненной им работы, и вдруг узнает – не будет же Варнава ему врать – что ты, К., видел и даже читал его письмо! Тогда мы совсем пропали, К., потому что, если человека не взяли на службу в Замок, то это не такая большая неприятность, но если человека прогнали со службы в Замке, да ещё после двух лет безупречной работы, то это уже полная катастрофа и боюсь наша семья её не переживёт. Для тебя здесь просто всё внове, и ты пока не замечаешь опасностей, которые тебя окружают».

Теперь у Варнавы, оказывается, и служба беспорочная, подумалось К., видно, письма, которые он складывал под сапожным верстаком вместо того, чтобы отнести по адресу, на качество его службы никак не влияли, зато сейчас из-за того, что К. посмотрит на своё же письмо издали, всё рухнет.

«Ольга, ну, нельзя же так бояться Замка, – сказал К., – я здесь, человек, конечно новый, соглашусь, но как раз такому человеку и виднее всё со стороны. Все ваши беды начались именно из-за страха, который вы так и не смогли преодолеть, а только всё пытались исправить окольными путями. Да ты мне и сама рассказывала, что если бы после того, что случилось с Амалией, вы просто бы вышли к соседям и объявили, что всё уже в порядке, что дело улажено, что это было просто недоразумение, тогда бы вас приняли обратно в общину с распростёртыми объятиями. Но вы сидели дома и боялись каждого шороха, и ты сама знаешь к чему это привело. Так и здесь из-за страха, ради какого-то выдуманного отчёта для господина старшего посыльного, ты готова разорвать наши добрые отношения и нашу дружбу. Да ещё подбиваешь на это Варнаву, хотя у него, я думаю, на этот счёт может быть свое мнение».

Ольга в ответ промолчала, но казалось, приняла какое-то решение. Она что-то прошептала на ухо брату и повлекла его за собой из кухни, Варнава послушно последовал вслед за ней как ягнёнок ведомый на заклятие своей хозяйкой; на пороге она обернулась к К. и на секунду приложила палец к губам многозначительным, но ничего не означающим для К. жестом.

К. остался один и расстроено положил голову на руки. Он словно очутился в вязкой тине, где каждое движение требовало титанических усилий. Чего может быть проще, узнать что за письмо хранит за пазухой Варнава, и вот, на тебе – перед его простой дружеской просьбой воздвигаются крепостные стены, наверное, не ниже, чем в Замке, и наглухо запираются ворота – теперь и железный таран их не пробьёт, а К. давно уже не железный, он чувствует, что слабеет в Деревне с каждым прожитым днём. И что ему делать дальше, если его сбивают с ног даже такие маленькие невозможности, и что тогда случится, когда он встретит большие?

Его тягостные размышления прервала вернувшаяся одна Ольга. Она поспешила подсесть поближе к К. и негромко, но настойчиво заговорила. Она извинилась за вынужденную отлучку, за неприятную ситуацию с письмом, в которой они все невольно оказались, и попросила К. не расстраиваться.

«Трудно не расстроиться, когда твои друзья, у которых ты ищешь помощи, отказывают тебе в ней, – сказал К., – и что толку с извинений, если они ни к чему не ведут. Вы просто вежливо закрываете двери вместо того, чтобы просто хлопнуть ими перед моим носом».

«К., поверь, ради тебя я готова на многое, – сказала Ольга, снова беря его за руку, и заглядывая в глаза, – но есть вещи, которые сильнее нас и с которыми нам не справиться, хоть и выглядят они сначала, как будто бы незначительными, например, как тот же отказ показать тебе чужое, – при этих словах К. встрепенулся, и Ольга поправилась, – ну, хорошо, пусть даже твоё письмо. Но дело в том, что попав в руки господина Харраса оно сменило адресата и стало для тебя чужим. И теперь только Замок сможет решить его дальнейшую судьбу».

«И что ты предлагаешь? – грустно усмехнулся К., – написать прошение от меня и передать его с Варнавой в Замок, как я впрочем и собирался, когда ещё не знал, что нужное мне письмо находится совсем рядом в руках человека, называющего меня своим другом?» Здесь К. показалось, что он немного преувеличил, Варнава никогда об этом ему не говорил, но ведь столько доброты и дружеского участия светилось всегда в его глазах, когда он гладил К. по плечу и послушно кивал, получая от К., поручения, которые, впрочем, не особо торопился выполнять.

Ольга задумалась на ненадолго, закусив нижнюю губу. «Это хорошая мысль, – медленно произнесла она, покачивая головой из стороны в сторону, словно укладывая там внутри фразу К., на должное место, – тогда мой брат перестанет мучиться сомнениями, и хоть на эту ночь сможет успокоиться. Ты не представляешь, К., какой он впечатлительный и ранимый, как он сейчас взволнован, но изо всех сил пытается владеть собой, ведь посыльным из Замка нельзя показывать свои чувства. Я боюсь, что он не сомкнёт глаз до утра, а это не входит и в мои планы».

«А что ты задумала?» – спросил К. и почувствовал, как сжались её пальцы у него на руке.

«Я хочу тебе помочь, К., потому что ты много для меня значишь, – серьёзно ответила Ольга, глядя прямо ему в глаза, – но хочу помочь так, чтобы Варнава ничего об этом не узнал. Я прослежу, куда он положит твоё письмо – видишь, я называю его твоим – перед тем как лечь спать; вряд ли он положит его к себе под голову, всё-таки здесь его дом, здесь он чувствует себя спокойно. И ночью ты сможешь его достать, место я покажу, чтобы ты мог быстро его прочесть и сразу вернуть обратно. Тебе же не нужно само письмо, я надеюсь, а только его содержание?»

К. благодарно улыбнулся Ольге: «Это хороший план, жаль только, что приходится всё добывать окольными путями».

«По-другому никак невозможно, К., ты должен это понять, – твёрдо сказала Ольга. – По крайней мере, я не имею прямого отношения к Замку, и могу принять риск нарушения предписаний на себя, хотя, может быть, и мне это будет чем-то грозить в будущем. Но мой брат – это совсем другое дело. Вопрос даже не в том, что его нарушение – что, он, допустим, даст тебе посмотреть на это письмо – всплывёт во время отчета Варнавы о выполненном поручении господину старшему посыльному, вовсе нет. Мой брат спокойно мог бы скрыть этот факт, не бледнея, как провинившийся школьник перед учителем, в конце-концов, он уже взрослый, а взрослые вполне умеют лгать. Всё дело в самом Варнаве, в его отношении к своей службе. Все эти два года ему, да, по правде и мне, казалось, что он только в лучшем случае проходит испытательный срок, который всё никак не кончается и более того, может не кончиться никогда, и моему брату до конца жизни придётся вести такое призрачное полу-существование. И теперь вдруг на него обрушивается такая невероятная удача – всего через два года он становится настоящим посыльным! И если раньше он позволял себе мелкие небрежения службой, как-то: задерживал доставку корреспонденции, бросал письма под свой сапожный верстак, (где я их могла легко обнаружить и прочитать), не являлся в Замок неделями, то теперь всё изменилось; как официально принятый на службу, он теперь стремится до мельчайшей черточки соответствовать облику служащего Замка, и любое его вольное или невольное нарушение служебных предписаний просто подорвёт сами основы его существования и самоуважения. Он, конечно, мог бы только выполнять внешние обязанности, а внутренние – которые не видит начальство – не выполнять, но каждая такая невыполненная внутренняя обязанность, как например, обе-

регать письма от прочтения, превратится в несчастье, и оно уже потом не покинет Варнаву. Поэтому, если ты все-таки заставишь его каким-то образом показать тебе письмо, которое он обязался доставить другому адресату, то это, как ни парадоксально, но может привести его к тому, что он сам бросит службу, не в силах вынести своей вины перед Замком. Или в лучшем случае, он лично сознается в этом перед господином Харрасом, и тот, конечно, может быть, и не будет выгонять его со службы за такой проступок, а ограничится более мягким наказанием, но, что это будет за наказание, мы предвидеть не можем, пока нам это неизвестно, и я не могу рисковать Варнавой. Но с другой стороны, и ты, К., для нас очень важен, поэтому я готова рискнуть сама, чтобы одновременно ублаготворить тебя и не повредить моему брату. Потому что только благодаря тебе, я бы даже сказала, дважды благодаря тебе, мы обрели новую надежду, ибо, если бы не твой приезд в Деревню и не это письмо, которое ты так жаждешь заполучить, господин Харрас, может быть, никогда и не подозвал бы к себе Варнаву.

«Прямо весь свет сошёлся клином на этом старшем посыльном», – раздражённо пробормотал К.

«А, как же? – воскликнула Ольга, будто удивлённая его непроходимой тупостью, – ведь мой брат, наконец, смог отыскать своего начальника, а это всё равно, что снова обрести своего отца. Ты мог бы возразить, что его начальник Кламм, но, на самом деле, это не так, от господина Кламма Варнава только получает разные поручения. С таким же успехом можно было бы и тебя назвать начальником над моим братом, ведь ты тоже отправляешь с Варнавой письма и получаешь их. То есть, в каком-то смысле, конечно, вы оба стоите над моим братом на служебной лестнице – Кламм совсем в вышине, где его даже не видно невооружённым глазом, а ты, я полагаю, почти рядом с Варнавой – но вы находитесь, хотя и выше, но как бы несколько в стороне, (да и как может быть у работника одновременно два начальника?), а вот настоящего, истинного начальника у Варнавы не было до сих пор.

«И какие преимущества это ему дает? – спросил с удивлением К., – если ему теперь придётся отчитываться за всю свою выполненную работу, тогда как раньше, по-видимому, он был никому особо и не нужен на своей службе».

«Ну, как же, К.? – в свою очередь удивилась Ольга, – если есть начальник, то к нему можно всегда обратиться по любому служебному или личному вопросу, например повысить, когда Варнава сможет получить ливрею посыльного или форменную сумку для писем. Начальник – это же основа существования любой организации, без него служащие разбредутся кто куда, а без задач, что он перед ним ставит, они просто не будут знать, чем заняться и погрязнут в безделье или хуже того, займутся не тем, чем надо. Да и когда есть начальник, всегда каким-то образом возникает жалование для служащего, именно начальник определяет сумму и срок его получения, а ведь Варнава до этого за два года службы не получил ни единой монетки за свою работу. И вообще, я думаю, это огромная удача для Варнавы, встать кирпичиком в стене этой огромной и почти бесконечной организации, там где давление на него, конечно, будет велико, но ведь рядом будут его сослуживцы, другие посыльные, а сверху их накроет собой господин начальник; и так они без большого напряжения выдержат этот огромный вес, который бы в одиночку раздавил любого из них».

«Не хотел бы я, чтобы сверху меня уселся господин Харрас, – с иронией сказал К., – если верно то, что ты про него рассказывала. Хорошо, я соглашусь с тобой, Ольга, хотя всё, что ты мне говоришь, не кажется для меня убедительным, но ради тебя и Варнавы, я готов принять твое предложение. С другой стороны, я так понимаю, что мне придётся ночевать в вашем доме, чтобы быть рядом, когда ты доберешься до письма. Но твой брат не глупый, как мне кажется, человек, он может что-нибудь заподозрить, если я останусь здесь до утра. Или даже, может быть, и не заподозрит, но будет сильно тревожиться из-за чувства вины передо мной и до утра не уснёт».

«Это всё я уже обдумала, – ответила спокойно Ольга и похлопала его ладонью по руке, – как я уже тебе говорила, мы собирались немного отпраздновать успех Варнавы вместе с тобой. Поэтому ты просто выпьешь побольше вина, – и она указала на ту самую оплетённую бутылку стоявшую на столе, – и скажешься сильно пьяным. Тогда я уложу тебя спать здесь на печи, и мой брат ничего не заподозрит, не пойдешь же ты, в самом деле, ночевать в таком виде в школу, твоя ночёвка здесь будет тогда вполне объяснимой. А чтобы он не тревожился, как ты говоришь, то просто скажи ему, когда он сюда вернётся, что ты изменил свои намерения и хочешь теперь получить своё письмо официальным путём через запрос в канцелярию. Варнава, я думаю, даже обрадуется, потому что ему тогда представится возможность выполнить ещё и твоё поручение».

К. был удивлён про себя, насколько быстро Ольга сочинила свой план, заподозрив даже, что это часть какой-то заранее продуманной ею стратегии, но ему всё равно уже не оставалось ничего другого, как ещё раз согласиться, поскольку других вариантов у него не было.

Глава 11 (36) Разговор с Амалией

К. стоял перед огромными окованными железом воротами, над которыми развевались графские стяги с уже знакомой ему пугающей тварью. Ткань полоскалась на ветру и казалось, что животное трясёт над ними своими женскими грудями и шевелит длинным жёлтым хвостом. Вправо и влево от ворот в бесконечность уходили каменные стены, прерываемые кое-где дозорными башнями. К. и не думал, что Замок, на самом деле, такой огромный, из Деревни он всегда казался ему подобием жалкого городка с единственной круглой башней. А тут...

И когда Замок успел так измениться, он помнил его совсем другим, подумалось К., и в этот миг за внутри стенами ударили колокола, обозначая его прибытие, и их тяжёлый двойной удар пронзил его слух и душу, словно всколыхнув воздух судорогой великого нетерпения и гнева. К. не дрогнув, дважды ударил в ворота в ответ, и они повинувшись, со скрипом неторопливо разошлись, пропуская его внутрь, и выпуская изнутри на свободу последние раскаты колокольного грома.

Он прошёл сквозь линию ворот; наконец-то, он попал в Замок! Все препятствия и трудности остались позади, но впереди ожидали новые препятствия и новые трудности. Мало было просто попасть внутрь Замка, теперь надо было победить там всех, кто будет ему противостоять, чтобы защитить и подтвердить свои законные права, которыми он, без сомнения – и К. это чувствовал сам – обладал. Всю свою жизнь он сражался, чтобы только достигнуть этих железных ворот и пройти сквозь них, битвы на пути закалили его, сделали неуязвимым к невзгодам, и теперь он был готов драться дальше. Но за воротами его ожидало странное зрелище, вместо замковой площади, на которой его должны были ожидать новые противники, он увидел лишь вход в пугающий своими размерами лабиринт со стенами вздымающимися, конечно, не так высоко как замковые (те вообще уходили в поднебесье), но все же достаточно высокими, чтобы не дать ему проложить прямой путь прямо через них к одинокой круглой башне встававшей выше всех в центре лабиринта. К. сразу узнал эту башню, круглую с маленькими оконцами, с карнизом из неровных ломких зубцов, башню, которую он увидел издали, когда в первый раз приехал в эти места. Там – и он это знал точно – и находилась цель его затянувшегося путешествия.

К. бестрепетно шагнул под своды лабиринта – вот он каков, оказывается, этот таинственный Замок внутри – никогда он такого бы даже и не подумал, а впереди уже вставали новые врата освещённые почему-то лишь одними факелами, как будто в Замке так и не начали пользоваться электричеством.

Со стороны послышалось зловещее шипение, и перед К. появилась та самая грудастая тварь, но уже в своём живом обличье.

«Кто ты, посмевший подойти к вратам Закона?» – прошипела она человеческим ртом, груди белого мяса свисали с её боков, а желтоватый длинный хвост её, извиваясь кольцами, хлестал по каменным плитам пола.

«Сначала скажи мне, кто ты, – бестрепетно ответил К. – а потом уже спрашивай гостя».

«Я привратник, я первый страж этих врат», – прошипела тварь, а её человеческие глаза, неподвижные, похожие на глаза Гизы, в которых, казалось, вращались только зрачки, вперились в К. вызывающе и настойчиво.

«Меня зовут К., и я пришёл взять своё по праву, – отчеканил он, – пропусти меня».

«Ты лжёшь! – отвечал привратник, – ты взял себе чужое имя, дабы проникнуть сюда. Но в этом твоя ошибка! Пока ты не назовешь своё настоящее имя, тебе не пройти».

«Кто же я тогда? – удивленно спросил сам себя К., и чей-то голос еле слышно прошестел ему в ухо, – ты Карл, ты новый граф Вествест».

«Вот видишь, – ухмыльнулась тварь, насторожив свои чуткие львиные уши, – напрасно ты пытался меня обмануть. Проходи, но помни, около следующих врат тебя ждут другие стражи, а уже третий из них даже мне внушает невыразимый ужас».

К. смело сделал шаг в открытые для него врата, но нога его не нашла опоры, и с криком он полетел вниз в темноту.

«Проснись, К., проснись, тебе снится дурной сон», – услышал он чей-то знакомый голос и с трудом приоткрыл глаза, не в силах шевельнуться, его словно сковал жестокий паралич. В полутьме он увидел нависающую над ним женскую грудь, и чуть было не закричал снова от страха, ему показалась, что ужаснувшая его тварь последовала за ним в явь из глубин его сна.

«Тише, тише, К.» – услышал он снова голос и узнал по нему Ольгу; приподнявшись на локте она лежала с ним рядом с голой грудью и ласково гладила его по голове, шепча успокаивающие слова. Было раннее утро, он был на печи в доме семьи Варнавы под шерстяным одеялом почти без одежды, и Ольга была рядом с ним.

Как он сюда попал? Почему они вместе? Разум К. не успевал задавать вопросы, но ему и так было уже понятно, что с ним снова произошло нечто ужасное и непоправимое.

Словно пузырьки со дна болота в его памяти начали всплывать первые воспоминания прошедшей ночи. Как и было задумано Ольгой, когда на кухню вернулся Варнава, они втроем уселись за накрытый стол и принялись за нехитрый ужин. Варнава выглядел расстроенным, видно, ощущая свою вину перед К., и почти не притрагивался к еде. Им обоим пришлось приложить огромные усилия, чтобы приободрить Варнаву, причём для К. это было особенно трудно, он знал, что форменным образом обманывает своего посыльного, говоря ему какие-то ничего не значащие слова, и постоянно переглядываясь с Ольгой, как будто они вдвоём замышляют какое-то ужасное злодейство. Его удивляла и сама Ольга, на вид совсем простоватая девушка, не чета всегда задумчивой Амалии, но как же она тонко вела разговор со своим братом, время от времени поглядывая на К., и не забывая наполнять его стакан вином, кивала на Варнаву, как будто хотела дать понять К., как близко они к своей цели – получению вождя для К. письма. И делала она это так настойчиво и успешно, что К. вовсе и не потребовалось притворяться пьяным, последнее, что он запомнил, это Амалию стоявшую в дверях и смотревшую на него тревожным взглядом.

«Что тебе снилось, К.?» – участливо спросила шёпотом Ольга, дотрагиваясь рукой до его лба.

«Мне? Что я опять не тот, за кого себя выдаю, – с трудом пробормотал К., – Ольга, что произошло, и как мы здесь с тобой оказались?» «Ты сильно захмелел и уснул прямо головой на столе, – тихо проговорила она, – и я кое-как с трудом вместе с братом уложила тебя на печи». «А где сейчас Варнава?» – немного приподнявшись, спросил он. «Варнава уже давно ушёл в Замок».

Она вдруг увидела, что К. как-то странно тарашится на её грудь и поспешила прикрыться.

«Подожди, Ольга, – К., сел на лежанке, его сразу замутило, видно, вино оказалось для него слишком крепким, но несмотря на это, К. всё же помнил, зачем его пил, – а письмо, где письмо, которое ты обещала тайком вытащить у своего брата?» Ольга отвела взгляд в сторону. «Как бы я отдала тебе письмо, если ты уже беспробудно спал? – печально спросила она, – мне самой пришлось его прочитать». «Ты его запомнила или успела переписать для меня?»

Выходит, мимоходом пришло в голову К., Ольга ухитрилась прочитать все письма, которые здесь ему хоть кто-нибудь, хоть когда-нибудь отправлял.

«Да, я запомнила его на память. Это письмо, действительно, адресовано тебе, К., оно от госпожи из Замка». «Но ты скажешь мне, о чём оно?» – его насторожила странность Ольги, она словно через силу выговаривала для него слова.

Она вдруг резко повернулась и опрокинула его на спину, прижавшись к нему своим длинным горячим телом так крепко, что он ощутил биение её сердца.

«А ты останешься здесь, со мной, если я тебе его прочитаю?» – молящим шепотом спросила она К., впиваясь в него взглядом своих голубых глаз, уже не робким, но чего-то страстно ищущим. «Остаться здесь с тобой, – переспросил он ошарашенно, – что ты имеешь в виду? Жить у вас в доме?» Ольга в ответ слегка нахмурилась, и слегка отстранившись, провела пальцами по его щеке.

«Жить со мной, – уточнила она, – а где – это совершенно неважно. Если хочешь, мы можем уехать с тобой отсюда, мне в Деревне уже оставаться незачем. За родителями ухаживает Амалия, нас она к ним не подпускает, а Варнава теперь стал официальным посыльным, у него будет всё хорошо, и значит, дела всей нашей семьи тоже должны пойти на лад в скором времени; но мне не хочется ждать, я самая старшая, мне уже давно пора самой решить свою судьбу. Я долго думала об этом вчера. Помнишь, я говорила тебе, что твой приезд ознаменовал первые перемены в жизни моей семьи, и теперь я подумала, а почему бы именно не в моей жизни и не должны случиться, благодаря тебе, эти перемены?»

«Подожди, Ольга», – снова сказал он растерянно, пытаясь осторожно, но безуспешно отодвинуться. Похоже, Ольга искусно переиграла его, используя в своих целях, и хотя К. с похмелья ещё мало что понимал, и к тому же, совсем ничего не помнил из того, что случилось с ним этой ночью, ему не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы успеть сообразить, что вряд ли они вдвоём без одежды просто так провели ночь рядом с друг другом. Выходит, не успевал К. выкрутиться из одних обязательств к здешним женщинам, как тут же запутывался в других. Всё-таки здесь в Деревне женщины вели себя, пожалуй, слишком нахраписто и прямолинейно в достижении своих целей, К. уже далеко не в первый раз убеждался в этом на своём опыте. Амалия, как он помнил, говорила, что Ольга влюблена в него, но тогда К. совершенно не воспринял это всерьёз и не предпринял никаких предупреждающих действий. Пожалуй, наоборот, он слишком потакал Ольге, сидел с ней рядом часами здесь у печки, чуть ли не в обнимку, и тратя драгоценное время на разговоры, говорил о своей симпатии и участии в делах их семейства – вот, Ольга и сделала слишком поспешные выводы, а сделав их, перешла, как ей, видно казалось, к следующему логичному шагу – соблазнению К., даже не дожидаясь каких-либо ответных шагов с его стороны. А он было поверил Ольге, что она собирается просто помочь ему по доброте душевной, выкрасть на время письмо у своего брата, хотя скорее всего, у неё и в мыслях этого не было; вернее было, но только как дополнительная часть её плана, чтобы удержать его рядом с собой в дальнейшем. Безусловно, открыв такие махинации, К. следовало сильно обозлиться на Ольгу, но как он не старался, пока у него ничего не получалось, слишком молящим и беззащитным был сейчас её взгляд. Казалось, что она пошла на это преступление ради своих чувств к нему – можно ли их было назвать любовью, кто знает? – и теперь словно ожидала от него справедливой оценки своих грехов.

В любом случае, он оказался сейчас в очень затруднительном положении, слишком неожиданно это всё произошло и без всякого соответствия его планам. Но были ли эти планы осуществимы для него в одиночку? И осуществляются ли новые, если он останется с Ольгой, дав ей право принимать решения за него или всё-таки ему надо продолжать идти своим путём, ни на кого не оглядываясь?

«Послушай, Ольга, – произнёс он, как можно мягче, – тебе не кажется, что ты слишком торопишься в своих действиях? Я очень хорошо к тебе отношусь, и может быть, при благоприятных обстоятельствах и был бы готов стать твоим мужем; ты же это имела в виду, а не какие-то любовные шашни, верно? Но ты забываешь, что у меня до сих пор есть невеста, – эти слова К. произнёс довольно нерешительно, как будто и сам себе не верил, – хотя она пока и отказывается ко мне возвращаться. Да и с Варнавой всё не так просто, как кажется. Насколько я понял, господин Харрас только пообещал твоему брату содействие, но пока же Варнава официально посыльным не устроен, ведь так? Да, и зная, сколько Замок может тянуть с этим делом, даже я, как человек здесь новый, не стал бы сильно обольщаться. Вспомни, как вы были счастливы

с Варнавой два года назад, когда он в первый раз попал в Замок, и что случилось потом, когда радость ушла, и начались дни наполненные тоской и безнадежностью».

Взгляд Ольги несколько секунд ещё блуждал по лицу К., как будто она не расслышала его слов или не поняла их как следует, но вдруг потух, словно вся её жизненная сила вытекла из её только что живого мощного молодого тела. Она медленно отодвинулась от него, села на краю лежанки, даже не пытаясь прикрыться, и сгорбилась, словно её мышцы, а не только К. – и те от неё отказались.

«Я знаю в чём тут дело, – печально и глухо сказала Ольга, глядя куда-то в пространство перед собой, – ты не хочешь меня брать, потому что все эти два года, я отдавалась слугам на конюшне. И это служит для тебя препятствием, хотя ты знаешь, что делала я это не от большого своего желания, а от того, что у меня не было других возможностей бороться за свою семью. Или всё ещё хуже, может быть, ты считаешь, что я, вообще, не должна была даже задумываться о такой возможности, а не то, чтобы её целых два года осуществлять. В тех местах откуда ты родом, К., наверное, женщины ведут себя по другому и им проще умереть или дать погибнуть от нищеты своей семье, чем продать свою добродетель, поэтому ты здесь подходишь к ним с той же меркой, и лишь презираешь меня за мои поступки, хотя на вид, до сих пор, искусно это скрывал. И ты наверняка подумал сейчас, что я решила применить это оружие и в твою сторону, вознамерилась совратить тебя, чтобы добиться каких-то благ от тебя или поддержки. Что ж, ты прав и я заслужила такое отношение, надо признать».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.